

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 7

Москва
1999

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 1999 году.

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 7.
– 136 с.

ISBN 5-89209-383-2

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-89209-383-2

© Авторы статей, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Киреева Е. С.</i> К вопросу об источниках наполнения трех уровней структуры языковой ("американской") личности	4
<i>Менджерщицкая Е. О.</i> Публицистика как тип дискурса	13
<i>Жданова В. В.</i> Язык русских эмигрантов в Германии	18
<i>Филимонова Е. Н.</i> Корейские междометия и звукоподражания в русских текстах	26
<i>Пак Сон Гу (Республика Корея).</i> Национальная специфика фразеологизмов русского и корейского языков	33
<i>Ткаченко Н. Г.</i> К вопросу о терминологии изобразительного искусства.....	48
<i>Антонова И. А.</i> Материалы к парадигме предложений со значением эмоционального состояния/отношения	57
<i>Базылев В. Н.</i> Феноменология эмоций: гнев	71
<i>Батурина Л. И.</i> Российский ассоциативный портрет современной рекламы.....	85
<i>Каверина В. В.</i> Современная орфография приставок на <з> как результат закономерного развития языковой коммуникации.....	100
<i>Ильинская Н. Г.</i> Общерусское слово в диалектной системе. Из наблюдений над лексикой говора д. Тырпасовской Вилегодского района Архангельской области	115
<i>А. Хоссейни (Иран).</i> Выражение целевых отношений в русском и персидском языках.....	122

К вопросу об источниках наполнения трех уровней структуры языковой ("американской") личности

© Е. С. Киреева, 1999

Языковая личность не является гомогенным образованием, а представляет собой многоуровневое явление. Ее структура коррелирует с множественной структурой личности, или субъектным модусом бытия личности. Структура языковой личности (по Ю.Н. Караулову) взаимосвязана со структурой личности (по Э. Берну) и состоит, по меньшей мере, из трех уровней. Субъектный модус определяется в категориях трансактного анализа, предложенного Э. Берном [Берн, 1992] (Ребенок, Взрослый, Родитель) и соотносимого с тремя уровнями в структуре языковой личности: ассоциативно-семантическим, лингво-когнитивным и мотивационно-прагматическим [Киреева, 1998: 94-102].

В данной статье предметом обсуждения является характеристика составляющих каждого из уровней и выявление источников их наполнения (сферы I и III уровней, открытые для "входа") [Караулов, 1987: 91].

Языковая личность использует три типа стереотипов¹: на I уровне структуры языковой личности (ассоциативно-семантическом — Ребенок) стереотипными оказываются типовые структурные схемы предложений ("паттерны") или слова, имеющие для данной языковой личности особое значение; к таким словам можно отнести безэквивалентную и фоновую лексику; на II уровне (лингво-когнитивном — Взрослый) — генерализованные высказывания, отражающие особенности индивидуальной и соответствующей социальной "картины мира"; таковыми являются фразеологизмы; на III уровне (мотивационно-прагматическом — Родитель) стереотипными оказываются прецедентные тексты (заглавие, цитата, имя персонажа/автора и др.).

К I (ассоциативно-семантическому) уровню в структуре языковой личности относят безэквивалентную и фоновую лексику, а также лексические единицы, частотность использования которых в речевом обще-

¹ Под стереотипом понимается структура, представленная инвариантной совокупностью предсказуемых валентных связей, репрезентирующих национально-маркированный концепт предмета (И.В. Захаренко, В.В. Красных). Различают ментальные, социо-культурные и языковые стереотипы. В данной статье преимущественно рассматриваются языковые стереотипы.

нии определяется спецификой отношений в социуме. В основе фоновой лексики лежат ассоциации, кодифицированные в качестве нормы и общепризнанные в среде определенных носителей языка и культуры. Фоновую лексику разделяют на денотативно-фоновую и коннотативно-фоновую. Денотативные реалии — это лексические единицы, целиком "заполненные" фоновой информацией. Эти единицы не имеют смысловых соответствий в другом языке, они не переводятся на другой язык и не имеют эквивалентов за пределами "своего" языка. При переводе они, как правило, калькируются ("баксы" — от *"bucks"* [доллары]; "гринь" — от *"greens"* [американские доллары имеют зеленый цвет]; "йогурт" — *"yogurt"*). Целесообразность выделения в языке коннотативных слов как особого типа лексических единиц не бесспорна, ибо коннотации не существуют сами по себе, они "группируются" в слове, накладываясь на одно из его значений, благодаря дополнительным смысловым оттенкам, являющимся результатом национального "видения мира".

К источникам наполнения I уровня можно отнести следующие: а) "аттракцию синонимов"; б) смену культурологических установок.

"Аттракция синонимов", т.е. образование широких синонимических рядов вокруг понятий, имеющих особое (ключевое) значение в жизни конкретного общества, указывает на зависимость номенклатуры лексики от факторов культуры (корреляция с социальными стереотипами). Для американского социума приоритетными центрами "аттракции синонимов" можно считать: (а) деньги [ментальный стереотип *"Money is above all"* — "Деньги превыше всего"], (б) автомобили, (в) понятие *"self-made person"* — "человек, который добился всего в жизни самостоятельно" и, таким образом, воплотил в жизнь *"American Dream"* — "Американскую мечту". Эти центры "синонимической аттракции" могут быть дополнены другими, но и они являются производными от вышеуказанных базовых аттрактантов.

Первая составляющая (деньги) тесно связана с историей страны. Интенсивный ход развития экономики (XIX в.) обусловил появление в *AmE (American English)* цепочки лексических единиц к слову "деньги": *a penny* — цент; *a nickel* — монета в 5 центов; *a dime* — монета в 10 центов; *a quarter* — монета в 25 центов; *a half* — полдоллара; *cash* — наличные деньги; *saw buck* — 10 долларов (от *"saw-buck"* — козлы для пилки дров, имеющие форму "X" [от римской цифры X]) и др.

В дальнейшем вышеперечисленные реалии стали основой для образования устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, обслуживающих II (лингво-когнитивный) уровень. Например, *"don't take any wooden*

nickels — "не давайте себя водить за нос", "стаайтесь не попасться на удочку"; *"to turn on a dime"* — "быть проворным, чувствовать время и обстановку"; "уметь вертеться"; *"to be in the bucks"* — "быть при деньгах"; *"to pour money down the drain"* — "потратить, полностью спустить деньги" и др.

Цветовая "синонимическая аттракция" (доллары в обиходе называют "зелеными" [*"greenback"*]) зафиксирована в таких реалиях-американизмах: *"cabbage"* — "капуста"; *"green stuff"*, *"long green"* — "бумажные деньги", *"green goods"* — "фальшивые бумажные деньги" и др.

Следует отметить и "прецедентный" характер некоторых "монетарных" американизмов: *"Abe's cabc"* — банкнота достоинством в пять долларов, на которой изображен портрет А. Линкольна [от *Abe* — сокр. от *Abraham* + *cabc* — сокр. от *cabbage*]; *"big George"* — 25-центровая монета, на которой изображен портрет Дж. Вашингтона.

В основе центра "синонимической аттракции" (автомобили) лежит ментальный стереотип — *"to keep up with the Joneses"* — "быть не хуже других" [ср. *"Mine is Better"* — излюбленная игра психологического Ребенка]. Лексический фон ключевого слова (автомобили) тесно связан с интенсивным его использованием в американской действительности (*"drive-in"*) и влияет на образование широкого синонимического поля: *"drive-in restaurant"* — "ресторан для автомобилистов" (с подачей блюд в автомобиле); *"drive-in movie"* — "кино для автомобилистов" (на открытой площадке, где фильм смотрят из автомобилей); *"drive-in phone"* — "телефон для автомобилистов"; *"drive-in church"* — "церковь для автомобилистов" и др.

Концепт *"self-made"* остается идеалом Америки XX века (наиболее четко представленном в романе С. Фицджеральда "Великий Гэтсби"). В *AmE* насчитывается более 100 лексических единиц, имеющих первой составляющей префикс *"self"* — "Я", "самость". Например: *"self-affirmation"* — "самоутверждение"; *"self-esteem"* — "самоуважение", "чувство собственного достоинства"; *"self-reliance"* — "уверенность в себе, в своих силах" и др.

Новое явление, выраженное непривычной языковой единицей, может реализовываться лишь в допустимых рамках, что обусловлено давлением стереотипов ментального характера ("нежелательно нарушать привычные действия", "необходимо учитывать мнение свыше"), являющихся реакцией психологического Ребенка на стимул психологического Родителя ("Делай так, как тебе говорят!"), а также может свидетельство-

вать о "креативной потенции" первого. Например, по аналогии с моделью *"drive-in"* в *AmE* используются такие единицы: *"walk-in apartment"* — "квартира на первом этаже, имеющая отдельный выход на улицу"; *"tie-in"* — "принудительный ассортимент", "нагрузка"; *"live-in"* — "проживать в чужой квартире"; "жить в квартире/иметь квартиру по месту службы/работы"; *"stand-in"* — "замена, подмена", "дублер"; *"shoo-in"* — "верный победитель", "кандидат на выборах, успех которого гарантирован" [из лексики скачек, где жокеи, заинтересованные в победе определенной лошади (*shoo-in*), намеренно придерживают своих коней]; *"grands-in aid"* — "финансовая помощь штатам со стороны федеральных органов власти"; *"lock-in"* — "форма протеста, когда заключенные тюрьмы отказываются покидать свои камеры" и др.

Наполнение ассоциативно-семантического уровня происходит особенно интенсивно во времена социальных катаклизмов, сопровождаемых резким повышением семантической активности и характеризующихся усилением роли ментальных стереотипов. Например, в 60-е годы XX века (борьба негритянского населения США за свои права) появились неологизмы, сконструированные по схеме *"- IN"*: в знак протеста против сегрегации негры устраивали сидячие забастовки (*"sit-in"*) в ресторанах, предназначенных только для белых; появлялись в бассейнах и на пляжах для белых (*"wade-in"*), в церквях (*"kneel-in"*), в парках и стадионах (*"walk-in"*), вносили своих кандидатов в списки для голосования (*"register-in"*).

Объективным условием наполнения I уровня следует считать и смену культурологических установок, способствующих семантической диффузии и заимствованию лексических единиц из другой культуры. Например, в результате колонизации индейских племен, *AmE* пополнился следующими заимствованиями: *"chinook"* — "теплый, влажный юго-западный ветер в штатах Орегон и Вашингтон" [по имени индейского племени, жившего в устье реки Колумбия]; *"skunk"* — "скунс" [индейцы называли этим словом отвратительного человека, в этом значении оно сохранилось в американском слэнге]; *"tomahawk"* — "томагавк". Названия многих штатов США пришли из индейских языков: *"Alabama"* — "Алабама" [по названию индейского племени из группы кри, на языке индейцев чокто *"Alabamu"* — "расчищаю заросли"]; *"Arizona"* — "Аризона" [от индейского *"ari zonac"* — "маленький ручей"]; *"Michigan"* — "Мичиган" [название индейского племени и местности: *"michi gama"* — "большая вода"] [Томахин, 1982: 50]. Позже эти топонимы перешли в разряд прецедентов, характерных для III (мотивационно-

прагматического) уровня. В ходе развития языка некоторые из стереотипов I уровня переходят на II уровень: *"drunk as a skunk"* — "находиться в состоянии сильного алкогольного опьянения"; *"to bury/to lay aside the tomahawk"* — "прекратить военные действия", "заклечь мир"; *"to dig up/to raise the tomahawk"* — "начать войну".

Еще одним объективным фактором, приведшим к появлению неологизмов, можно считать "революцию молодого поколения" (50-70 гг. XX века). В 1958 году репортер из Сан-Франциско впервые использовал слово *"beatnik"* [от *"beat"* — музыкальный ритм той эпохи, в котором совмещены элементы джаза и рок-н-ролла + суффикс *"nik"* — вероятно, от русск. "Спут-ник"] в значении "усталое, разбитое поколение", "разочарованный, лишний человек". В начале 60-х слово *"beatnik"* уступило место слову *"hippie"/"hippy"* — молодежное движение, отрицавшее существовавшие традиции и конвенции [вероятно, из негритянского слэнга *"hip"* — "одиночка", "не принадлежать обществу"]. В начале 70-х годов появилось слово *"yippie"* — "юппи" [акроним, по аналогии с *"hippie"*] — член Международной молодежной партии [сокр. от *"Youth International Party"*], группы левого крыла, поддерживающей движение молодежи конца 60-х — начала 70-х гг. В середине 80-х появились "молодые профессионалы" — *"yuppie"/"yup"* — "яппи" [сокр. от *"Young Urban Professional People"*].

Эти примеры (*"beatnik"*, *"hippie"*, *"yippie"*, *"yuppie"*) подтверждают факт изотропности (линейности) структуры ассоциативно-семантического уровня. Развитие семантики слова — это деформация его значения под влиянием дополнительной информации: вновь появляющиеся слова, сохраняя ассоциацию с предшествующими, фиксируют стереотипные представления конкретного периода.

В качестве языковых стереотипов I уровня следует рассматривать компрессию (аббревиатуры, сложение основ и т.д.), поскольку такие случаи представляют собой стянутые в одно слово номинативные сочетания. Для *AmE* характерны следующие формы аббревиатур: (а) сокращение первой лексической единицы и сохранение второй; образная аналогия; использование существующих аббревиатур: *"T-shirt"* — "тенниска"; *"U-turn"* — "поворот на машине на 180°" [U-образный поворот]; *"TV-addicts"* — "теленаркоманы" [от *"drug-addicts"*], смотрящие все передачи подряд; (б) лексические единицы, образованные от слияния двух слов и сохранившие несколько начальных букв, причем новое образование приобретает дополнительные семантические оттенки, поглощая значение двух составляющих в силу компрессии значения.

Например: "*brunch*" — "брэнч" [от *breakfast+lunch*], подается около 11 часов в выходные дни; "*laundromat*" [от *laundry+ automat*] — "прачечная, в которой клиенты сами стирают белье в машинах, опустив монету"/"прачечная-самообслуживания"; "*sit-com*" — "мелодрама, распространенный в США жанр TV передач, где в многочисленных сериях в течение многих лет участвуют одни и те же персонажи" [от "*situational comedy*"] и др.

Отметим, что вышеперечисленными стереотипами не исчерпывается весь "словарь" ассоциативно-семантического уровня, но лишь указываются основные источники его наполнения (к языковым стереотипам данного компонента субъектного модуса, по-видимому, следует отнести стилистически-окрашенную лексику — жаргонизмы, слэнг, являющиеся вербальными сигналами "импульсивного", "непослушного" Ребенка [Ре(-)]).

К языковым стереотипам II (лингво-когнитивного) уровня относят: (1) национально-детерминированные минимизированные представления, являющиеся результатом редукции некоторого элемента культуры; (2) языковые стереотипы (система пословиц, поговорок); (3) совокупность экстралингвистических знаний носителей языка (проявляющихся в языковых стереотипах), указывающих на культурные концепты и схемы, определяющих национально-специфические форму и содержание речевого общения определенного этноса (в котором проявляется "концептосфера"). Таковыми, в частности, являются фразеологизмы, играющие роль "культурных знаков" [Телия, 1996] и указывающие на этнические эталоны (ментальные стереотипы).

К источникам наполнения языковых стереотипов лингво-когнитивного уровня можно отнести редукцию/компрессию некоторого элемента культуры, бытующего в национальном сознании и отражающего во фразеологизмах экстралингвистические знания (культурные концепты). Например, "*log-cabin president/politician*"- "президент/политический деятель из низов" [букв. "родившийся в бревенчатой хижине"]. Национально-культурный компонент этого фразеологизма представлен в "*log cabin*" — "бревенчатая хижина", т.е. в такой хижине, которую в основном строили переселенцы из северной Европы. Многие американизмы, утратив свою мотивированную прецедентность (по Ю.А. Сорокину), используются в *AmE* в качестве "немотивированных" фразеологизмов. Например, в основе фразеологизмов — "*a Philadelphia lawyer*" — "находчивый, хитроумный юрист"; "*shrewd as a Philadelphia lawyer*" — "человек, обладающий способностью сбить с толку, ввести в

заблуждение"/"хитрый, как юрист из Филадельфии" — лежал следующий прецедент: в начале XVIII века известному юристу из Филадельфии А. Гамильтону (*A. Hamilton*) удалось оправдать журналиста из Нью-Йорка Дж. Зенджера (*J. Zenger*), что сыграло определяющую роль во включении в "Билль о правах" статьи о "свободе печати".

Многие фразеологизмы (поговорки, крылатые фразы, генерализованные высказывания и т.п.) возникли из текстовых реминисценций (имеют прецедентный характер). Например, *"a nine days' wonder"* — "чудо, длившееся девять дней" [этот фразеологизм восходит к *"Troilus and Criseyde"* Чосера (XIV век), которому он и обязан своим появлением]. В современном *AmE* он приобрел дополнительный семантический оттенок — "кратковременная сенсация, предмет недолгих толков" — и частично вошел в поговорку *"a wonder lasts but nine days"* — "все приедается", а также повлиял на появление нового фразеологизма в *AmE* — *"a ninety-day wonder"* — букв. "чудо трех месяцев [90 дней]": "офицер, комиссованный после 3-х месячного испытательного срока"; "очень молодой офицер"; "офицер-запаса, прошедший 3-х месячный курс подготовки".

Одним из источников наполнения стереотипов II уровня выступают шутки, притчи, анекдоты. Известная притча о "белом слоне" (*"White Elephant"*), согласно которой король Сиам, желая разорить одного из своих подданных, подарил ему священного белого слона, содержание которого обходилось очень дорого, послужила толчком к появлению стереотипа *"a white elephant"* — "обременительное или разорительное имущество, обуза".

К одной из особенностей наполнения лингво-когнитивного уровня, отражающей социокультурные стереотипы американского общества, следует отнести блок фразеологических единиц, одной из составляющих которого выступает прецедент *"Dutch"* (голландские переселенцы основали в 1626 году на американском побережье Новый Амстердам, но спустя 40 лет его отняли англичане и переименовали в Нью-Йорк [в честь герцога Йоркского]). Для большинства этих фразеологических единиц характерна ироническая или юмористическая коннотация (возможно, это объясняется продолжительными военными конфликтами между Англией и Голландией; в дальнейшем этот ментальный стереотип был перенесен и в США). Например: *"Dutch comfort"* — "слабое утешение"; *"the Dutch have taken Holland"* — "открыл Америку"; *"to talk like a Dutch uncle"* — "жестко наставлять кого-либо, журить" и др.

Характерной особенностью III (мотивационно-прагматического) уровня (так же как и I) в структуре языковой личности является "открытость" входа. К языковым стереотипам этого уровня можно отнести прецедентные тексты (заглавие, цитаты и т.д.).

Феномен прецедентности опредмечивается в определенном роде текстах: "Это тексты (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым происходит неоднократно в дискурсе языковой личности" [Караулов, 1987: 216].

Являясь принадлежностью прагматикона языковой личности, прецедентные тексты широко используются в общении, поскольку подразумевается их осознание другим носителем языка как осведомленного о мире данной этнокультуры. В свою очередь, выявление в речевом репертуаре личности некоторого "набора" прецедентных текстов позволяет определить ее цели, мотивы и установки.

Прецедентный текст может рассматриваться и как стабилизирующий фактор коммуникации, ибо с его помощью реализуется одна из составляющих психологической роли/субъектного модуса — "оберегающего"/"понимающего" Родителя [P(+)], функция которого заключается в передаче межпоколенного опыта. Нередко прецедентная информация намеренно используется коммуникантом для воздействия на адресата, что нарушает общение и затрудняет понимание (поведение с позиции "назидательного"/"строного" Родителя [P(-)]).

Таким образом, совокупность прецедентных текстов — это "совокупность эталонных, имеющих внутреннюю когнитивно-эмотивную и аксиологическую форму текстов, обращение к которым мотивировано для реципиентов" [Сорокин, Михалева, 1993: 102]. Прецедентные тексты можно рассматривать как "лакуны", позволяющие, с одной стороны, добиваться приращений смыслов, а с другой, утилизировать феномены культуры: они указывают на формы циркуляции культуры, на культурный фон и фонд (синхронный и диахронный), находящийся в обращении (на "культуросферу" конкретного этноса) [Сорокин, Марковина, 1983].

Л и т е р а т у р а

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Л.: Лениздат, 1992. — 400 с.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. — 263 с.
3. *Киреева Е.С.* Соотношение "язык и личность": к вопросу о построении синтезирующей модели // *Язык, сознание, коммуникация.* М., 1998. Вып. 4. С. 94-102.
4. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун. Методологические и методические аспекты // *Лексические единицы и организация структуры литературного текста.* — Калинин, 1983. С. 35-52.
5. *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 98-117.
6. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. — 286 с.
7. *Томахин Г.Д.* Америка через американизмы. М.: Высшая школа, 1982. — 256 с.

Публицистика как тип дискурса

© кандидат филологических наук Е. О. Менджерницкая, 1999

Основной функцией публицистики, как известно, является сообщение информации. Но публицистика как тип дискурса этим не ограничивается, если под дискурсом понимать не только «совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов» («Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, с.179), не только «вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания» (там же, с.179). Представление о дискурсе как о «речевом произведении, рассматриваемом во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического...) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» («Краткий словарь лингвистических терминов» Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович, с.57) также кажется не вполне достаточным. Наиболее адекватным нам представляется следующее определение: «...под дискурсом мы понимаем вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» (В.В. Красных «Виртуальная реальность или реальная виртуальность?», с.190). Отсюда следует, что дискурс можно считать когнитивным процессом, отражением мышления средствами конкретного языка.

Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления и подачи информации, а также особенности ее восприятия. Это означает, что необходимо учитывать эти особенности как в рамках определенного национального дискурса, так и в рамках определенного издания. Другими словами, способы представления информации в данном конкретном издании могут иметь свои особенности по сравнению со стратегией подачи информации в данном типе дискурса в целом. С другой стороны, для адекватного понимания сообщаемой информации необходимо совпадение так называемых когнитивных баз, или фоновых знаний, участников коммуникации, т.е. наличие опреде-

ленных знаний и представлений, характерных для членов данного национального языкового сообщества.

Необходимо оговориться, что под публицистикой в данном случае понимается так называемая «качественная пресса» (quality press). Среди изданий такого рода можно упомянуть «Time Magazine», «The Times», «The Economist», «The Guardian», «Financial Times», «The Wall Street Journal» и другие. Выбор качественной прессы для анализа (а также преподавания современного английского языка) обусловлен не только тем, что она предлагает информацию о различных аспектах деловой жизни во всем мире, но и обеспечивает образцы приемлемого языкового употребления. Как справедливо отмечает Т.Б. Назарова в своем учебном пособии «Business English. An Introductory Course for Advanced Students», «Quality press authors, however, are never satisfied with a mere naming of events, people and facts. For most of them discussion of current events in finance, industry and politics will be more often than not regarded as a formidable task challenging not only their intelligence and analytical thinking but also their feel for the language with its infinite variety of choices and preferences. A student of Business English will have to learn to apprehend the subtle and intricate metaphors, numerous instances of elegant variation and wordplay, intensified through allusion and quotation. The latter are increasingly present in quality press, making its reading a sophisticated quest for meaning with more focus and emphasis on the linguistic aspect» (с.68).

Отбор материала для анализа и изучения происходит уже на этапе просмотра заголовков статей того или иного издания. Поэтому мы решили сосредоточиться именно на особенностях названий в журнале «The Economist», который на самом деле является газетой, хотя и издается в формате журнала.

Итак, чем же является заголовок статьи — отражением ее содержания или способом привлечения внимания читателя? Просматривая названия статей, мы приходим к выводу, что они скорее ориентированы на восприятие, чем являются заявкой об определенной информации, содержащейся в статье.

Среди названий можно выделить следующие типы:

1. нейтральные:

- Raising standards
- Why Internet shares will fall
- The risks of free trade
- An integrated route to success
- Saving the Olympic spirit

The lesson of Quebec

2. содержащие фонетическое обыгрывание (аллитерацию, ассонанс, рифмовку, паронимы, звуковой символизм):

How dangerous is Los Angeles?

The doomed and the dangerous

Poverty and plenty

Better times for a battered country

Gates the Good

Junk funk

Of devils, details and default

Bubble babble

3. коннотативные:

а) обыгрывающие популярные изречения, понятия, пословицы, песни:

All hands off Estonia's deck

A survival guide

Top marks for achievement

Dirty tricks and democrats

Needles in giant haystacks

Laughter through Italian tears

No ivory towers

Yo, ho, ho, and a bottle of rice wine

A pig of a problem (в этом случае переплелось несколько устойчивых словосочетаний и понятий: с одной стороны, мы знаем клише a root/heart of a problem; с другой стороны, в одном из своих значений слово pig (difficult or unpleasant thing, task, etc.) употребляется в таких выражениях, как a pig of a job/day/exam; дополнительную ироническую коннотативность в это название привносит обыгрывание буквального значения слова pig, поскольку статья посвящена проблемам британских фермеров, производящих свинину);

б) обыгрывающие названия литературных произведений:

Taming Leviathan («The Taming of the Shrew» William Shakespeare)

The French Lender's Woman («The French Lieutenant's Woman» John Fowles)

The Prince and the Pauper («The Prince and the Pauper» Mark Twain)

The Importance of Breakfast («The Importance of being Earnest» Oscar Wilde)

Paradise Threatened in Mauritius («Paradise Lost» John Milton)

Women, Work and the Family («Women, Fire and Dangerous Things» George Lakoff);

в) обыгрывающие названия кинофильмов:

The silence of the lambs

The unbearable lightness of finance

Once upon a time on Wall Street

4. сочетающие коннотативность с фонетической игрой:

Plastic arts (речь в данной статье идет о пластиковых карточках в Индии)

Norse code (статья посвящена ожесточенным спорам о генетике в Исландии)

OptiMistic (речь идет об инвестиционной компании под названием OptiMarket)

5. повторяющиеся, неоднократно использующиеся «сквозные клише»:

Guerrilla politics in Japan (Oct. 24th, 1998)

Guerrilla tactics (Feb. 5th, 1999) (в основе этих выражений лежит понятие guerrilla — a member of an inofficial military group, esp. one fighting to remove government, which attacks its enemy in small groups unexpectedly (Longman Dictionary of English Language and Culture))

Gloom to boom (March 13th, 1995)

Gloom and boom (Sept. 19th, 1998) (здесь обыгрывается клише gloom and doom — sad and discouraging thoughts; hopelessness (Oxford Advanced Learner's Dictionary))

6. вопросы:

Law? What law?

Haven't I met you before?

Who's running Germany?

Will the real German government please stand up?

Where is it going?

Will Slobodan Milosevic fall?

Подытоживая получившуюся в результате анализа классификацию названий статей газеты «The Economist», можно сказать, что нейтральные заголовки чаще всего бывают предпосланы серьезным статьям аналитического плана, в то время как аллюзивные, содержащие фонетические парадоксы, сопровождают материалы более «легкого» жанра и разнообразной тематики. «Сквозные клише» появляются в заголовках

статей сходной тематики и призваны сформировать своеобразный «рефлекс» восприятия у читателя. В качестве особенности дискурса «The Economist» нельзя не отметить ироничное, иногда снисходительное отношение к описываемым проблемам.

В одной из последних работ, посвященных дискурсивному подходу к анализу публицистики — диссертации Э.В. Хилхановой «Дискурс газеты BILD как объект лингвистического исследования», содержится утверждение о том, что дискурс газеты BILD не является только текстовой структурой, а представляет собой сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, и характеристики участников коммуникации, и различные стратегии, лежащие в основе производства новостей в данной газете. Это можно в полной мере отнести и к газете «The Economist» (как, впрочем, и к любому другому публицистическому изданию, поскольку каждому из них присущ свой способ отбора и представления новостей, а также их соответствующее языковое оформление).

Л и т е р а т у р а

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. *А. Н. Баранова* и *Д. О. Добровольского*. М.: Помовский и партнеры, 1996.
2. *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.
3. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998.
4. *Хилханова Э.В.* Дискурс газеты BILD как объект лингвистического исследования: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
5. *Nazarova T.* Business English. An Introductory Course for Advanced Students. М.: Dialogue-MSU, 1997.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 1989.

Язык русских эмигрантов в Германии

© кандидат филологических наук В. В. Жданова, 1999

... Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет...
А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*

Как справедливо отмечают исследователи современного русского языка¹, крушение советской империи существенным образом сказалось и на состоянии национальных языков. И если языки отделившихся союзных республик при этом сознательно популяризировались на волне национальных (или даже националистических) движений, то русский язык оказался в опальном положении.

На территории бывшего СССР и в Восточной Европе русский язык утрачивает свое прежнее значение (по крайней мере, его статус не поддерживается официально): он перестает быть "языком международного общения" "братских республик", его исключают из программы национальных школ, в том числе и в странах Восточного блока и т.д. После падения железного занавеса исчезает та тень таинственности, которая надежно скрывала и наши ядерные арсеналы, и нашу загадочную русскую душу от глаз западного обывателя. *Русскость* перестала ассоциироваться с мощной литературой и культурой, с грозной сверхдержавой, в конце концов. Печально, но факт: на западе просвещенной Европы интерес к русскому языку и литературе неуклонно снижается, что особенно заметно на фоне прошедшего постперестроечного увлечения всем *русским*.

Что меняется в связи с этим в отношении самих русских к родному языку? Изменяется ли и сам язык в этой ситуации? Как показывают предварительные наблюдения русского лингвиста, оказавшегося в среде эмигрантов из бывшего СССР, по крайней мере разговорный язык указанной группы населения превращается в своего рода *социодialeкт*, характеризующийся определенными, устойчиво воспроизводимыми в речи лексическими, грамматическими и синтаксическими чертами. Более того, *адаптация* русского языка к немецким жизненным реалиям

¹См., например, "Русский язык конца XX века" под общей редакцией Е.А. Земской.

будет происходить по идентичным моделям в пределах каждого относительно изолированного эмигрантского или переселенческого социума.

В рамках статьи мы попытаемся очертить лишь те изменения, которые претерпевает русский язык в устах *немецких* эмигрантов из бывшего СССР.

До сих пор эта тема — русский язык эмиграции — попадала только в поле зрения литературы (см., например, замечательные фельетоны Тэффи конца 20-х годов или произведения Сергея Довлатова) и публицистики, один из последних примеров чему — статья Татьяны Толстой в „Московских новостях“ за ноябрь 1998 г.² о языке русских американцев.

Соответствующего научного описания обозначенная проблема пока не получила, несмотря на несомненный лингвистический интерес³.

Русскоязычное население Германии составляют прежде всего эмигранты „четвертой волны“ (1988 — 1998 г.), несмотря на то, что неравномерные, но постоянные потоки российских беженцев прибывали на немецкую землю начиная с 1917 года (вспомним наиболее значительные имена литературной эмиграции Берлина 20-х годов: Бунин, Одоевцева, Цветаева, Г. Иванов).

Среди переселенцев последних десяти лет вычленяются две наиболее многочисленные национальные группы: это этнические немцы (в основном из Поволжья, Казахстана, Сибири) и евреи из России и с Украины. Родной язык — русский⁴ — после переезда в Германию сохраняется у них чаще всего как средство общения в семье и в дружеском кругу, в то время как немецкий становится языком связи с окружающим миром, являясь непременным условием вхождения в социум.

Помимо перемены в области функционирования русский язык советских эмигрантов переживает и ряд собственно лингвистических изменений, которым посвящена статья. Наблюдения над метаморфозами „великого и могучего“ языка, без которого, как заявлял классик, нельзя

²Толстая Татьяна, "Надежда и опора (сердца горестные заметы — 1)", Московские Новости, №. 45, 15-22.11.98, с. 17.

³Ряд ценных замечаний по этому вопросу был сделан Е.А. Земской на Чтениях, посвященных памяти проф. В. А. Белошапковой, 30 сентября 1997 г.

⁴Проблема соотношения русского и немецкого языков в семьях этнических немцев, проживающих на территориях бывшего СССР, не столь проста и требует поэтому отдельного рассмотрения. По этой теме было сделано интересное, на наш взгляд, сообщение Renate Blankenhorn (Humboldt-Universität zu Berlin) на конференции POLYSLAV` 98 (8-10 октября 1998) „Funktionales Code-switching bei Rußlanddeutschen in Sibirien“. Во избежание возможных неясностей в рамках нашего исследования речь идет о тех переселенцах и эмигрантах, для которых если и не в полном смысле слова *родным*, то по крайней мере *первым, основным* языком был русский.

было бы „не впасть в унынье“, в первом приближении могут быть кратко обобщены следующим образом.

1. Прежде всего в русскую разговорную речь проникает достаточно большое количество немецких слов, например, глаголов: *putzen* (чистить, мыть; убирать в знач. наводить порядок) – *путцать*, *mieten* (снимать, арендовать) – *митать* и т.д., которые начинают изменяться по русской глагольной парадигме: *По пятницам я путцаю в одной фирме* (студентка, 27 лет, Рига)⁵. *У нас здесь ни у кого нет своего жилья: все мы митаем* (т.е. снимаем) (переселенка из Казахстана, 25 лет, без образования, работает уборщицей).

2. Часто подобное усвоение немецких слов русскими возмещает реалии, недостающие в родном языковом пространстве, и соответственно, в русском языковом сознании и в самом языке. Так, слово *Jugendherberge* навряд ли может быть правильно воспринято и понято в переводе *молодежный отель*, хотя при этом точно передается его значение — это дешевый отель или пансион, предоставляющий приют обычно школьникам и студентам не старше 27 лет (немецко-русский словарь⁶ находит для *Jugendherberge* другое русское обозначение — *туристская база для молодежи*, не совсем подходящее, не наш взгляд). *Kneipe*, конечно, не пивная и не рюмочная, не кабак и не трактир, даже если обстановка в ней не лучше, чем в перечисленных заведениях (словарная статья также не дает точного перевода, а подбирает синонимы, передающие названия сходных по функции учреждений: *кабак, пивная, пивная со стойками, забегаловка*). И если *Autobahn* (автобан) еще может быть правильно осмыслен в русском контексте, то *Bahncard* требует для незнающих подробного комментария.

Занятно, что все подобные заимствования изменяются в русской речи по соответствующим парадигмам, как правило, сохраняя при этом исконную принадлежность к определенному роду: *Мы всей группой идем сегодня вечером в кнайпу* (*die Kneipe* — *f*); *С банкартой* (*die Bahncard* — *f*) *ездит дешевле*. *Все гостиницы в городе были забиты*:

⁵ Все использованные примеры почерпнуты из разговорной речи переселенцев. В скобках указывается возраст, профессия, образование и место проживания до эмиграции. Время фиксации всех использованных в статье примеров — октябрь 1996 — январь 1999. Кроме того, для большей лингвистической достоверности и точности предлагаемых заключений в качестве подобных примеров приводятся только многократно отмеченные употребления. Особенности, зафиксированные в речи отдельных лиц и пока не подтвердившиеся регулярным воспроизведением, приводятся со специальными оговорками.

⁶ Перевод всех немецких слов, приводимых в статье, выверен по: Wörterbuch Deutsch-Russisch/ von Edmund Daum und Werner Schenk. — 3-Aufl. — Leipzig, 1989.

только к ночи мы сумели вписаться в югендхербергу (die Jugendherberge — f) неподалеку от центра. Эта закономерность, абсолютность которой пока еще рано утверждать, не распространяется на слова, морфологический облик которых соответствует русскому мужскому роду, например: На автобане (die Autobahn — f) мы стояли в пробке несколько часов. Здесь специально учат на курсах вождения ездить по автобану.

Многие заимствования из немецкого переживают на русской почве модификацию своего значения. Так, многозначное слово Schein (свидетельство, удостоверение и т.д.) используется русскоязычными переселенцами как название документа, подтверждающего участие в том или ином университетском курсе: — *Я уже закончила собирать шайны* (т.е. сдала необходимые экзамены и зачеты – студентка, 27 лет, Фрунзе). Heim (дом, приют, домашний очаг и под.; обычно выступает в составных словах: Wohnheim — общежитие, Altersheim — дом престарелых и т.д.) используется только в значении лагеря для переселенцев: — *Напротив русского магазина раньше хайм был. Когда мы жили в хайме...* и пр. А предел мечтаний множества переселенцев — социальная помощь (Sozialhilfe), которая может состоять в предоставлении бесплатного жилья (Sozialwohnung), денежного пособия (Sozialgeld) и т.д., в русской речи превращается просто в социал. Когда в одной из школ Баден-Вюртемберга учительница пыталась увещевать детей из семей переселенцев, что, дескать, надо хорошо учиться, чтобы в будущем получить работу, дети небезрезонно ответили: *А мы будем жить на социал!* Отсюда же в языке переселенцев возникает новое слово – социальщик – для обозначения человека, живущего за счет государственных дотаций и чаще всего не желающего работать. — *Все переселенцы — социальщики, а моя семья ни дня на социале не сидела*, — говорит студентка 25 лет из Сибири. Обратим внимание, что здесь возникает уже своя фразеология — *сидеть на социале*.

3. Нередко при лексических заимствованиях на русские глаголы переносятся и тип немецкого управления, особенно если одно из слов в словосочетании отражает реалии, не существующие в русском социокультурном пространстве: *поставить антраг на вонгельд* (Antrag auf Wohngeld stellen — подать заявление на определенный вид социальной помощи): *Мы завтра собираемся пойти в Вонамт* (Wohnamt — учреждение, занимающееся, в частности, предоставлением бесплатного жилья и выплатой жилищных пособий) — *поставить антраг на вонгельд* (Wohngeld — жилищное пособие) (студент-биолог, 27 лет, Украина). —

Держи абштанд! (нем. Abstand halten! – ср. русск. соблюдай дистанцию!) — кричат друг другу русские мальчишки на велосипедах.

4. Помимо заимствований, восполняющих отсутствие соответствующих русских лексем, эмигрантский язык насыщен еще и немецкими словами, эквивалентными по смыслу русским и принимающими в речи русский грамматический облик. Подобные заимствования отражают различные стратегии речевого поведения: это может быть как несрабатывание механизма переключения языкового кода: *Алкоголь взаимодействует с фетом* (*Fett* по-немецки *жир*), так и заполнение средствами чужого языка лакун индивидуального лексикона: *Эти стены сделаны из песчаного камня*, — говорит русская переселенка (50-55 лет, данных об образовании нет) о толстых *известняковых* стенах в церкви, буквально переводя на русский язык немецкое название этого минерала Sandstein. На вопрос, к какой конфессии она принадлежит, студентка (немка русского происхождения, Магнитогорск, 26 лет, в Германии с 1989 г.) отвечает: *Я Evangelisch* (вместо норм. русск.: Я лютеранка/протестантка). Студент-биолог (Кременчуг, 27 лет, в Германии 5 лет) упорно называет православную церковь *ортодоксальной* (ср. нем. Orthodoxe Kirche). — *С чаем хорошо пить коньяк или Rum* (русск. ром), — говорит 24-летний сын бывшего сотрудника радиостанции „Свобода“.

Таковыми, избыточными с точки зрения русского литературного языка, заимствованиями изобилует усваиваемая переселенцами техническая терминология. Вот несколько примеров из области вычислительной техники: шпайхер (нем. Speicher, русск. оперативная память), друкер (нем. Drucker, русск. принтер); вместо нормативного монитор часто произносится монитор и т.д.

5. Под влиянием немецкого словоупотребления в речи эмигрантов возрастает частотность существующих и в русском языке иноязычных слов, которые появляются в нехарактерных значениях и контекстах: *акцептировать* в значении „воспринимать, соглашаться“: *И как акцептировали эту новость твои родители? Они акцептируют, что ты живешь отдельно?* — *инвестировать* в значении „вкладывать, прилагать усилия“: *Два года я проучился, ничего не делая, а теперь уже надо что-то инвестировать* (студент-социолог, 28 лет, Казахстан). Пятидесятилетняя внучка бывшего члена Государственной Думы, родившаяся в Германии и здесь же преподающая русский язык, спрашивает меня в телефонном разговоре: *Ну, а чем ты еще занимаешься помимо своих активностей?*

6. В речи переселенцев часто наблюдается и калькирование немецкой лексической сочетаемости, что прежде всего относится к экспансии глагола *machen* и сочетаний с ним в различных комбинациях: *Не будем делать стресс!* — *Machen wir keinen Streß!* *Он делает славистику и германистику.* — *Er macht Slawistik und Germanistik* (в университете). *Я сделал (языковой) курс.* — *Ich habe einen Sprachkurs gemacht* и под.: *Делать экзамены/ практику/ спорт/ профессию.*

Помимо лексической сочетаемости калькируются и идиомы немецкого языка: *Как твой немецкий?* — *Пойдет* (ср. норм. русск. ничего, сойдет и под.; нем. *Es geht*) (русская переселенка 25 лет из Казахстана, среднее образование, в Германии 6 лет). На вопрос *Как дела?* (нем. *Wie geht's?* — букв. **Как идет?**) преподаватель русского языка из Петербурга, 30 лет прожившая в Германии, смиренно отвечает: *Идет.*

7. Не менее характерно в эмигрантско-переселенческой среде употребление немецких служебных слов в русской речи (also — так, таким образом, doch — для выражения несогласия с суждением, сформулированным как отрицание: — *Немецкие университеты не лучше наших,* — говорю я 27-летней студентке из Душанбе. — *Doch,* — не соглашается она) и немецких формул вежливости. *Хаусмайстер* (т.е. управдом) студенческого общежития — чернобородый сибиряк дядя Яша — неизменно приветствует соотечественников возгласом *Hallo*, сразу за этим переходя на русский язык. Иногда случается услышать и формулу прощания *Tschüß*, изредка — не без иронии по отношению к швабам и их диалекту — южнонемецкое *Tschüssle*.

8. Для полноты описания социодialeкта эмигрантов необходимо отметить успешное усвоение многими из них немецкой бранной лексики. Пожилая российская гражданка, живущая в Баварии, по ее собственным словам, почти 30 лет, громко выражала в Генконсульстве РФ в Мюнхене свое недовольство: *Нет, это просто ирренхаус! Это ирренхаус!* (*Irrenhaus* — сумасшедший дом). Еще более стремительно — не без помощи средств массовой информации — эмигрантами усваиваются грубые ругательства (*Scheiße, Arschloch*), хотя и параллельная русская лексика у них, без сомнения, устойчиво сохраняется: *Ну, фрау Ютта, б..., сейчас начнет еду всем навязывать* (25-летняя домработница упомянутой „фрау Ютты“).

9. Что касается специфических грамматико-синтаксических характеристик речи переселенцев, то они, естественно, менее разнообразны, чем особенности лексического уровня. Нами зафиксированно употребление обстоятельств, выраженных наречиями, вместо эквивалентных по

смыслу русских предложно-падежных конструкций: *Вы легко найдете его (общежитие) — это центрально* (студент-психолог из Душанбе, 26 лет, в Германии 9 лет) (нем. Es liegt zentral – ср. норм. русск. — (расположено) в центре).

Под влиянием немецкого синтаксиса может происходить неоправданное усложнение русских конструкций. Уже цитированный нами сын сотрудника радиостанции „Свобода“ говорит о том, что родители не вмешиваются в его семейную жизнь: *Если бы это было так, у нас не дошло бы до того, чтобы мы жили в одном городе* (ср. нем. es wäre nicht dazu gekommen, daß...; норм. русск. Если бы это было так, мы бы не стали жить в одном городе).

Интересное явление было отмечено в речи 28-летней Анны Ф. (зубной врач, приехала из Казахстана в 1994 г.): при выражении обобщенного лица она использует не третье лицо множественного числа, а немецкое местоимение *man*, подставляя его в русское предложение: *В России ман делает эти пломбы из пасты, которая потом меняет цвет* (ср. нем. In Rußland macht man...).

Конечно, не все эмигранты и переселенцы одинаково небрежно обращаются с родным языком: многие на протяжении десятилетий поддерживают свою языковую компетенцию в блестящем состоянии. Примечательно, что для русской речи студентов, научных деятелей, а также для людей, приехавших работать в Германию на обозримый срок, т.е. тех, кто предполагает возвращение на родину, описанные явления, как правило, не характерны.

В своем выступлении на Белошапковских чтениях 30 сентября 1997 года Е.А. Земская, поделившись наблюдениями над языком русских эмигрантов, отметила, что у эмигрантов первой волны сохраняется и передается из поколения в поколение нормативный литературный язык. Очевидно, здесь оказываются важными ориентация в первую очередь на русские духовные и культурные ценности, социальная принадлежность носителей языка и уровень их образованности.

Напрашивается вывод, что для сохранения корректного русского языка значима прежде всего социо-культурная позиция самого носителя, а не среда, не социум, не возможность применения языка. Кроме того, не последнюю роль при этом играет 1) уровень владения родным языком, осознание живой связи с родной культурой и литературой; 2) знание нескольких иностранных языков, когда первый освоенный иностранный язык не смешивается с родным.

Представители последнего эмиграционного потока из России и республик бывшего СССР, так называемая "колбасная эмиграция", уезжали прежде всего по экономическим, а не по политическим или, тем более, идеологическим причинам. Они всеми силами стремятся войти в немецкий социум, по крайней мере, продемонстрировать это, и утрата родного языка, пусть даже несознательная, представляется на фоне этой грандиозной социальной задачи не такой уж трагической.

На вокзале в Тюбингене, — в городе, вдохновившем меня на эту статью, — бывших советских граждан встречает большой щит на русском языке: „Пункт приема немецких *выселенцев* на землю Баден-Вюртемберг“.

Вместо послесловия: уже закончив работу над статьей, я подумала, что, быть может, ее пуристический пафос в большей степени демонстрирует принадлежность автора к лагерю архаистов, нежели реальные тенденции развития живого языка. И хотя споры о нормативном языке конца XX века изобличают во мне блюстителя чистоты русского языка, даже и я порой теряюсь, пытаюсь переложить реальные и виртуальные события немецкого культурно-языкового пространства на русский язык.

В этом отношении особенно поучителен такой неоднозначный случай, как немецкие географические названия. Не только *выселенцы*, но и вообще все носители русского языка, оказывающиеся в Германии, колеблются между издавна устоявшимися произносительными вариантами Гейдельберг, Лейпциг и более близкими к немецкому произношению Хайдельберг, Ляйпциг. Кажется, иначе как Ройтлинген и Манхаймом никто уже не назовет города, обозначенные на всех отечественных картах как Рейтлинген и Мангейм. Одни только Гамбург и Ганновер возвышаются как последние бастионы старой произносительной нормы. Вот уж поистине: *Шшков, прости, не знаю, как перевести!*

В заключение мне хотелось бы поблагодарить историка языка Дмитрия Константиновича Трубчанинова за советы и замечания по концепции статьи, а также за языковой материал из личных наблюдений.

Корейские междометия и звукоподражания в русских текстах

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 1999

Общеизвестно, что звукоподражания и междометия, встречающиеся в художественных переводах, как правило, рассчитаны на определенный стилистический эффект. Переводчик сохраняет их, ибо “нельзя перевести или заменить звукоподражательный ряд, возникший в единичном случае, специально созданный для передачи того или иного природного звучания; здесь возможна только фонетическая транскрипция” (Левый 1974, 126).

Звукоподражания корейского языка в определенной мере рассмотрены в ряде работ зарубежных лингвистов (см., например, Martin 1962, 177-189).

Не является новостью также и тот факт, что представители разных народов воспроизводят те или иные звуки живой и неживой природы по-разному. “Разница здесь в национальной традиции” (Влахов, Флорин 1986, 314). Так, для русского петух кричит – “кукареку”, а для корейца – “**кокио**”.

Небольшой перечень подобных звукоподражаний (ономатопей) даст более яркое представление о национальных различиях двух народов (русского и корейского):

	русск.	корейск.
собака	гав-гав	мон-мон
кошка	мяу-мяу	яу-яу
лошадь	иго-го	яон-яон
свинья	хрю-хрю	куль-куль
коза	ме-е	оме-е
корова	му-му	ыма-ыма

Механические или технические звуки:

	русск.	корейск.
шум, вызванный ударом или выстрелом	трах! бах!	кван

щелканье ножниц	чик-чик	сак-сак
звук пилы	вжик-вжик	сык-сак
звук, вызванный ударом предмета о воду	бух! бултых! бульк!	тхом-будон
подражание звуку звонка	дзинь	тан
подражание стуку в дверь	тук-тук	ток-ток

Как видно из примеров, русские и корейские звукоподражания сильно отличаются друг от друга. Наличие национального колорита сближает их с экзотизмами. Следует заметить, что подобные, по выражению С. Влахова и С. Флорина, “фонетические “изображения” нечленораздельных звуковых явлений” (Влахов, Флорин 1986, 315) встречаются в художественных переводах с корейского не часто.

В корейских переводах встречаются в основном общепринятые ономапопей, такие “как их слышат все члены данной языковой общности” (Там же, 316).

Примерами общепринятых ономапопей являются подражание звуку пилы, колокола, часов, удара камня о камень, удара топора, сталкивающихся фишек при игре в **чанги** (корейские шахматы), вертящейся катушки и др., которые активно используются в современном корейском языке, и архаичное подражание звуку наматываемой якорной цепи, всплеску весел, треску при поломке чего-либо.

“Пак Чем Ди громко запел: **Шрыы-рын, шрыы-рын, сык-сак!** // Новая тыква распилена”. (Ли Ги Ен 1958, 71); “Тут как раз прозвенел колокол: “**Тэн! Тэн!**” (“Верная Чхун Хян” 1990, 102); “Комнатные часы проббили одиннадцать. **Тан! Тан!**” (Кан Гён Э 1955, 179); “Цзян Тайгун из камня сделал ступу. // **Ттольккудон** – по ней ударит пестик, // **Ттольккудон** – в ушах твоих раздастся...” (“Верная Чхун Хян” 1990, 49); “**Чак-чак!**” – стучат топоры по стволам” (Сон Хён 1994, 62); “Когда затихал звук сталкивающихся фишек “**тук-так, тук-так**”, подавалась вкусная лапша” (Ким Ён Чоль 1991, 16); “Катушка, катушка, лучше вертись! **Пхин, пхин**, лучше вертись” (Кан Гён Э 1955, 249); “...Одно море неизменно. **Чигукчхон, чигукчхон осава!**” (Юн Сон До. Цитируется по книге “Корея. Справочник” 1993, 196).

“**Чигукчхон, чигукчхон**” передает звук, с которым наматывается цепь, а “**осава**” – ритмический всплеск весел.

В современном корейском языке звукоподражание **чигучхон**, **чигучхон осав** преобразовалось в **цигодон**, **цигодон осся** и активно используется в современной корейской речи.

Наряду с механическими и техническими звуками в текстах переводов встречаются звукоподражания, передающие звучание различных национальных инструментов.

“Положив на колени **комунго** из утуна, она стала наигрывать мелодию в тоске ожидания. Она играла – // **тан-джи-дон-дун-дун-чидон-дон-дан-сыл-гэн-ирит-тхут...**” (“Чхунхянджон квонджитан” 1968, 30).

Эта ономотопея – подражание звуку корейского национального струнного музыкального инструмента – **комунго**.

“В длинных одеждах и шапочках, с гонгами, деревянными колотушками, бамбуковыми трещотками и цимбалами, собрались они для общего моления. **Ту-ри-гун-тун**, – раздался удар барабана. **Кван-кван**, – ответил гонг. **То-до-рак**, – отозвались деревянные колотушки. **Чхаль-халь**, – послышался звук бамбуковых трещоток. **Ттан-ттан**, – прогудел металлический гонг. **Чхоры-ры-ры**, – вторили ему цимбалы” (“Верная Чхун Хян-2” 1954, 151); “Мореходы ударяли палочками в барабаны: **тун-дун, тун-дун, тури-дун-дун**” (“Подвижница Сим Чхон” 1990, 229).

Что же касается междометий, “спонтанных, членораздельных звуко сочетаний” (Влахов, Флорин 1986, 318), служащих для выражения чувств и волевых побуждений, то они довольно часто используются переводчиками, так как такие корейские междометия, как **ай-гу**, **ой-ой-ей**, **хойса**, **олсигу чолангу** и др. придают тексту перевода весьма яркий национальный колорит.

подавляющее большинство междометий, встречающихся в текстах переводов, – это эмоциональные и эмоционально-оценочные междометия.

Среди семантически однозначных междометий в текстах переводов чаще других встречается междометие **ай-гу**, которое выражает отрицательные эмоциональные реакции: сожаления, горечи, испуга, боли, горя и т.п.

“– **Ай-гу!** Если так будет продолжаться нам беды не миновать, – нарушила гнетущее молчание Сюзанна...” (“Тайное письмо” 1960, 133); “Вступив во двор, они увидели, что хозяева и их родственники в траурных одеждах, с траурными клюками в руках стоят на коленях, грудью опираясь на клюки, и разноголосом, с завываниями причитают: – **А-и-го, а-и-го!** (Ли Ги Ен 1958, 95).

Семантически однозначное междометие **олсигу чольсигу (чолангу)** – радостный возглас, крик одобрения, обычно произносимый во время исполнения песни или танца. (см. об этом Самсонбан 1986, Т.1, 1134).

“Посмотрите на Хынбу! Пустившись в пляс, он напевает: – **Ольсигу чольсигу чотха!** // **Чихваджа чольсигу!** // Слушайте, добрые люди!” (“Братья Хынбу и Нольбу” 1990, 141).

“Сам Су начал петь... – **Олсигу чолангу!** Эх, теперь бы хорошо сплясать! – раздалось возгласы, и уже многие задвигали плечами.” (“Молодость в пути” 1961, 72-73).

Среди междометий, однозначно выражающих положительные эмоции в текстах произведений, встречается и такое, как **хой-са**, выражающее восторг, радостное возбуждение (обычно во время танца).

“Пак Чем Ди закончил вступление и жена его, улыбнувшись мужу, воскликнула: – **Хой-са**, хо-о-о-ро-шо! – и ударила по черпаку” (Ли Ги Ен 1958, 71).

Междометие **ой-ой-ей** выражает восхищение, восторг.

“Вот я и говорю... Куак-сан ... виноват, Куак-хён – **ой-ой-ей**, какой силач!” (Ли Ги Ен 1958, 150).

Семантически однозначное междометие **мансэ**, выражающее ликование, по сравнению с другими междометиями, отличается высокой частотностью употребления в русских переводах с корейского – текстах разного жанра.

“Увидев корабль нового правителя, все с громогласным **мансэ** устремились к нему, дабы получше разглядеть своего господина” (“Повести страны зеленых гор” 1966, 201).

“В 4 часа 45 минут дня, наконец, пароход убрал трап. Минута отплытия. Громкие возгласы: **Мансэ! Мансэ!**” (Масацугу 1977, 285).

Корейское междометие **ай-ай-ай** с семантически диффузными функциями передает общее состояние возбуждения и потому может использоваться для выражения разнородных душевных состояний, таких как сожаление, раскаяние, порицание, радостное удивление.

“**Ай-ай-ай!** – заволновалась она. – Солнце садится, а у меня еще ничего не готово, хоть бы скорее пришла Ен Ок и помогла” (Юн Се Дюн 1960, 67); “Голос как будто знакомый, но догадаться сразу трудно. – Простите, я что-то не узнаю вас. – **Ай-ай-ай!** Стыдно забывать старых друзей. Ведь то я, Дэ Чун” (Там же, 219); “– Что это сон или явь? Если сон – лучше не просыпаться, если явь – пусть так и будет навсегда! **Ай-ай-ай-ай**, вот чудеса!” (“Верная Чхунхян” 1954, 184).

В русских переводах средневековых хянга и сиджо встречается междометие **Ая!** с диффузными оттенками значения: сожаления, грусти или радостного возбуждения.

“**Ая!** В мире Амитабы встретимся, // Подожди я сделаю ровным [свой] путь (“Самгук юса”, цитируется по книге: Никитина 1982, 22); “**Ая!** Только это высокий холм добра – // Он [ведь] не [тот знатный дом], // куда [не каждому дано] войти” (Там же, 61); “**Ая!** Мы всегда должны руководствоваться словами Бохёнбосса. // Другого не дано” (Ким Джун Нён 1993, 195).

Среди междометий, обслуживающих сферу волеизъявлений, выражающих обращенные к людям или животным команды и призывы, в текстах переводов активнее других встречается междометие **ирра-а**, побуждающее лошадь или вола к действию, а также междометие **хей**, побуждающее к прекращению действия (ср. русск. *кыш*).

“Зычным голосом Пак Чем Ди запел: “**Ирра-а, ирра-а, ирра-а!** Эй, шевелись-ка, мой вол!” (Ли Ги Ен 1958, 292); “**Ирра, Ирра!** – погонял вола Куак Ба Ви”. (Ли Ги Ен 1958, 292); “**Хей, хей!** – голос мамы, гонявшей сорок во дворе, был полон грусти...” (Ким Ён Чхоль 1991, 7).

В оригинальных текстах на тему о Корее и корейцах иногда можно встретить и междометия, обслуживающие сферу этикета. К ним относятся традиционные, в разной степени утратившие знаменательность изъяснения благодарности, приветствия и т.д. такие как **аннёнхасеё** ‘здравствуйте’, **комапсымнида** ‘спасибо’, **аннёнхи гасеё** ‘до свидания’ и т.д.

“Тогда я впервые корейскими словами, выученными в Ниигата, в душе говорил, обращаясь к репатриантам: “**Аннёнхи гасипсио!**” (Прощайте)” (Масацугу 1977, 287).

“Три корейских слова освоил за неделю, так, что произношу теперь без запинки: **аннёнхасеё** – здравствуйте, **комапсымнида** – спасибо, **аннёнхи касеё** – до свидания”. (“Известия” от 21.05.96, 5).

В Корее широко распространены песни, в которых в каждой строке повторяются частицы, имеющие ритмическую функцию. Это нашло отражение в корейских художественных произведениях.

“**Нане-нане-нане! Кхэчжина-чхин-чхин-нане!** // В небе много звезд! **Кхэчжина-чхин-чхин-нане!** ...” (цитируется по: Троцевич 1959, 71); “Появилась я на этот свет // Одинокая и всем чужая. // **Ай, тон-дон-дари!** (“Корейская классическая поэзия” 1956, 21); “В ночь осеннюю луна – // **Дон-дун-дон,** // В темном небе так ясна – // **Дон-дон-дон...**” (Кан Гён Э 1955, 212); “Этот нарядный город – // Малый Согён – столи-

ца. // **Ви, туоронсон, таринтири!**”; “Лучше, ягодой питаюсь, // На горах зеленых жить. // **Ялли, ялли, яллансон, // Ялляри, ялля**” (“Корейская классическая поэзия” 1956, 27; 30).

Форму народных трудовых песен имеет песня крестьян в средневековых повестях, в частности о верной Чхун Хян. Во многих из них повторяется припев, состоящий из междометий, ритмических частиц. Это также нашло отражение в корейских литературных произведениях.

“Песню Санса слушать хорошо! // **Е-е-ехеро! Сансатвийо!** // Это поле засадим, то поле засадим! // **Е-е-ехеро! Сансатвийо! ...**”; “**Ойро! Сансатвийо!** // Когда мир был спокоен на тысячи ли, // Государя нашего высокие добродетели // Достойны были добродетелей государя Яо, // Слушавшего песни при луне на мирных дорогах. // **Ойро! Сансатвийо!** (цитируется по: Троцевич 1959, 74-75).

Национальную окраску имеет и трудовой выкрик: **Я-хо**, схожий с русским *Эй, ухнем!*, *Раз-два взяли!*

“**Я-хо!** – раздевшись, кричат дровосеки” (Сон Хён 1994, 62).

Как видно из вышеприведенных примеров, ономотопеи и междометия, встречающиеся как в оригинальных текстах, так и текстах переводов с корейского, придают тексту произведения яркий национальный колорит.

Звукоподражания и междометия, встречающиеся в художественных переводах, рассчитаны на стилистический эффект. Наличие национального колорита у звукоподражаний и междометий сближает их с экзотизмами. В русских текстах встречаются звукоподражания, передающие механические, технические звуки, а также звучание различных корейских национальных музыкальных инструментов.

подавляющее большинство междометий, встречающихся в переводных с корейского языка текстах, – это эмоциональные и эмоционально-оценочные междометия. Некоторые междометия семантически однозначные, могут выражать положительные или отрицательные эмоции. Другие междометия выступают с семантически диффузными функциями.

Большинство переводчиков с корейского не заменяет корейские междометия и звукоподражания на русские, а транскрибирует их, тем самым давая почувствовать русскоязычному читателю разницу традиций, специфику воспроизведения звуков живой и неживой природы, различия в выражении тех или иных эмоций. Все это придает тексту перевода национальную специфичность и повышает интерес читателей к переводным произведениям.

Л и т е р а т у р а

- Влахов С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 387 с.
- Братя Хынбу и Нольбу // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. лит., 1990. С.113-190 (Перевод А. Васильева).
- Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. лит., 1990.
- Кан Гён Э* Проблема человечества. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955 (Перевод А. Артемьевой).
- Ким Ен Чоль* В любви и бизнесе нет границ. Рассказы о моей молодости и автомобиле "Пантера". М.: Известия, 1991 (Перевод А. Наумчика).
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956 (Перевод А. Ахматовой).
- Ли Ги Ен* Земля. Роман. М.: Изд-во иностр. лит., 1958 (Перевод Е. Те, Ю. Карасева)
- Масацугу М.* Путешествие по Корее. Пхеньян: Изд-во лит. на ин. яз., 1977.
- Молодость в пути. Сб. рассказов. М.: Изд-во иностр. лит., 1961 (Перевод В. Ли).
- Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1966 (Перевод Г. Рачкова, А. Артемьевой и др.).
- Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь, о Чхунхян // Корейские повести. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. С.75-189 (Перевод А. Троцевич).
- Подвижница Сим Чхон // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII-XIX веков. М.: Худож. лит., 1990. С.193-252 (Перевод Г. Рачкова и Лим Су).
- Сон Хён* Гроздь рассказов Ён Чжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр Петербург. Востоковедение, 1994. Вып. 5. С.25-109 (Перевод Д. Елисеева).
- Тайное письмо. Рассказы корейских писателей. М.: Детгиз, 1960 (Перевод Е. Тё).
- Троцевич А.Ф.* Особенности языка и стиля "Повести о Чхун Хян" // Корейская литература. Сб. статей. М.: Изд-во восточ. лит., 1959, с.62-88.
- Чхунхян Джон Квонджитан. (Краткая повесть о Чхунхян). Факсимиле ксилографа. М.: Изд-во восточ. лит., 1968 (Перевод А. Троцевич).
- Юн Се Дюн* Испытание. М.: Молодая гвардия, 1960 (Перевод Д.Усатова).
- Martin S.* Phonetic symbolism in Korean // American studies in Altaic linguistics. Bloomington. 1962. p.177-189.

Национальная специфика фразеологизмов русского и корейского языков

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу, 1999
(Республика Корея)

Общеизвестно, что фразеологический состав языка – явление самобытное. Эта самобытность обусловлена тем, что “фразеологизмы возникают на основе образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями” (Телия 1993, 302).

В лексическом составе определенной части фразеологизмов как русского, так и корейского языков содержится указание на национальное своеобразие.

Указание может быть связано:

(1) с обиходно-эмпирическим опытом народа: русск. **лезть на рожон, заваривать кашу** и т.д.; корейск. **джугдо бабдо анида** (букв. “ни каша, ни кашица”) – “совсем никуда не годится”, **ботарирыль сада** (букв. “завязывать вещи в платок (ботари)”) – “бросить, прекратить дело”; **борирыль тхада** (букв. – “молотить ячмень”) – “быть избитым палками” и т.п.;

(2) со сферой материальной культуры: русск. **коломенская верста, как блины печь, бить баклуши** и т.д.; корейск. **пхагимчхига дойда** (букв. “стать гимчхи из лука”). “очень устать, переутомиться”; **тогыль мандыльда** (букв. “готовить тог”) – “испортить дело”; **мугсабальи дойда** (букв. “становиться фарфоровой миской с мугом”) (муг – корейское национальное блюдо, похожее на желе) – “потерпеть полное поражение” и т.п.;

(3) с историческим опытом народа, “ставшего достоянием его национального самосознания или просто памятным знаком” (Телия 1993, 303). В этих фразеологических единицах также встречаются страноведчески маркированные компоненты: русск. **как Мамай прошел, Мамаево побоище, погиб как швед под Полтавой** и т.д.; корейск. **Хамхынъ чхаса** (букв. “хамхынъский чхаса”) (чхаса – в феодальной Корее чиновник, посылаемый для выполнения чрезвычайного поручения; Хамхынъ – название провинции в Корее) – “не вернувшийся (пропав-

ший без вести) посланец”; **самгочхёре** (букв. “три раза посетить избушку”) – “чтобы подобрать нужного человека, необходимо проявить терпение и внимание”. Этот фразеологизм связан с трехкратным посещением правителем Цинской династии Ю Би дома известного ученого Джэ-гальлянья с целью приглашения к сотрудничеству. Осознание значения фразеологических единиц в таких случаях связывается непосредственно с историческими фактами.

Однако, в языке существуют фразеологизмы (их подавляющее большинство), план выражения которых не обнаруживает никаких национальных черт.

Таковы, например, русские фразеологизмы, как **стреляный воробей, ни рыба ни мясо, не все дома, писать как курица лапой** и т.п. Корейские **доэджи кумыль куда** (букв. “видеть сон свиньи”) – “хороший признак, к удаче”; **бэга апхыда** (букв. “живот болит”) – “ревновать кого-либо”; **хансурьль до сыда** (букв. “сделать на один ход больше”) – “смотреть вперед”.

Здесь в содержании идиом закладывается “духовное основание – нравственная, этическая, эстетическая и т.п. система ценностной ориентации в мире” (Телия 1993, 304). Эта система находит свое выражение в соотношении с эталонами и стереотипами, характерными для менталитета того или иного (в нашем случае – русского и корейского) народов.

Прототипической ситуацией, легшей в основу корейской фразеологической единицы **гунгильхаг** (букв. “журавль среди кур”) является сравнение величавой птицы журавля с домашними курами. Ассоциативно-образное восприятие этой птицы связано со следующим стереотипом: журавль, по китайским и корейским поверьям, считается священной птицей, так как бессмертные герои даосских легенд ездили на нем верхом. Журавль для корейца – олицетворение благородства, величавости, красоты, ума и т.п.

В основе прототипической сцены русского фразеологизма **ни рыба ни мясо** лежит что-то не похожее ни на мясо, ни на рыбу, не относящееся ни к тому, ни к другому виду продовольствия. Ассоциативно-образное восприятие этого фразеологизма связывается у русского человека со стереотипом: это что-то среднее между мясом и рыбой, ни то, ни другое, ни то ни сё. Отсюда и значение “ничем не выделяющийся средний, посредственный человек”.

Нами предпринята попытка составить тематическую классификацию фразеологических единиц русского и корейского языка, как имеющих в своем лексическом составе этнографические идиолексы (термин

Н.Н. Кирилловой. – см. Кириллова 1990, 59), отражающие национально-культурную специфику русского и корейского народа, так и не имеющих таковых, но содержащих “культурную коннотацию” (см. Телия 1993, 305), которая не отражается в их плане выражения, но образная основа этих фразеологических единиц связана с культурно-национальным миропониманием.

Под культурной коннотацией, вслед за В.Н. Телией, понимаем интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. Характерной чертой фразеологических единиц является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа – носителя языка, средостением культурной коннотации, ее основным нервом является это образное основание (см. Телия 1996, 214).

Фразеологические единицы русского и корейского языков, включающие в свой состав наименования предметов обихода, денежных единиц, названия игр, меры измерения и т.д., которые входят в основной словарный фонд обоих языков, отражают характерные для языка процессы и его национальную специфику.

Предметы одежды. Русские фразеологические единицы: *лапти* (лапти *щи* хлебать); *подметки* (в подметки не годится); *подол* (за подол держаться); *сапоги* (два сапога пара); *кафтан* (Тришкин кафтан); *сорочка* (родиться в сорочке (рубашке)); *пояс* (заткнуть за пояс); *шапка* (дать по шапке; ломать шапку; получить по шапке) и т.п.

Корейские фразеологические единицы: *чхима* (“юбка национального покроя”) – **чхима барам** (букв. “ветер от чхимы”) – “чрезмерная активность женщины”; *комусин* (“резиновая корейская обувь”) – **комусиниль гокуро синда** (букв. “надеть комусины задом наперед”) – “говорится о женщине, бросающей мужчин”. *Саткат* (“большая камышовая (бамбуковая) шляпа (от дождя и солнца)”) – **саткасылъ сыйуда** (букв. “одевать саткат кому-либо”) – “наносить ущерб кому-либо”. *Чогори* (“традиционная куртка с узкими длинными рукавами”) – **баджичогори** (букв. “брюки и чогори”) – “пустое место (о человеке)”; *мёнсапхо* (“свадебная фата невесты”) – **мёнсапхорыль сыда** (букв. “одеть свадебную фату невесты”) – “выйти замуж за кого-либо” и т.п.

Фразеологические единицы русского и корейского языков данных тематических групп имеют существенные расхождения в семантическом и лексическом плане. Так, в группе наименований одежды встречаются в русском языке слова *лапти*, *подметки*, *подол*, *пояс*, *сапоги*, *шапка*,

кафтан, которые отражают особенности исконно русской одежды: лапти и сапоги в России исконно национальная обувь. Со словом *шапка* связаны обычаи восточных славян, сделавшие ее символом полного доверия свидетелей в судебной практике: “На воре шапка горит” (Коломиец 1975, 67).

В корейском языке среди наименований национальной одежды имеются следующие: *чхима*, *комусин*, *саткат*, *чогори* и т.д. Для корейского народа *саткат* символизирует стыд за неблагоприятный поступок, преступление, побег с места преступления. С этим словом у корейцев связывается традиция, когда человек, совершивший неблагоприятный поступок, прикрывает свое лицо широкополой камышовой шляпой, чтобы никто не видел его лица, и также сам этот человек не может смотреть свободно на небо из-за чувства вины перед Богом.

Пицца. Русские фразеологические единицы: *каша* (**кашу не сварить**); *блин* (**первый блин комом**); *калач* (**калачом не заманишь**); *лепешка* (**разбиться в лепешку**); *квас* (**перебиваться с хлеба на квас**); *редька* (**надоест как горькая редька**); *репа* (**проще пареной репы**) и др.

Корейские фразеологические единицы: *кхонъпап* (“рис, сваренный вместе с соевыми бобами”) – **кхонъпапыль могда** (букв. “есть кхонъпап”) – “сидеть в тюрьме”; *Куксу* (“корейская лапша”) – *куксурыль могда* (букв. “есть куксу”) – “жениться”; *кимчхи* (“корейское национальное блюдо из капусты, редьки и т.д.”) – **пхагимчхига дойда** (букв. “становиться кимчхи из лука”) – “сильно устать”; **кимчхи гугбуто масида** (букв. “начинать пить с сока кимчхи”) – “распределять прибыль от еще не осуществленного дела, предприятия”. *Ток* (“корейский рисовый паровой хлебец”) – **нувосо ток могки** (букв. “лежа есть ток”) – “очень легко, без особых усилий”; **тоги дойда** (букв. “превращаться в ток”) – “измучиться; быть в разбитом состоянии после алкогольного опьянения” и т.п. *меджу* (“растертые соевые бобы, идущие на приготовление соевого соуса”) – **кхонъыро мэджурьль суодо** (букв. “даже сварить из бобов мэджу”) – “чтобы ни случилось не верит”; *джан* (“приправа, приготовленная из бобов, – едят ее с кашей, капустой, супом и т.д.”) – **джугкоа джанъи матта** (букв. “каша и джан сочетаются друг с другом”) – “находиться в гармонии, подходить друг другу”; *миёккуж* (“суп из морской капусты”) – **миёккугыль могда** (букв. “есть суп из морской капусты”) – “провалиться на экзаменах” и т.д.

В тематической группе “пицца” нами отмечены слова *каша*, *калач*, *лепешка*, *редька*, *репа* и др. Русский народ запечатлел данные названия

во фразеологических единицах в результате определенных условий жизни. Крестьянин в эпоху крепостничества жил очень бедно. Основными продуктами питания служило то, что он мог произвести своими руками, то, что произрастало на его земле: собрать урожай картошки, репы, бобов, капусты и т.д.; выпечь хлебные изделия (блины, лепешки, калачи), сварить кашу. Каша – русская национальная еда, которую варят из пшена, риса, гречневой или какой-либо другой крупы, на воде или на молоке. Каша – повседневное сытное и любимое кушанье. В древности каша была также обрядовым блюдом, которое обязательно варили, например, во время свадьбы (см. об этом подробно Фелицына и др. 1990, 64). Поэтому нами отмечено такое большое количество фразеологизмов с этими лексемами: **заварить кашу, мало каши ел, каша в голове, каша во рту у кого-либо, каши просят; калачом не заманишь, тертый калач, доставаться на калачи; разбиваться в лепешку; гадать на бобах, оставаться на бобах, бобы разводить** и многие другие.

В корейских фразеологизмах зарегистрированы следующие этнографические идиолексы: *кхонъпап, куксу, кимчхи, тог, джан, пап* и т.д. Эти фразеологизмы отражают национальную культуру, быт, обычаи и традиции народа Кореи, связанные с приемом пищи.

Пап (пресная рисовая каша), *токкук* (новогодний суп с кусочками отбивного рисового хлеба), *ток* (корейский рисовый паровой хлебец) – основные национальные блюда корейцев, поэтому очень многие фразеологические единицы имеют их в своем составе. Например, **гирым-пап могда** (букв. “есть масляный рис”) – “работать на заводе”, **папгабдо мот хада** (букв. “не может даже заработать на рис”) – “пустое место (о человеке)”, **папыль могда** (букв. “есть рис”) – “нормально жить, зарабатывая деньги”, **папыль джуда** (букв. “дать рис”) – “материально поддерживать кого-либо” и др.; **дусонэ ток** (букв. “в двух руках ток”) – “не знать с чего начать”, **токкугыль могда** (букв. “есть токкук”) – “повзрослеть на один год”, **тоги сэньгида** (букв. “ток появляется”) – “получить неожиданную прибыль”, **тогыль джумурыдыт** (букв. “как мять ток”) – “делать по своему усмотрению”, **ток могдытси мальхада** (букв. “говорить как есть ток”) – “говорить легкомысленно” и т.п.

Денежная система. Русские фразеологические единицы: *рубль* (“за длинным рублем”), *грош, копейка, алтын* (**ни гроша, ни копейки, ни алтына за душой; гроша ломанного не стоит; влетит в копеечку**) и т.д.

Корейские фразеологические единицы: *пхун* – **ханпхуный гачхидо обта** (букв. “не стоит ни одного пхуна”) – “никуда не годится, не имеет

никакой ценности, никакого значения”; *дон* (“деньги”) – **донбаньсогэ анта** (букв. “сидеть на квадратном коврикe (сшитом) из денег”) – “быть богатым человеком”; **доньль пурида** (букв. “бросать деньги”) – “тратить, расходовать зря, безрассудно (о деньгах, состоянии, имуществе)”; **дони янбан** (букв. “деньги, что янбан”) (янбан – корейский дворянин) – “о важной роли денег в жизни человека” и т.д.

В тематической группе денежная система нами отмечены следующие лексемы: *рубль, грош, копейка, алтын*. Из них грош, алтын и копейка вышли из употребления. Грош – русская монета достоинством в 2 копейки; с XIX в. – словом грош стали называть монету в полкопейки. Алтын – денежная единица достоинством в 3 копейки.

В корейском языке во фразеологизмах используются видовое понятие *пхун* (мелкая денежная единица Кореи, вышедшая из употребления) и родовое – *дон* (деньги).

Корейская *пхун* и русские *грош, алтын* выступают в качестве эталонов минимальной денежной суммы.

Меры измерения. Русские фразеологические единицы: *аршин* (**мерить на свой аршин**); *фунт* (**знать почем фунт лиха; не фунт изюму**); *пядь* (**семи пядей во лбу; ни пяди земли (не отдать, не уступить)**); *вершок* (**от горшка два вершка**) и т.д.

Корейские фразеологические единицы: *чхи* (мера длины = 3,3 см) – **ханчхи апхыль мот бода** (букв. “не может видеть вперед на один чхи”) – “быть ограниченным, не замечать общего за частным”; *ли* (мера длины, равная 0,393 км) – **чхольли-мальли** (букв. “тысяча ли – десять тысяч ли”) – “очень далеко”; *кын* (мера веса = 0,6 кг) – **момичхонгын мангын** (букв. “тело весом тысяча кын, десять тысяч кын”) – “сильно переутомиться, устать”; *чхок* (мера длины 30,3 см) – **пхальчхок джанъсин** (букв. “высокий рост в восемь чхок”) – “об очень высоком человеке” и т.д.

Русские фразеолексы, обозначающие меры измерения, такие как *аршин* (мера длины, равная 0,71 м), *фунт* (единица веса, равная 409,5 г), *вершок* (мера длины, равная приблизительно 4,5 см), *пядь* (мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами, составляет 18 см), являются архаичными.

В корейских фразеологических единицах встречаются фразеолексы *чхи, чхок, ли, кын*. Первые два из них архаичные, тогда как остальные активно употребляются в современном корейском языке.

Национальные игры, спорт. Русские фразеологические единицы: **играть в прятки (в кошки-мышки, в жмурки, в бириольки); куча**

мала, нашего полку прибыло; стенка на стенку, брать (взять) чью-либо сторону; класть на лопатки, выбивать почву из-под ног и т.д.

Корейские фразеологические единицы: **пхосогыль нохта** (букв. “осуществить пхосок”) – “принимать предупредительные меры” (пхосок – стратегическая расстановка камешков для падуг (корейских шашек); **сырымхада** (букв. “заниматься сирым”) – “биться над чем, одолевать (что-л.)”; **гоньгидольрыль нольлидыт** (букв. “как играть камешками (гоньги) – “манипулировать человеком, делом”; **мот могодо го** (букв. “даже если не ем, все равно идем дальше”) – “даже если закончится провалом, все равно продолжаем”; **чха (тэго) пхо тэго** (букв. “снимая (с доски) чха и пхо”) – “исключить самое важное звено, элемент из цепочки чего-л.”; **чха** – колесница (фигура в корейских шахматах), **пхо** – артиллерийское орудие (фигура в корейских шахматах); **джюльдаригирыль хада** (букв. “перетягивать канат”) – “состязаться с кем-либо”; **джусауйрыль донджида** (букв. “бросать игральные кости”) – “принимать решение”.

Во фразеологизмах с фразеолексами, восходящими к национальным играм, особенно ярко проявляется национальная культурная специфика двух народов.

Так, в русских фразеологических единицах отразились традиционные детские игры: прятки, жмурки, бирюльки и т.п.; обычаи молодечества, кулачного боя – игры (**стенка на стенку, брать (взять) чью-либо сторону, становиться на чью-либо сторону** и т.д.).

В корейских фразеологизмах встречаются лексемы с названиями национальной игры в шашки – *падук*, национальной борьбы – *сырым* и корейских шахмат *чанги*.

Религия, верования, ритуальные формы народной культуры (такие как сватовство, поминки и т.п.; поверья мифы, заклинания и т.п.). Русские фразеологические единицы: **Бог знает, жить как у Христа за пазухой; нести крест; земля обетованная; глас вопиющего в пустыне; Боже мой; от ворот поворот; у черта на куличках; чтоб тебя черт побрал** и т.д.

Корейские фразеологические единицы: **донътхига нада** (букв. “возникает донъти”) – “навлечь на себя беду” (донъти – по корейским поверьям, если человек копал землю и передвигал камни в неподходящем месте и в неподходящее время, то духи умерших могли рассердиться. Этим человек мог навлечь на себя беду); **гогимат бон джунъ** (букв. “буддийский монах, попробовавший мясо”) – “немолодой человек, испытывавший запретные радости, не может уже остановиться”; **джунъ ём-**

бульхадыт (букв. “как буддийский монах проговаривает ёмбуль (сутру)”) – “выучить что-либо без понятия” (ёмбуль – монах представляет образ Амитабы, думая о его заслугах и добрых делах, проговаривает имя Амитабы (Намуабитхабуль); **джидо джольдо обта** (букв. “ни дома ни буддийского храма”) – “кто-л. совсем ничего не имеет, никакого жилья (обычно о крайней бедности кого-либо)”; **бирарирыль чхида** (букв. “делать бирари”) – “попрошайничать, выпрашивать”. *Бирари* (обряд жертвоприношения) совершался для умилоствления духов умерших предков. Для обряда в специальной кумирне расставлялись тарелочки с жертвенным рисом, ячменем и т.п., чашечки с вином, расстилались шелковые ткани и др. Женщины и мужчины молились, прося помощи у духов своих умерших предков (молились о хорошем урожае, нежарком лете и т.п.).

Во фразеологизмах этой подгруппы отражается как специфика религиозных воззрений, культовых обрядов христианской и буддийской конфессий, так и образцы ритуальных форм народной культуры.

Так, русский фразеологизм **от ворот поворот** означает решительный отказ от кем-то сделанного какого-то предложения, но его культурно значимый смысл несет информацию отчуждения, о непризнании агенса “своим”; миф о том, что черти живут на болотах, из-за чего болото считается “нечистым”, поэтому “чужим”, враждебным человеку местом, отражен не в значении, а в культурной коннотации фразеологизма **у черта на куличках**, который обозначает очень отдаленное месторасположение чего-либо или кого-либо. Неодобрительное отношение проявляется также во фразеорефлексах – речевых формулах, восходящих к заклинаниям-проклятиям: **Чтоб тебя черт побрал! Чтоб тебе пусто было!** и т.п. (см. Телия 1996, 240).

Предметы домашнего обихода, орудия крестьянского производства.

Русские фразеологические единицы: **дым коромыслом; оказаться у разбитого корыта; пятое колесо (в телеге); ехать в Тулу со своим самоваром; садиться не в свои сани; грести деньги лопатой; загибать салазки кому; вилами на воде писано** и т.д.; корейские фразеологические единицы: **багаджирыль гыгта** (букв. “скрести черпак”) – “пилить мужа”; **папсуткарагыль нохтха** (букв. “положить ложку для риса”) – “умереть”; **домаз орын коги** (букв. “рыба на разделочной доске”) – “жизнь висит на волоске”; **гамасотхэ дын коги** (букв. “рыба в кухонном котле”) – “попасть в безвыходное положение”; **моньсогыль кальда** (букв. “расстилать соломенный мат”) – “дать возможность”; **мит паджин догэ мульт бутки** (букв. “наливать воду в бездонный глиняный

чан”) – “беспольный труд”; **монъэрыль сыда** (букв. “надеть хомут”) – “быть связанным (опутанным)” и т.п.

В этой тематической группе в русских фразеологизмах встречаются фразеолоксы: *корыто, колесо, телега, лопата, салазки, вилы, самовар* и т.д.

Прототипы, лежащие в основе этих фразеологизмов, рассказывают о нелегком труде, быте русского крестьянина. О традициях русского чаепития говорит фразеолокса во фразеологической единице **ехать в Тулу со своим самоваром**. *Самовар* – русский национальный металлический сосуд для кипячения воды.

В русской фразеологии существует определенное количество фразеологизмов, связанное с традиционным русским чаепитием. Ср. **в час по чайной ложке, печь как блины; не сахар (жизнь – не сахар), как на блюдечке, (получить) дырку от бублика** и т.д.

В корейских фразеологизмах активно используются такие фразеолоксы, как *багаджи*, обозначающий разные виды черпаков: 1) черпак, выдолбленный из половинки сушеной тыквы; 2) черпак, выдолбленный из ствола дерева; *напусткарак* (специальная ложка для риса), *монъсок* (соломенный мат); *док* (глиняный чан) и т.д. Все эти вещи являются предметами домашнего обихода корейцев.

В корейском языке с этнографической идиолексой *багаджи* зарегистрировано большое количество фразеологических единиц: **багаджирыль чхада** (букв. “прицепить (к поясу) багаджи”) – “все потерять, обеднеть, пойти по миру”; **багаджирыль сыйуда** (букв. “одеть (на голову) багаджи”) – “1) обмануть, провести; 2) причинить кому-л. материальный ущерб, заставить оплачивать чужие счета, покупки”; **багаджирыль сыда** (букв. “надеть багаджи”) – “брать на себя всю ответственность, понести ущерб (пострадать) одному”.

Цифры и числа. Русские фразеологические единицы: **как одну копейку** (расходовать); **один как перст**; **видеть на три аршина под землей**; **за тридевять земель**; **на все четыре стороны** (идти...); **пятое колесо в телеге**; **семь пятниц на неделе**; **сдьмая вода на киселе**; **ясно как дважды два**; **семь верст до небес (и все лесом)**; **семи пядей во лбу**; **за семь верст киселя хлебать**; **двадцать два (тридцать три) несчастья**; **тайна за семью печатями**; **сорок одно (два) с кисточкой**; **сорок сороков** и т.д.

Корейские фразеологические единицы: **хансурьль до сыда** (букв. “сделать на один ход больше”) – “смотреть вперед”; **ханджарихада** (букв. “занимать одно место”) – “занимать пост, занимать высокую

должность”; **дусуга обта** (букв. “нет двух ходов”) – “так и не иначе, только так”; **сопхунгабдо андойнда** (букв. “не стоит и трех пхунов”) – “не стоит и ломаного гроша”; **чхильсонъпханэ орыда** (букв. “подниматься в семизвездную доску”) (доска с семью отверстиями, символизирующими Большую Медведицу, на которую кладут умершего после обрядов) – “1) попасть в отчаянное (безвыходное) положение; 2) находиться (быть) на краю гибели”; **пхальбанъминн** (букв. “красавица с восьми сторон”) “1) очень красивый человек; 2) разносторонне развитый человек; 3) угодливый (бесхарактерный) человек”; **ёльэ ахоб** (букв. “девять из десяти”) – “1) вероятно, возможно; 2) почти все, большинство”; **ёльильль джотхёнохтха** (букв. “отложить десять дел”) – “бросить все ради (чего-либо)”; **осиббо бэгбо** (букв. “пятьдесят шагов, сто шагов”) – “все равно, нет большой разницы”; **бэньёноняг** (букв. “клятва на сто лет”) – “поклониться прожить вместе всю жизнь (о супругах)”; **чхонпхёнильлюль** (букв. “рифмы тысяча стихов однообразно”) – “1) монотонность; 2) шаблонность” и т.д.

В русских фразеологизмах нашли отражение разные числительные, как количественные, так и порядковые: один, два, три, четыре, пять, семь, двадцать три, тридцать три и т.д. Однако чаще других во фразеологизмах встречается число семь. Например, **седьмая вода на киселе, семь верст до небес (и все лесом), семи пядей во лбу, за семь верст киселя хлебать** и др. Число семь на Руси, как и у многих других народов, считалось магическим, имеющим особую сверхъестественную силу. Поэтому оно часто встречается в устойчивых сочетаниях и пословицах (напр.: **семь бед – один ответ; семь раз примерь, один раз отрежь; у семи нянек дитя без глазу** и др.

В корейских фразеологизмах встречаются следующие числительные: один, два, три, четыре, шесть, семь, восемь, девять, десять, пятьдесят, сто, тысяча, десять тысяч, девяносто тысяч и др. Наиболее употребимы числа один, два, три, десять, сто, тысяча, десять тысяч, поэтому с ними существует в корейском языке большое количество фразеологических единиц.

Фразеологические единицы, включающие антропонимы и топонимы. В русских фразеологизмах обычно встречаются разговорные варианты русских имен и названия населенных пунктов: **Филькина грамота; Тришкин кафтан; Кондрашка хватил; куда Макар телят не гонял; по Сеньке и шапка; Фома Неверующий; Шемякин суд; затвердила сорока Якова одно про всякого; на Маланьину садьбу; Казанская сирота; ехать в Тулу со своим самоваром; на Шипке все**

спокойно; язык до Киева доведет; Мамаево побоище; погиб как швед под Полтавой; во всю Ивановскую (кричать); Коломенская верста; Москва не сразу строилась; Москва слезам не верит и т.д.

Корейские фразеологические единицы: **ханганьэ доль донджиги** (букв. “бросать камешек в реку Хангань” – “не оказывает никакого влияния, не имеет пользы”); **бёгчханьхо гатта** (букв. “как бёгчханьская корова”) – “Бёгчхань – два маленьких селения Бегдонь и Чханьсонь”; **Соул гасо гимсобань чхатки** (букв. “приехав в Сеул, искать Ким Собань”) (мужчину по фамилии Ким) – “невозможно найти, разыскать кого-либо”; **готхэгкольло гада** (букв. “идти в Готхэгколь”) (Готхэгкол – селение в Сеуле, где находится кладбище) – “умереть”; **ёдинганьыль гоннода** (букв. “переплыть реку Ёрдан”) – умереть; **нагдоньганьый ориаль** (букв. “яйца утки реки Нагдонь”) – “остаться в одиночестве”; **самчхонпхоро паджида** (букв. “выходить в Самчхонпхо”) (“Самчхонпхо – город в Корее) – “уйти в сторону (о разговоре, работе и др.)”; **ансоньмачхум** (букв. “ансоньский заказ”) (Ансонь – город в Корее, который славился производством посуды из латуни, а также саткат (“шляп”); **хамхынъ чхаса** (букв. “хамхынъский чхаса”) (Хамхынъ – название провинции в Корее) – “не вернувшийся (пропавший без вести посланец)”; **яньгуйби пям чхида** (букв. “бить по щеке Яньгуйби”) (Яньгуйби – супруга короля государства Тань в Китае – отличалась необыкновенной красотой и умом. Была предметом тайной любви генерала Ан Нок Сана. Была убита в возрасте 37 лет по распоряжению короля. Яньгуйби – эталон красоты) – “очень красивая женщина”; **набчхоньджанъи дойда** (букв. “становиться набчхоньским рынком”) – “быть раздавленным, сплющиться (от удара)” (Набчхоньский рынок уезда Джоньджу издавна славился производством куксу (“корейской лапши”). Тесто для куксу необходимо было хорошо отбить, чтобы лапша получилась твердой и при варке быстро не разваривалась. Отсюда и пошел этот фразеологизм.

Фразеологические единицы из пословиц. Фразеологизмы обнаруживают тесную связь с пословицами: иногда пословица делится на две части, на два фразеологизма, но чаще она усекается (**не в свои сани не садись – садиться не в свои сани; за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь – гоняться за двумя зайцами; стреляного (старого) воробья на мякине не проведешь – стреляный (старый) воробей; бабушка гадала да надвое сказала: либо дождик, либо снег либо будет, либо нет – бабушка надвое сказала; пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву – пожалел волк кобылу; без царя в голове – “несерьезный человек” из Свой ум – Царь в голове**) и т.п.

Корейские фразеологические единицы: **даг джаба мого ори баль нэмилда** (букв. “съел курицу, а показывает утиную лапку”) – **орибаль нэмилда** (букв. “показывать утиную лапку”); **корига гильмён бальпхинда** (букв. “если хвост длинный, то на него когда-нибудь обязательно наступят”) – **корига гильда** (букв. “наступить на хвост”); **нат нокхо киокджадо морында** (букв. “не знает даже киок, положив серп”) – **киокджадо морында** (букв. “не знает даже киок”) (*киок* – первая буква корейского алфавита); **додуги джэ бальи джорида** (букв. “у вора ноет его нога”) – **бальи джорида** (букв. “нога ноет”) и т.д.

Фразеологические единицы, прототипы которых восходят к литературным произведениям и фольклору.

Русские фразеологические единицы: **кисейная барышня** (Помяловский); **видит око да зуб неймет** (Крылов); **рыльце в пушку** (Крылов); **вертеться как белка в колесе** (Крылов); **зелен виноград** (Крылов); **Демьянова уха** (Крылов); **а ларчик просто открывался** (Крылов); **оказаться у разбитого корыта** (Пушкин); **есть еще порох в пороховницах** (Гоголь); **человек в футляре** (Чехов); **двадцать два несчастья** (Чехов); **на все четыре стороны**; **скоро сказка сказывается**; **любо-дорого посмотреть**; **подобру-поздорову**; **ни жив ни мертв**; **за тридевять земель**; **откуда ни возьмись**; **провалиться сквозь землю**; **по щучьему веленью** и т.д.

Корейские фразеологизмы: **джосаммоса** (Джаньджа) (букв. “три – утром, четыре – вечером”) – “коварно обмануть кого-либо”; **намгаильмонь** (Игоньджоа) (букв. “один сон под веткой дерева, протянувшейся на юг”) – “грезы, мимолетное счастье”; **самсибюгкэрыль нохта** (Джачхитоньгам) (букв. “вызывать (использовать) 36 способов”) – “убежать, совершить побег”; **гальсурог тхэсанира** (Доньонгоряг) (букв. “далее простирается Тхэсан”) – “чем дальше, тем труднее (говорится о каком-либо деле, проблеме, взаимоотношениях людей)”; **мэньми** (Самгугжи) (букв. “белые брови”) – “человек выдающегося ума и таланта; о чем-либо выдающемся в своем роде”; **сой гуйэ ёнь ильки** (Доньонгоряг) (букв. “читать буддийские сутры ушам вола”) – “давать советы человеку, который их не слушает”; **нэ кога согджа** (Соньнамджабджиг) (букв. “мой нос – три ча”: (ча – 30,3 см) – “мне только до себя (о человеке, попавшем в трудное положение)”; **гамульэ кхонь надыт** (Доньонгоряг) (букв. “словно в засуху боб растет”) – “очень редко” и т.д.

Кинетические фразеологизмы. Довольно многочисленную группу составляют фразеологические единицы, относящиеся к “кинетической фразеологии”.

В основе мотивированности “кинетической фразеологии” лежит описание жеста, с одной стороны, и реакции внутренних органов и частей тела на внешние речевые и неречевые раздражители, – с другой (Черданцева 1988, 86).

Русские фразеологические единицы: **осенить себя крестом** (перед церковью, как это делают верующие); **рвать на себе волосы** (в знак огорчения, горя); **бить себя в грудь** (в знак раскаяния); **сидеть сложа руки** (символ безделья); **не успел глазом моргнуть**; **поднимать руку**; **протянуть руку**; **махнуть рукой**; **ходить с протянутой рукой**; **открывать рот**; **разевать рот**; **кровь стынет**; **душа в пятки уходит** и т.д.

Корейские фразеологические единицы: **морирыль кыдогида** (букв. “кивать головой”) – “в знак согласия”; **момыль кода** (букв. “скрутить тело”) – “кокетничать”; **хорирыль пхёда** (букв. “выпрямить спину”) – “обрести счастье, преодолев трудности”; **гасымыль гыгта** (букв. “чесать сердце”) – “терзать сердце”; **ибыль больлида** (букв. “раскрыть рот”) – “испугаться, разглашать тайну”; **морирыль сугида** (букв. “опустить голову”) – “1) выразить уважение кому-л. за что-л., быть тронутым или признать правильность чьих-либо доводов”, 2) извиняться, просить прощения; **сонмогыль джабко мальлида** (букв. “отговаривать от чего-то, держа за запястье”) – “сильно отговаривать кого-л. от чего-л. и т.д.

Компаративные фразеологические единицы русского и корейского языков. Сравнительные устойчивые обороты всегда привлекали внимание ученых. Так, по наблюдениям С.И. Ройзензона, такие обороты показывают, с одной стороны, общие характеристики жизни разных народов, а с другой – особенности их жизни и быта, отражающиеся в образном мышлении данного человеческого коллектива (Ройзензон 1968, 127). По мнению В.Н. Телии, компаративные фразеологизмы выступают как “своего рода шаблоны культурно-национального миропонимания, как достояние группового сознания (см. Телия 1996, 239). Исследователи материала справедливо утверждают, что языковые выражения этого типа служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – ее оценивания в образах-эталонах (Телия, там же, 241). Компаративные фразеологизмы представляют собой “превращенную форму деятельности, характерной для данной общности, и вскрывают оценочные эталоны той или иной лингвокультурной общности” (Шмелева 1988, 120).

Так, эталоном упрямства в корейской ментальности выступает “бык”: **хоаньсо гатхын годжиб** (букв. “упрямство как у быка”) (ср.

русское эталонное сравнение **упрямый как осел**); в корейском традиционном эталонном сравнении **гомчором мирёнхада** (букв. “глупый как медведь”) медведь олицетворяет глупость, а в русской компаративной фразеологической единице **глупый как сивый мерин** образцом глупости является мерин, медведю же приписывается качество “неуклюжий, сильный, здоровый (ср. *неуклюжий как медведь, сильный, здоровый как медведь*).

Компаративные фразеологизмы русского и корейского языков могут иметь как соответствия, так и разные координаты. Они могут обозначать:

1) физические характеристики человека: русск. **жирный как свинья** – корейск. **доэджи гачхи тунътунъхан** (букв. “толстый как свинья”); русск. **худой как щепца** – корейск. **мёльчхигатхын** (букв. “как японский анчоус (мёльчи)”); русск. **красивая как картинка** – корейск. **яньгуйби гатта** (букв. “ка яньгуйби”) – (Яньгуйби – жена китайского короля, отличающаяся красотой) и т.д.;

2) черты характера, умственные способности. Денотатом в этой группе является название животного: русск. **хитрый как лиса** – корейск. **ёу гатта** (букв. “как лиса”); русск. **твердый как скала** – корейск. **дэцог гатта** (букв. “как кусок бамбука”); корейск. **ёнъ мотдойн муги гатта** (букв. “как питон, не ставший драконом”) “зловредный человек”; корейск. **Джегальянь гатта** (букв. “(мудрый) как Джегальянь”) (Джегальянь – китайский военачальник); русск. **упрямый как осел** корейск. **согатхын годжиб** (букв. “упрямство как у быка”); русск. **тупой как пробка** – корейск. **мэньконъи гатта** (букв. “как пузатая лягушка”).

Итак, как видно из проведенного анализа, подавляющее большинство русских и корейских фразеологизмов отражают менталитет нации, самобытность, мировосприятие народов – носителей языков, т.е. фразеологические единицы содержат в себе культурную коннотацию, которая отражает обиходно-эмпирический, исторический, духовный опыт двух языковых коллективов.

Л и т е р а т у р а

Кириллова Н.Н. Принципы параметризации идиом как фрагмента языковой картины мира // Фразеологическая параметризация в Машинном фонде русского языка. М.: ИРЯ РАН АН СССР 1990. С. 55-63.

Коломиец Л.И. Об истоках фразеологии восточных славян // Тр. Самарк. ун-та им. А.Навои. Новая сер. Вопросы фразеологии. 1975. Вып. 277. С. 65-73.

Ройзензон С.И. Отражение реалий в сравнительных устойчивых оборотах. Мат-лы XXV научной конференции проф.-преп. состава СамГУ им.А.Навои. Самарканд, 1968

- Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропонимания к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.
- Фелицына В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1990.
- Шмелева Т.В.* К проблеме национально-культурной специфики "эталона" сравнения (на мат-ле английского и русского языков) // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 120-124.

К вопросу о терминологии изобразительного искусства

© кандидат филологических наук Н. Г. Ткаченко, 1999

Уже давно ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что процесс изучения русского языка как иностранного преследует не только практические, общеобразовательные цели обучения русскому языку, выработку коммуникативных навыков учащихся, но также и ознакомление их с культурой и историей страны изучаемого языка. А русская история и — особенно — русская культура представляют в данном случае весьма благодатную почву.

Как известно, произведения искусства оказывают широкое и многогранное воздействие на человека. В духовную работу включаются все силы и творческие способности человека: и чувства, и память, и воображение, и интеллект.

“Умелое сочетание в учебном процессе видов собственно языковой работы и культуроведческих бесед обеспечивает эффективность учебного процесса”, — пишут Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (1, 201).

Постижение учащимися национальной культуры изучаемого языка до сих пор остается одной из задач обучения русскому языку — в научно-методической литературе по проблемам обучения языку преобладает точка зрения, что “культура становится предметом соизучения при изучении языка” (1).

Между языком и культурой существует некий параллелизм, который нельзя не учитывать при обучении языку. Чтобы активно участвовать в акте коммуникации, необходимо понять душу, особенности психического склада народа, изучить его историю, быт и культуру, поскольку язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, т.е. национальную культуру.

Произведения живописи как часть культуры народа, представляя собой культурные ценности, накопленные и накапливаемые нацией, умножают духовное богатство нации. Исходя из высказывания В. Гумбольта о том, что язык возникает как средство познания мира, как инструмент развития духовных сил людей и образования их мировоззрения, мы придаем особое значение живописи как потенциальному источнику осуществления кумулятивной функции языка, выступая в качестве источника отражения художником внешнего мира,

произведения живописи способствуют фиксации и сохранению “в языковых единицах информации о постигнутой человеком окружающей его действительности” (2, 38).

Кумулятивная функция языка обеспечивается прежде всего лексикой и фразеологией, поскольку слова и фразеологизмы непосредственно отражают внеязыковую действительность. Предметная сущность живописи дает материал как для формирования речевых навыков, так и для активизации пассивного словаря. Картина обеспечивает непосредственную связь между понятием о предмете или явлении со словом и тем самым “превращается в действенный фактор”, без которого обучение языку становится весьма затруднительным (3, 23).

Использование произведений живописи в качестве учебного средства на уроках русского языка как иностранного является достоверным источником информации о быте и культуре народа, поскольку художник-реалист (наиболее целесообразным, как нам кажется, является использование именно реалистической живописи, хотя не исключено знакомство и с другими стилями и направлениями в русском изобразительном искусстве) на своем полотне достоверно изображает типичные стороны современной ему действительности (портреты современников, городской и сельский пейзажи, быт людей, природу) или же исторические события.

Специфика искусства, в том числе и живописи, состоит в том, чтобы отобразить из жизни наиболее существенные типичные явления, характерные для своего народа, особенностей его менталитета, национальной культуры, выражение его мировосприятия.

Творчество русских художников отражает определенную историческую эпоху, социально-общественный строй, морально-этические и психологические нормы русского народа, его культуру.

Тем самым учащиеся не только получают культурологические сведения, необходимые и достаточные для адекватной коммуникации, но и самостоятельно извлекают факты истории и культуры из содержания картин и находят им словесный эквивалент в своем лексическом запасе.

Известно, что слово является основной единицей языка, в которой находит свое отражение культура. Усвоение лексики в значительной степени сводится к овладению словами, своеобразная семантика которых отражает своеобразие культуры народа. По определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, такие слова называются культурным компонентом языка. Они лежат на пересечении языка и культуры,

тесно связаны с последней, отражают самое существенное, самое важное в нашей культуре и показывают глубокие корни отечественной истории и общественной жизни.

В связи с этим интересным представляется рассмотрение терминов изобразительного искусства, особенно в процессе их функционирования в специальных текстах, установление зависимости между формальными, семантическими и стилистическими характеристиками термина, с одной стороны, и их контекстным окружением, с другой стороны.

Исследование терминов изобразительного искусства (далее – ТИИ) в функциональном аспекте позволяет выявить некоторые особенности языковой подсистемы, в рамках которой может рассматриваться специальная лексика, обслуживающая изобразительное искусство. Это дополняет функциональную теорию термина, доказывает его знаковую природу, которая подтверждается наличием у специальной лексики всех видов системных отношений, существующих в языковой системе в целом.

Так, анализ терминов изобразительного искусства на парадигматическом уровне позволяет установить, что массив специальной лексики, входящий в терминосистему изобразительного искусства, наряду с широким пластом моносемичных слов включает и полисемичную лексику. Полисемичные лексемы, содержащие терминологические значения в области изобразительного искусства, могут быть носителями как общеупотребительных, так и терминологических значений, свойственных языку изобразительного искусства.

Сосуществование под одной “звуковой оболочкой” общеупотребительного и терминологического значения трактуется лингвистами неоднозначно, так как генетическая природа этого явления может быть различной. В одних случаях объединение в лексеме общеупотребительного и терминологического значений является следствием терминологизации общеупотребительных слов, например: **полотно, холст, кисть, пятно, уголь, тень** и др.

В других случаях существование общеупотребительного и терминологического лексико-семантического варианта в пределах одного слова-знака является следствием закрепления за термином нового общеупотребительного значения, возникшего в результате неоднократного перенесения термина в неспециальную сферу употребления.

Объединение под одной формой слова-знака терминологических значений, относящихся к разным языковым сферам (то, что было приня-

то называть до недавнего времени языком для специальных целей, — ЯСЦ), рассматривается исследователями как межнаучная терминологическая омонимия. Примерами ТИИ, которые успешно функционируют в других языковых сферах, могут служить слова **графика, этюд, студия, гипс, ремарка, люнет** и др.

Специальной лексике, входящей в терминосистему изобразительного искусства, присуще и явление терминологической многозначности. Это такие термины, как **гравюра, мозаика, сепия, портрет, рисунок, марина** и др.

Механизмы связей между значениями полисемичных терминов основаны на метонимическом и метафорическом переносе наименований.

Функционирование ТИИ в специальной сфере употребления на экстралингвистическом и лингвистическом уровнях доказало существование в языке изобразительного искусства двух микроязыков: микроязыка технологии и микроязыка теории. Микроязык технологии реализуется в учебных руководствах, справочниках, пособиях и отличается строго информативной направленностью и обладает коммуникативной направленностью, служит средством общения специалистов данной сферы искусства.

Уровень искусствоведческого анализа художественного произведения обслуживается микроязыком теории, использование которого не зависит от компетентности адресата информации. Это могут быть монографии, специальная пресса, путеводители по музеям и выставочным залам, беллетристическая литература и т.д.

Отличительными особенностями микроязыка технологии являются: использование однозначной, лишенной экспрессивного элемента лексики (узкоспециальные термины); преобладание неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных конструкций; присутствие всех видов пассивных конструкций; использование в функции составного глагольного сказуемого описательных глагольно-именных словосочетаний, а также логическая последовательность изложения.

Микроязык теории характеризуется такими признаками, как: общность большинства лексических и стилистических средств микроязыка с общелитературным языком; наличие многозначной метафорической лексики (в том числе терминов); применение различных тропов (эпитетов, сравнений, метафор); преобладание глаголов, выражающих процессы ощущения и восприятия; преобладание двусоставных конструкций;

произвольная последовательность изложения, подчиненная замыслу автора.

Исследование лексического состава микроязыков технологии и теории показало, что каждый микроязык пользуется своей терминологической системой, куда входят номинации специальных понятий, применяющихся либо в технологическом процессе создания произведения искусства, либо в процессе искусствоведческого анализа продуктов изобразительной деятельности.

Массив терминологической лексики, составляющей микроязык технологий, состоит, главным образом, из:

А) наименований инструментов и приспособлений, предназначенных для изобразительной деятельности (**мольберт, шабер, глаголь, стека, мастихин, офортная игла, скульптурный станок, литографический камень** и др.);

Б) названий процессов и результатов изобразительной деятельности (**формовать – формовка, патинировать – патинировка, растяжка тона, раскладка цвета, выкрывать – выкрывание, оплескивать — оплескивание** и др.);

В) названий технологических разновидностей изобразительной деятельности (**пунктир, лавис, акватинта, резерваж, мягкий грунт, сухая игла** и др.);

Г) название красок (**киноварь, умбра, мумия, берлинская лазурь, бакан зеленый, краплак** и др.).

В состав пласта терминологической лексики, объединенной в состав микроязыка теории, входят:

А) названия эстетико-искусствоведческих понятий и категорий, применяемых при анализе художественных произведений (**идея, сюжет, тема, тематика, образ, стиль, типизация, художественная форма, художественное направление** и др.);

Б) название направлений, течений, стилей и эпох в искусстве (**модернизм, классика, авангардизм, импрессионизм, абстракционизм, примитивизм, барокко** и др.).

Находящееся на пересечении указанных множеств множество включает в себя довольно обширный массив терминологической лексики, используемой как в микроязыке технологии, так и в микроязыке теории. Это такие термины, как **живопись, графика, скульптура, пастель, холст, акварель, рисунок, палитра, натюрморт, офорт, марина, рельеф, оттенок, штрих, краска, мазок** и др.

Наиболее ярко особенности употребления ТИИ проявляются в процессе анализа произведений изобразительного искусства. В процессе искусствоведческого анализа происходит отражение первичного образа-объекта, в среде которого рождаются вторичные оценивающие-критические образы.

Описывая произведения изобразительного искусства, специалисты часто прибегают к применению ТИИ не в специальном, а в переносном общеупотребительном значении, усиливая тем самым экспрессивность повествования посредством создания вторичных, производных образов.

Созданию экспрессивного элемента подчинено употребление ТИИ в составе простых словосочетаний, например: **аккорд красок, цветовой регистр, колористическая режиссура** и т.д., — где значение ключевых слов-терминов обогащается метафорическими модификаторами **сплав, почерк, режиссура, аккорд, регистр**. Например, слово **сплав** в значении “соединение различных элементов чего-либо” в сочетании с определением **цветовой** указывает на необыкновенную контактность и прочность соединения, доходящую до полного единства участвующих элементов (в данном случае цветов) и основанную на ассоциации со сплавляемыми металлами.

Употребление специальной лексики в составе простых словосочетаний, состоящих из термина и яркого эпитета, также направлено на создание эмоционального элемента в словесной трактовке картины, скульптуры и других произведений изобразительного искусства.

Терминологизация вторичного образа осуществляется здесь на основе взаимной двусторонней связи между терминологическими и нетерминологическими (образными) элементами.

Например, в словосочетаниях **благородные краски, звонкая палитра, глухие тона, лихорадочный свет, сочная живопись** и т.п. эпитеты **благородные, звонкие, глухие, лихорадочный, сочная** терминологизируются под влиянием соответствующих терминов, которые в свою очередь метафоризируются, подвергаясь воздействию экспрессивных определений-модификаторов.

Особенности использования ТИИ в микроязыке технологии определяются спецификой технологического процесса создания произведения искусства, который, в отличие от искусствоведческого анализа, является продуктом исключительно научного сознания, направленного на преобразование предметов действительности.

Практическая направленность научного сознания предопределяет восприятие реципиентом строго научной информации, что достигается

почти полным отсутствием образности, использованием слов (прежде всего терминов) в основных предметно-логических значениях.

Специальная лексика, обозначающая названия инструментов, приспособлений, технологических разновидностей и процессов, а также многих материалов, используемых в изобразительной деятельности, реализуется исключительно в прямом терминологическом значении, которое не зависит от окружающего контекста.

Таким образом, язык изобразительного искусства существует в двух видах языкового отражения: художественного творчества как технологического процесса и отражение процесса искусствоведческого анализа законченного произведения искусства. На этом основании в языке изобразительного искусства выделяется два микроязыка: микроязык технологии и микроязык теории.

Каждый язык пользуется своей терминологической системой, отношения между которыми можно охарактеризовать как отношения пересечения. Использование специальной лексики каждым микроязыком имеет свою функциональную специфику, основанную на различии в художественном и научном сознании.

Следует также сказать о том, что терминология изобразительного и прикладного искусства, архитектуры и музыки была заимствована русским языком в большей своей части из итальянского языка, так как в указанных областях между двумя странами издавна существовали тесные связи. Лишь со второй половины XVIII века, с усилением влияния французского языка, многие итальянские слова стали приходить в русский язык через французский.

На протяжении своей “жизни” в заимствующем языке слово претерпевает значительные изменения. Следует различать изменения, которым подвергаются слова в момент заимствования, и изменения, которым подвергаются заимствованные слова, уже прочно вошедшие в язык.

В языке действуют две противоположные тенденции. С одной стороны, предпочтение, отдаваемое иноязычным терминам в выборе между ними и исконными словами ввиду их однозначности, немотивированности, безразличия к контексту и отсутствия эмоциональной окраски, а с другой — приобретением термином указанных качеств при детерминологизации. В результате этих тенденций происходит обогащение языка.

Терминология искусства и архитектуры в силу своей определенной замкнутости в разной степени подвержена детерминологизации.

В терминологии изобразительного и прикладного искусства выход в общелитературный язык получили названия некоторых красок и мате-

риалов. Для этой семантической группы характерна полисемия по смежности, а для некоторых слов – даже употребление в переносном значении.

Если говорить о словах, которые пережили вторую стадию детерминализации, таких, как **пьедестал, мозаика, профиль, миниатюра, галерея, гротеск, филигрань, трафарет, студия**, то их полная семантическая освоенность русским языком проявляется по-разному.

Для одних это широкий охват многих сфер деятельности, частотность употребления, образования производных, наличие сложных слов и устойчивых словосочетаний (**студия**), для других — помимо указанных свойств – широкое употребление в переносном значении (**пьедестал, профиль, мозаика, колорит, филигрань**), которое подчас становится более употребительным, выходит на первый план (**колорит, трафарет**).

При анализе семантики терминов изобразительного искусства, подвергшихся полной детерминализации в русском языке, а также их производных обнаруживается одна интересная закономерность. В цепочках: **колорит – колоритный – колоритность, трафарет – трафаретный – трафаретность, мозаика – мозаичный – мозаичность, миниатюра – миниатюрный – миниатюрность, карикатура – карикатурный – карикатурность** соотношение прямого и переносного значений меняется. Если первые члены этих цепочек могут употребляться и в прямом, и в переносном значениях с большими или меньшими колебаниями в ту или иную сторону (**филигрань** — в основном в прямом значении, а **трафарет** – больше в переносном), то образованное от этих слов прилагательное уже соотносится в основном с производящим словом в его переносном значении. И, наконец, в третьих членах этих цепочек соотносимость с производящим словом в переносном значении становится больше, и они употребляются уже исключительно только переносно.

Следует сказать также о том, что некоторые термины изобразительного и прикладного искусства и архитектуры после своего укоренения в общелитературном языке были взяты на вооружение какой-либо другой терминологией. Так, например, произошло со словом **пьедестал**, которое в последнее время широко употребляется в языке спорта и давно уже перестало быть в этом значении окказионализмом или индивидуальным, образным употреблением слова.

Таким образом, изучение терминов изобразительного искусства и архитектуры имеет как научную ценность, так и практическую, особенно в учебном процессе.

Использование произведений живописи на уроках русского языка позволяет реализовать общедидактическое требование сочетания обучения с воспитанием, содействует нравственному и эмоционально-эстетическому воспитанию учащихся, способствует пробуждению у них интереса, уважения и любви к искусству народа, язык которого они изучают.

Л и т е р а т у р а

1. *Верецагин Е. М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
2. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Русский язык как феномен национальной культуры // Русский язык: предмет изучения и средство воспитания. Киев, 1981.
3. *Ведель Г.Е.* К вопросу о научных основах метода обучения // Иностранные языки в школе, 1963. – № 1.

Материалы к парадигме предложений со значением эмоционального состояния/отношения

© *И. А. Антонова, 1999*

В настоящее время активно развивается функционально-семантический синтаксис. Прослеживается два подхода: от формы (исследования предложений, организуемых одной определенной формально-грамматической структурой) и, наоборот, описание множества структур, объединенных одной семантикой. Последний тип описания получил большое распространение [см. 13; 15; 16; 2; 10; 11; 7 и др.]. При этом подходе исследуются структурно-семантические разновидности предложений, которые различаются валентностными свойствами предикатов. Традиция такого описания идет от работ Т.П. Ломтева [22; 23; 24]. На этой основе возможно:

- 1) системно описать группы предложений, организуемых классами предикатов одной семантики;
- 2) выявить разнообразные отношения между предложениями внутри группы (синонимия, омонимия, конверсия);
- 3) изучить релевантные для синтаксиса свойства именной лексики, сочетающейся с тем или иным классом предикатов.

Описание конкретного материала основано на определенных теоретических положениях, касающихся формальной и семантической организации предложения. Структура предложения (структурный минимум) понимается нами как построение, обладающее не только грамматической, но и информационной завершенностью. Поэтому в структуру компонентов, образующих предикативную основу предложения, включаются также компоненты, необходимые для создания информативной завершенности предложения, построенного по данной схеме. Такое понимание структурного минимума было введено Т.П. Ломтевым [21; 23]. Причем семантику предложения и его структурный минимум исследователь рассматривал нерасчлененно. Он писал: “Модель предложения обладает отвлеченной формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов” [2: 68]. Т.П. Ломтев ставит в центр своей синтаксической концепции понимание предложения как системы предметов, связанных отношением, поэтому он включает в структуру предложения компоненты, выражающие это отношение, и предметы отноше-

ния – распространители глагола (предиката), наличие которых обусловлено характером выраженного в предложении отношения. Указание на характер отношений и предметов, связанных отношением, является основным при описании семантической организации предложения. Таким образом, как и Т.П. Ломтев, мы включаем в структуру предложения не только компоненты, входящие в его предикативный минимум, но и компоненты, необходимые для его информативной завершенности. Представление семантики предложения, в центре которого находится ситуация, событие объективной действительности, нашло продолжение и развитие в работах других синтаксистов [1; 2; 12; 25].

Целью нашей работы является выяснение способов и условий выражения эмоционального содержания (ЭС) в русском языке на основании анализа предикатов этой семантики. Для этого целесообразно выделить два уровня организации предложения: уровень содержания предложения (денотативный) и уровень реализации коммуникативного задания, где выделяются два подуровня – семантический и синтаксический [11: 20]. Денотативный уровень – это уровень содержания предложения, в центре которого находится ситуация, событие объективной действительности. Иначе говоря, в предложении представлено конкретное событие, ситуация действительности (“кусочек действительности”), в нем описывается определенное положение вещей объективного мира. Но объективный мир отражается в языке не прямо, а опосредованно, преломляясь в сознании говорящего. “Предметом семантики является не реальный мир, а концептуализация мира” [29: 10]. Одно и то же событие объективного мира может быть по-разному осмыслено и представлено в языке разными способами. Это получает отражение в семантической организации предложения в виде набора определенных смысловых компонентов. На денотативном уровне эти компоненты подразделяются на актантные, сирконстантные и предикативно-атрибутивные.

Актанты – это участники событий, предикаты – это действия, отношения, зависимости, признаки, связывающие актанты и сирконстанты друг с другом. Сирконстанты – обстоятельства и характеристики событий во всем их многообразии. Конкретный характер отражаемой ситуации и формирующих ее компонентов задается предикативной ролью.

В последнее время неоднократно предпринимались попытки создать семантическую классификацию предикатов [6; 28; 18; 8; 34; 10; 11]. Мы придерживаемся классификации, построенной на основе концепций Т.В. Шмелевой, Е.В. Клобукова, представленной М.В. Всеволодовой [см. подробнее 10; 11]. Выделяются пять видов ситуаций (событий):

- бытие (У меня тоже есть нервы; На заводе есть аптечный киоск; В стране есть парламент).
- действие (Он смеется; Сестра плачет; К реке сбежалась вся деревня; Она поливает цветы);
- состояние (Она болеет; Он грустит; У нее горе; Он в тоске; Он встревожен; Вся лаборатория болеет гриппом; Дом в руинах; Я вижу звезды);
- отношение (Она радуется за отца; Мы гордимся своим городом; В гимназии Шурочку обожали; Борис старше Глеба; Волк хищник; Конфликт привел к войне);
- признак, характеристика (Он труслив; Этот завод очень старый; Сергей – врач; Театров в городе два);

Предложения, отражающие перечисленные виды ситуаций, формируются соответственно предикатами действия, состояния, отношения, свойства и бытия. В рассматриваемом нами выражении предикатов ЭС используются прежде всего предикаты состояния и отношения: Отец *удивился* (Р состояния), говорил, что еще рано, что солнышко еще целый час не сядет... (С. Аксаков); Мое возвращение *удивило* (Р отношения), даже испугало мать (С. Аксаков); От этих мыслей мне тепло и *радостно* (Р отношения) (В. Житкова); Я *была* безмерно *рада* (Р отношения) свиданию с родными (М. Савина); Он и *рад был* (Р состояния), и уже упрекал себя, что сам не додумался до суда чести, и *страшился* (Р отношения) своего поспешного согласия (А. Розен); Я от своих веснушек *в ужасе* (Р отношения) (газ.); Капнист *был в ужасе* (Р отношения) от совершенных здесь беззаконий (В. Ходасевич). Хотя предикаты эмоциональной семантики могут передавать и действие, и признак: Федоренко *шутил* (Р действия) над другом: “Брось, кум, уж видно, что ты еще молодой пахарь” (А. Макаренко); Начальник отделения встретил Рублева с шумной приветливостью и тут же начал *жаловаться* (Р действия) на трудности своей должности (М. Прудников); Это *смеялись* (Р действия) над чудачком (Г. Гулия); *Скучен, грустен* (Р характеристики) взор печальный голубых твоих очей (А. Полежаев); Волков здесь много, да они *беспокойны* (Р состояния) только зимой (И. Тургенев). Среди предикатов эмоциональной семантики могут быть и предикаты бытия: У меня тоже *есть нервы*.

Подробно рассмотрела и составила классификацию более чем 100 глаголов ЭС М.Л. Крючкова [20]. При исследовании этих глаголов М.Л. Крючкова исходит из существования дифференциальных семантических признаков, характеризующих глагол, и устанавливает прямую зависимость синтаксических свойств глагола от его семантических характери-

стик. В ее классификации выделяется 9 “условных” классов глаголов, группируемых по общему семантическому признаку: 1) V “увлечения”, 2) V “удивления”, 3) V “любви и ненависти”, 4) V “преклонения и самоунижения”, 5) V “насмешки и издевательства”, 6) V “недовольства”, 7) V “боязни”, 8) V “беспокойства”, 9) V “заботы, волнений и печали”. Исходя из своей задачи, она рассматривала глаголы ЭС на уровне словосочетания. Не все глаголы ЭС вошли в классификацию М.Л. Крючковой, например: Я *нервничаю*; Он *расстраивается* и т.д. Но мы будем придерживаться классификации М.Л. Крючковой как наиболее полно и системно представляющей глаголы ЭС. В работе не рассматриваются те модели, парадигма которых не содержит глагольных конструкций, таких как: Они *в ажиотаже*, Все *были в шоке* и др.

Основываясь на классификации М.Л. Крючковой и принимая во внимание, что ЭС может передаваться не только глаголами, но и прилагательными, причастиями, наречиями и существительными, мы рассматриваем выражение эмоционального содержания на уровне предложения.

Синонимический ряд предложений, передающих значение эмоционального состояния/отношения, может образовывать цепочку из 6 моделей [30]:

- 1) глагольные предложения — Он *беспокоится*;
- 2) наречно-предикативные — Ему *беспокойно*;
- 3) субстантивные предложения — У него *беспокойство*;
- 4) адъективные предложения — Он *беспокоен*;
- 5) причастные предложения — Он *обеспокоен*;
- 6) предложения с ППГ — Он *в беспокойстве*.

Однако в реальной языковой действительности далеко не каждое глагольное предложение может трансформироваться в предложения названных здесь типов трансформационного потенциала. Анализ глагольных предложений, выражающих ЭС – одна из актуальных задач современной лингвистики.

Анализ системных видоизменений и соотношений формальных классов предложений связан с идеей парадигмы, разрабатываемой в лексике, а в 60-х годах перенесенной и в синтаксис. Парадигма предложения определяется как совокупность форм предложения, относящихся к одной грамматической категории и употребляющихся в одинаковой позиции [26: 334].

Узкое понимание парадигмы предложения как системы его форм представлено в работах Н.Ю. Шведовой. Основное внимание в них уделяется внутримодельным преобразованиям, межмодельные преобразо-

вания четко отграничиваются. В основе системы внутримодальных преобразований, или формоизменений лежат грамматические категории, которые составляют понятие предикативности – объективная модальность и время. Парадигма предложения – это “совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени. Парадигма предложения есть система его форм” [33: 10]. Н.Ю. Шведова различает шесть видов модального значения предложения: 1) индикатив (3 времени), 2) сослагательное наклонение, 3) условное наклонение, 4) желательное наклонение, 5) побудительное наклонение, 6) долженствование. Таким образом, парадигма восьмичленна. Формоизменения не затрагивают структурную основу предложения, а в структурную основу, по Н.Ю. Шведовой, входят только главные члены предложения, она не включает второстепенные члены -- распространители глаголов, ориентируясь на предикативную, а не на коммуникативную достаточность предложения.

Неоднократно отмечалось близость парадигмы в изложенном понимании парадигме морфологической, но, хотя “морфологические категории всегда имеют определенное отношение к синтаксису, тот или иной выход в структуру предложения, ... нецелесообразно трактовать морфологические видоизменения по категории времени и наклонения как парадигму предложения, т.к. структура предложения не меняется” [5: 21].

При широком подходе к понятию парадигмы предложения в нее включают и системные видоизменения, не связанные с выражением предикативности. В русле деривационного синтаксиса возникло принципиально новое понятие деривационной парадигмы, которая объединяет предложения, соотносящиеся как исходное и производное. Производная конструкция отличается от исходной осложнением смысла и изменением формы.

В работах В.А. Белошапковой обязательным требованием для предложений, составляющих парадигму, является единство пропозиции: “Регулярные реализации представляют собой семантическое изменение модели на заданную величину. При их образовании сохраняется без изменения все объективное содержание предложения, но в его значение вносятся, обогащая его, некоторые дополнительные оттенки” [3: 753]. Регулярные реализации, по В.А. Белошапковой, имеют следующий характер видоизменения и выражаемый ими смысл: 1) фазисность, 2) модальность, 3) отрицание, 4) оценочно-экспрессивный смысл, 5) авторизация, 6) интерпретация субъекта – неопределенность, обоб-

ценность. Эта деривационная парадигма близка системе регулярных реализаций Н.Ю. Шведовой [27: 119-122], представляющих внутримодельные изменения структурной схемы предложения, характеризующиеся осложнением смысла и формы. Но концепция В.А. Белошапковой дает более широкий взгляд на систему дериватов предложения и вводит понятия внутрисхемной деривации и межсхемной деривации.

Развитие идей синтаксической парадигматики принадлежит Г.А. Золотовой, разработавшей концепцию синтаксического поля предложения [14: 182-183]. Она выделяет:

1) грамматические модификации (по значениям категорий времени, модальности и лица): Он *работал*, Он *будет работать*, Он *работал бы*, *Работай*);

2) семантико-грамматические модификации: модальные -- Он *хочет работать*; Он *должен работать*; Он *старается работать*; фазисные -- Он *начинает* *продолжает*, *заканчивает работать*;

3) экспрессивно-коммуникативные модификации: *Как он работает!* *Ну и работает же он!* Сюда же входят и вопросительные модели, и вопрос с отрицанием: *Разве он работает?* *Разве он не работает?*;

4) монопредикативные синонимические вариации: Он *весь в работе*; Он *за работой*; Он *выполняет/исполняет /проводит работу*; сюда же входят и конверсивы, пассивные конструкции: *Работа проводится/выполнена* братом. К вариациям относятся предложения с формально не выраженным субъектом: *Работайте!* *Здесь работают*; *Не работай* – не ешь. К синонимам основной модели относятся инфинитивные и безличные предложения: *Работать*; *Ему не работается*; *Ему нужно работать*; *Пора работать*;

5) полипредикативные осложнения модели – моносубъектные и полисубъектные. В моносубъектном предложении с одним субъектом сопрягаются два предикативных признака – глагольный и именной: Он *работает учителем*; Он *вернулся веселым*; Он *вернулся в растерянности*.

Она считает, что парадигма – это иерархически организованная система, включающая ядерное предложение – исходную форму парадигмы и его различные преобразования.

Представление синтаксической парадигмы как системы межмодальных преобразований предложения было развито Т.П. Ломтевым. Его подход отличается значительным своеобразием и стремлением к глобальному и разностороннему осмыслению предложения. Его главная идея -- “в основании парадигматики предложений должны быть грамматические категории предложения” [23: 39]. Он подчеркивает: “...то, что

является грамматической категорией слова, не может быть одновременно грамматической категорией предложения, и наоборот” [23: 61]. Т.П. Ломтев намечает систему синтаксических категорий предложения, выражающихся на уровне предложения, не дублирующую систему грамматических категорий глагола. По его мнению, предположительно в систему входят следующие категории:

- 1) утвердительности – отрицательности;
- 2) вида общения: повествовательности, вопросительности, побудительности; времени;
- 3) модальности: а) реальной – гипотетической; б) модуса существования: наличность бытия, возможность, необходимость; в) субъективной оценки истинности или ложности сообщения;
- 4) конвертируемости;
- 5) определенности, неопределенности, обобщенности и формальности предмета;
- 6) активности – демиактивности [23: 62].

Следует отметить, что по отношению к ряду предложений, соотносимых с одним денотатом, Т.П. Ломтев применяет термин “парадигма предложений”, а не “парадигма предложения”.

Задача нашего исследования – возможность использования разных моделей с разными частеречными компонентами, при этом мы берем за основу глагольную модель. Парадигма предложения – многофакторная категория, зависит от разных факторов: лексических, словообразовательных, морфологических.

Каждой из структурных моделей предложений присущи свои семантические особенности. Глагольные предложения подчеркивают активность субъекта, испытывающего состояние. Семантика этих предложений сводится к внешнему обнаружению состояния субъекта. А.М. Пешковский писал: “При слове “веселиться” нам представляются какие-то действия веселящегося человека... Ничего этого нет в слове “весел”.

Адъективные предложения специализируются на передаче состояния субъекта, описывая его как бы “со стороны”, акцентируя внешние проявления. Для передачи же внутренних состояний служат наречно-предикативные модели, которые описывают ситуацию как бы “изнутри”. Они преобладают среди предложений, в которых говорящий рассказывает о своем собственном состоянии, выдвигая на первый план точку зрения говорящего [19]. Это подтверждается и проведенным С.Н. Цейтлин статистическим анализом употребления наречно-предикативных структур – среди них преобладают предложения, в кото-

рых говорящий рассказывает о своем собственном состоянии: *Мне было стыдно своей трусости* (Паустовский); *Анна Петровна с Леной ушли. Мне стало скучно* (Паустовский); *Мне грустно, потому что я тебя люблю* (Лермонтов); *Без вас мне скучно – я зеваю; При вас мне грустно – я терплю...* (Пушкин); *Нет исхода из вьюг. И погибнуть мне весело* (Блок); *Только мне не страшно...* (Есенин). Наречно-предикативные модели выражают значение ЭС как что-то произвольное. В отличие от глагольных предложений, подчеркивающих активность субъекта, наречно-предикативные предложения подчеркивают его пассивность.

Причастные конструкции включают в свою семантику значение причины, каузированности эмоционального состояния/отношения, в котором находится субъект. Обычно это значение эксплицируется: Он был *обижен* тем, что не все его понимают (Ф. Сологуб). А в адъективных конструкциях краткие прилагательные, обозначающие ЭС, часто употребляются без причинно-обстоятельственных распространителей: Лермонтов в это утро был необыкновенно *весел* и разговорчив (Панаев). Предложно-падежные конструкции передают ситуации, которые можно определить как погруженность субъекта в эмоциональное состояние, поглощенность его этим состоянием. Поэтому самодостаточны предложения: Он *в ужасе*; Она *в беспокойстве* и не вполне корректны предложения: *Он *в некотором ужасе*; *Она *в небольшом беспокойстве* [32: 55-65].

На основании предложений, взятых из произведений художественной литературы, прессы и разговорной речи нами была составлена таблица моделей ЭС по всем глаголам, классифицированным М.Л. Крючковой, и в соответствии с конструкциями, указанными С.Н. Цейтлин. Такой тип трансформационной парадигмы относится к интерпретационным парадигмам (термин предложен В.А. Белошапковой [4], разработан М.В. Всеволодовой, [10: 648]), так как включает лишь часть возможных структур. М.В. Всеволодова выделяет коммуникативные механизмы, которые оформляют подачу предложения. Она делит коммуникативные механизмы на актуализационные, затрагивающие линейно-интонационную структуру предложения (порядок слова, интонация), и интерпретационные, основным средством которых являются синтаксические трансформации [10: 648, 706]. Мы не рассматриваем отрицательные модели, временные модели, модальность и т.д. Для примера в целях экономии приведем таблицу лишь по одному 9 классу глаголов – “ЗАБОТЫ, ВОЛНЕНИЯ И ПЕЧАЛИ” (P_o – предикат отношения; P_c – предикат состояния; P_{o/c} – предикат отношения и состояния) (см. таблицу).

МОДЕЛИ					
Глагольные	Наречно-предикативные	Адъективные	Причастные	Субстантивные	Предложения с ППГ
1. печься Она с утра до вечера пеклась обо всем доме. (Ро)	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
2. кручиниться Он кручинился о матери и об отце. (Ро)	Нет	Нет	Нет	У него кручина. (He Pc)	Он в кручине. (Pc)
3. убиваться Хватит тебе убиваться по ней. Не стоит так убиваться. (Ро/с)	Нет	Нет	Нет	Нет	нет
4. думать Настя по ночам думала о Балашове. (Ро)	Нет	Нет	Нет	У него думы об отце. (Ро)	Он в думах об отце. (Ро)
5. горевать Ольховцы долго топтались вокруг пожарища и горевали. (Pc)	Мне горько\ горестно. Ох, горько мне. (Pc)		Нет	У него горе. (не Pc)	Он был в горе, в досаде, роптал на весь белый свет. Она была в страшном горе из-за смерти родителей. (Ро/с)

<p>6. скорбеть Я только скорблю душевно. Он жалел всех, скорбел о тяжелой мужичьей доле. (Ро/с)</p>	<p>Нет Р (скорбно - *Мне скорбно)</p>		<p>Нет</p>	<p>У него скорбь из-за смерти отца. (Ро)</p>	<p>Она в скорби из-за смерти отца. (Ро)</p>
<p>7. тосковать Она очень тоскует о Семене. Она тоскует, нигде не находит покоя. (Ро/с)</p>	<p>Все эти дни мне как-то смутно и тосливо. (Рс)</p>	<p>Он тосклив, как день ненастный. (Р характ.)</p>	<p>Нет</p>	<p>У нее тоска по дому. От классической музыки у меня тоска. У меня такая тоска. (Ро/с)</p>	<p>Он в тоске. Я в тоске из-за этой неудачи. (Ро/с)</p>
<p>8. скучать Они скучали друг без друга. Я так скучал в деревне. (Ро/с)</p>	<p>Мне скучно. Без вас мне скучно – я зеваю... (Ро/с)</p>	<p>Он скучен. (Р характ.)</p>	<p>Нет</p>	<p>У него такая скука. (не Рс)</p>	
<p>9. тужить Только вижу я, что клестята-то не тужат. Она не тужила из-за отсутствия денег. (Ро/с)</p>			<p>Нет</p>	<p>Нет</p>	<p>Нет</p>
<p>10. грустить Он хотел узнать, отчего она так загрустила. Он грустил из-за отсутствия шевелюры. (Ро/с)</p>	<p>Мне грустно. При вас мне грустно – я терплю. (Ро/с)</p>	<p>Он грустен сегодня. Лицо у Вавилы ежеминутно меняется: оно и грустно и нахмурено. (Р характ.)</p>	<p>Нет</p>	<p>У него в глазах глубокая грусть. У меня на душе грусть. (Рс)</p>	

11. заботить(ся) Он любил ее и заботился о ней. Не только красота парусника заботила хозяина. (Ро)	Нет Р (заботливо)	Он заботлив. (Р характ.)	Нет	У него забота о доме. (Ро)	Он в заботах о доме. (Ро)
12. волновать(ся) Игорь заволновался и покраснел. Друзья волновались за нее. Шум ветра волновал нас. Это происшествие взволновало всех. (Ро/с)	Нет Р (взволнованно)		Он взволнован. Дворяня была взволнована известием о помолвке барышни. (Ро/с)	У нее волнения из-за экзаменов. (Ро)	Он в волнении. Душа в волнении от предстоящей встречи. (Ро/с)
13. беспокоить(ся) Костя очень беспокоился о Лобзике. Ветлуга сильно обеспокоила всех ожидавших переправы. Она очень беспокоилась и не могла спокойно сидеть. (Ро/с)	Мне беспокойно. (Рс)	Он беспокоен. Беспокойный был к работе человек. (Р характ.)	Старик был чем-то обеспокоен. (Ро)	У него беспокойство. (не Рс)	Он в беспокойстве. (Рс)
14. тревожить(ся) Он тревожился за сына. Приезд сына встревожил его. (Ро)	Мне тревожно. (Рс)	Он тревожен. (Р характ.)	Он встревожен (этими словами). (Ро/с)	У него тревога за судьбу дочери. (Ро)	Он в тревоге за свою судьбу. Все в тревоге. (Ро/с)
15. печалить(ся) Мы очень опечалились. Это опечалило меня. (Ро/с)	Мне печально. (Рс)	Он тоже печален был и все уговаривал меня. (Р характ.)	Я опечален отсутствием писем. (Ро)	Как он думал на сцене, и какая печаль была у него! (Рс)	Что же это? Женщина молодая, здоровая, а в печали. (Рс)

Как видно из таблицы, не во всех случаях может быть образована полная парадигма из 6 членов, т.е. далеко не всегда возможны все 6 конструкций. Как уже говорилось выше, это обусловлено причинами лексического, словообразовательного и грамматического характера. Словообразовательные ограничения -- есть глаголы *печься*, *кручиниться*, но нет наречий и прилагательных с этими корнями. Следовательно, невозможны наречно-предикативные и адъективные конструкции. Лексические ограничения: глагол *убиваться* имеет значение “горевать”, и хотя есть однокоренные слова *убийство*, *убийственный*, *убийственно*, но в этом значении они не являются коррелятами данного глагола. В данном случае возможна лишь одна глагольная конструкция. Грамматические ограничения: так как у непереходных глаголов нет форм пассивных причастий, очевидно, не будет и причастной конструкции.

Необходимо отметить, что большинство эмоциональных предикатов может выступать и как Р отношения, и как Р состояния (см. табл.). Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук [17] отмечают, что эмоциональное состояние обычно не появляется “просто так”, а все же имеет какую-то причину, это можно выяснить не только непосредственно из предложения, но из контекста. И даже если у такого состояния нет явной причины, то в тексте чаще всего это будет отмечено: Мне *почему-то* стало грустно; или же это литературный прием для начала или развития повествования (см. рассказ А. Чехова: герой ехал в вагоне поезда. “Было грустно и в весеннем воздухе, и на потемневшем небе, и в вагоне”; далее следует рассказ, почему герою было грустно). Таким образом, эмоциональные предикаты представляются нам двумя сторонами одной медали, причина может указываться, а может не указываться, а подразумеваться. Мы разделяем эмоциональные предикаты состояния/отношения по формальному признаку: если в модели есть каузирующая группа при Р, то это Р отношения, если нет каузирующей группы, то это Р состояния. ЭС можно определить как состояние, вызванное некоторыми внешними или внутренними факторами, которые могут быть эксплицированы или имплицированы в конкретном предложении.

М.Л. Крючкова, классифицируя глаголы ЭС, включила и такие, которые передают действие. Например: *думать* (9 класс) в знач. “беспокоиться”, хотя этот глагол относится к психич. действию; глаголы 4 класса – *пресмыкаться*, *завнаваться*, *кичиться*, *чваниться*, *дрожать*, *лебезить*, *юлить* — тоже передают действие (‘вести себя как’), глаголы 6 класса – *сетовать*, *ронять*, *пенять*, *ругаться*, *ворчать* – передают действие (‘говорить как’), сюда же можно отнести и часть глаголов 5

класса – *улыбаться, потешаться, издеваться, хохотать, язвить* и некот. др. Если мы попробуем образовать 6 конструкций (по С.Н. Цейтлин), используя в качестве предикатов однокоренные глаголам существительные, наречия, прилагательные, то выяснится, что почти во всех случаях возможна лишь одна глагольная модель и невозможны модели с наречием, существительным и т.д. в роли предиката, хотя в лексической парадигме есть наречие, существительное *ворчливо, кичливо, язвительно, дрожь, ворчание, ропот*. Ср.: *мне *кичливо*”, *у него *ворчание*, *они в *ропоте*. Таким образом, транспозиционную парадигму конструкций, выражающих ЭС, будут образовывать прежде всего те предикаты, которые передают состояние или отношение, а не действие.

Следует отметить, что многие адъективные конструкции передают не эмоциональное состояние, а отношение характеристики: Она *очаровательна*, Он *был* сегодня необыкновенно *весел*, Он *улыбчив*, Он *уважителен* к старшим, Как ты *жалок*, Он *кичлив* не в меру, Он такой *трепетный*, Он *робок* с дамами, О себе скажу, что *не труслива*, Он *тосклив*, как день *ненастный*, Он *скучный* какой-то, Он тоже *печален был* и все меня уговаривал. В предложениях такого типа дается характеристика, признак субъекта. В субстантивных конструкциях предикаты также могут выражать не эмоциональное состояние/отношение, а отношение характеристики: У нее невероятное *очарование*, У советских собственная *гордость*. Предикаты в этих конструкциях могут иметь и другие значения: У них *смех*, Всегда у него *ругань* / в доме/, У нее всегда *улыбка* на лице.

Л и т е р а т у р а

- [1] Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- [2] Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- [3] Белошапкова В.А. и др. Современный русский язык. М., 1997.
- [4] Белошапкова В.А. Выступление на конгрессе МАПРЯЛ, 1993.
- [5] Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- [6] Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- [7] Величко А.В., Гуманова Ю.А., Чагина О.В. Простое предложение. Опыт семантического описания. М., МГУ, 1986.
- [8] Володина Г.И. Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного. М., МГУ, 1989.
- [9] Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
- [10] Всеволодова М.В. Номинативно-аккузативные структуры и их конверсивы в русском языке. // Филологические науки, 1976, № 6.
- [11] Всеволодова М.В. Неопубликованная работа.

- [12] *Гак В.Г.* К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации. // Психологические и психолингвистические проблемы овладения языком. М., 1969.
- [13] *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка, М., 1973.
- [14] *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- [15] *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка, М., 1988.
- [16] *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- [17] *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* К семантике русских причинных предлогов. // Московский лингвистический журнал, т.2, М., 1996, с.162-211.
- [18] *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в русском литературном языке. М., МГУ, 1986.
- [19] *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- [20] *Крючкова М.Л.* Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. М., 1979.
- [21] *Ломтев Т.П.* Принципы построения формулы предложения. // НДВШ, Филологические науки, 1969, №5.
- [22] *Ломтев Т.П.* Конституенты предложений с глаголами речи. // Члены предложений в языках разных типов, "Мещаниновские чтения", Л., 1972.
- [23] *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- [24] *Ломтев Т.П.* Структура предложений с глаголами эмоционального содержания. // Славянская филология, вып. 9, МГУ, 1973, с. 176-187.
- [25] *Москальская О.Д.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
- [26] *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972
- [27] *Русская грамматика.* 1980, т. 2.
- [28] *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых типов русского языка. // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- [29] *Семантические типы предикатов.* М., 1982.
- [30] *Цейтлин С.Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. // Синтаксис и стилистика. Под ред. Г.А. Золотовой. М., 1976.
- [31] *Цейтлин С.Н.* Система синтаксических синонимов. // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. М., 1979, с. 77-88.
- [32] *Чагина О.В.* Как сказать иначе: М., 1990.
- [33] *Шведова Н.Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
- [34] *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1988.

Феноменология эмоций: гнев

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев, 1999

Мировоззрение отражается в особенностях языка. Язык, соответственно, формирует мировоззрение. Два банальных тезиса.

Тезисы небанальные (с моей точки зрения). Человек характеризуется такими состояниями сознания, при/в которых он способен (о)познавать сущности, не видимые для разлагающего и объединяющего рассудка. Этим сущностям соответствуют особые состояния субъекта — когнитивные чувства. Но когнитивные чувства настолько не изучены, что их со-отношение с языком представляет совсем загадочную проблему.

Последователи Л. Витгенштейна, осознавшего зависимость языка от внеязыковой ситуации, расширили понятие контекста вплоть до включения в него индивидуального когнитивного состояния, учтя семантическую память индивида. Знание и переживание в разработках, ориентированных на ментальные состояния, полагаются как отдельные друг от друга самости, связанные причинно как детерминанта и следствие, вполне в духе классической когнитивной теории эмоций. Возьмем, например, концепцию интенциональности Дж. Серля. Он подразделяет интенциональность на два вида: интенциональные акты, действия и интенциональные состояния. Первые связаны с намерением сделать что-то. Вторые суть ментальные состояния, которые вовсе не побуждают человека что-то делать с объектом, на который они направлены. Таковы, например, страх, радость, любовь, **гнев** и др. Все они имеют конкретный повод — осознанную причину страха, радости, любви, **гнева**.

Знание объекта как опасного, приятного, обидного вызывает соответствующие эмоциональные состояния. Если же ментальные состояния беспричинны, то они, по Серлю, не будут интенциональными. Таким образом, здесь нет и речи ни о каком когнитивном чувстве, познающем сущности, не видимые для рассудка.

Не было идей о знающем чувстве на всей исторической глубине языкознания. Даже А.А. Потебня, так ясно и умно разделивший "язык чувства" и "язык мысли", сказал совсем о другом. В состоянии переживания слово отражает специфическое, чувственное в реальности. В языке мысли слово выражает только один, общий, признак, присущий всем предметам данного вида. Так, слово *стол*, — пишет Потебня, — значит

только "простланное" (корень стл — тот же, что и в глаголе *стлать*), оно может обозначать всякие столы, независимо от их конфигурации и содержания. Этимологическое значение общего признака А.А. Потебня назвал внутренней формой слова (в отличие от внешней — звуковой). Внутренняя форма представляет здесь объективную сторону слова. В языке же чувства внутренняя форма (ономатопозитических слов) есть чувство. Например, внутренней формой встречаемого в санскрите слова *indh* 'жечь', являющегося корнем терминов *язва*, *язвить*, *боль*, *болит*, служит чувство, сопровождающее восприятие жгущего огня и непосредственно отраженное в звуке *indh*. А.А. Потебня этимологически проследил дистинкцию языка мысли и языка чувства. Важно то, что в языке мысли слово показывает общее, объективное, иначе формально-абстрактное, внешнее. А в языке чувства — единичное, субъективное, т.е. конкретное внутреннее состояние индивидуума.

То же самое находим и с истории философии сознания. Дильтей, размышлявший над пониманием душевной жизни, правильно писал, что никакое мышление не может проникнуть в переживание, и в качестве метода понимания переживания он определил переживание же, т.е. сопереживание. Но ведь ни подстановка себя на место другого, ни подражание моторным реакциям не являются когнитивными процессами. А когнитивная эмпатия базируется на интеллектуальных процессах (сравнение, аналогия и т.п.), т.е. и тут нет речи о познающем чувстве — все это психологический, а не гносеологический уровень искания. То же самое можно сказать и об эстетических концепциях теории вчувствования (Фишер, Лотце, Липпе и др.).

Психологическая наука, как таковая, не видит гносеологического различия между чувством и эмоцией. Этика и эстетика, заимствуя достижение психологии, ограничили свое представление о чувствах как об эмоциях, ассоциированных в сложные структуры, возвышая их над последними социальностью происхождения и сохраняя за ними значение чисто эмоционального переживания. Неудивительно, что рационалистическое мировоззрение не полагает достоинств разума за самим чувством. И это делается совершенно искренне — ведь собственно эмоции генетически предшествуют развитому логическому мышлению в онтогенезе человека и в истории человечества.

Конструктивный анализ же существующих этических концепций приводит к выводу о том, что существует познавательное состояние в виде неассоционистского синтеза когнитивной и эмоциональной сторон. Идеи Дж. Мура, впервые определившего добро само по себе как мен-

тальное состояние в форме органической целостности, включающей элемент знания (узнавания) добра и элемент эмоциональности по этому поводу, получают дальнейшее развитие в выдвинутой в 80-е годы гипотезе о чувстве, представляющем синкретическое единство когнитивной и эмоциоподобной сторон [1].

Это странное, на первый взгляд, гносеологическое состояние описывается согласно известному принципу дополнительности. Различаются два вида знающего чувства: в русле отражательной гносеологии (созерцающее чувство) и "ощущающее" чувство. В качестве познаваемого им соответствует структурная целостность и системная целостность. Здесь нет дискурса ни в виде обычных умозаключений, ни в виде структур, организованных по типу фреймов и т.п. Этика и эстетика рационального познания поневоле ограничена собственным опытом — знанием того, что помещается целиком в дискурсе. Его опыт материалистичен в том смысле, что не захватывает из-за отсутствия когнитивного чувства душевные состояния. Лишь собственно эмоции, материальные по своему генезису, известны ему. Эта ограниченность познавательной способности вполне выразилась и в геометрической этике Спинозы, если смотреть в глубь веков, и в концепции морального выбора, морального решения, если глянуть на современность. Суть же в том, что рационалистическое мышление не способно оперировать чем-либо иным кроме того, в основе чего лежат материальные факторы — душа, дух для него непроницаемы.

В связи с этим встает вопрос о возможности дескриптивной эйдетики переживаний, разрабатываемых в феноменологической парадигме, начиная с работ Э. Гуссерля.

При феноменологической установке исследователь направляет свой взгляд на чистые переживания. Она есть наука в рамках лишь непосредственной интуиции, чисто дескриптивная наука о сущностях. Дело феноменологии в показательном виде предъявлять взору чистые события сознания, доводить их до полной ясности, упражняться в их анализе, в постижении из сущности в пределах такой ясности, преследовать доступные ясному усмотрению сущностные взаимосвязи, то, что было усмотрено, выражать в адекватных понятийных выражениях, смысл которых предписывается исключительно узренным, то есть тем, что вообще ясно усмотрено.

Феноменология не стремится быть чем-то иным, нежели учением о сущностях в пределах чистой ситуации. Феноменолог непосредственно узревает сущности и фиксирует свое созерцание понятийно, то есть

терминологически. Слова, которыми он пользуется, могут происходить из общего языка, они могут быть многозначны и неопределенны в своем переменчивом смысле. Однако, как только они, оказываясь выражением актуального, совпадают с данными интуиции, они приобретают определенный, *hic et nunc* актуальный и ясный смысл. Одни и те же слова и предложения получают однозначную соотнесенность с определенными интуитивно постижимыми сущностями, какие исполняют их смысл¹.

Сущностное в таком случае осознается не просто вообще стоящее перед взором как "само" оно и как "данность", но оно осознается как "само оно", данное во всей его чистоте — целиком и полностью, каково оно вообще само по себе, в самом себе.

Прояснение состоит в двух соединяющихся друг с другом процессах — в процессе перехода в наглядность и в процессе возрастания ясности всего уже ставшего наглядным.

Такой подход обладает тем преимуществом, что по своей сущности позволяет с абсолютной несомненностью отождествлять и различать, эксплицировать и сопрягать.

К особо важным чертам метода феноменологии относится восприятие, дающее саму доподлинность. И притом не просто как акт постижения в опыте, дающий основание для констатации наличного существования чего-либо, но как фундамент феноменологических сущностных констатаций. Восприятие при возможном соучастии рефлексии, возвратно направленной на него, предлагает также некоторые единичности для сущностного анализа, даже конкретнее — для анализа актов.

Так, **гнев** испаряется благодаря рефлексии и по содержанию своему быстро модифицируется. Он не всегда пребывает в той готовности, что восприятие, и его не породить по мере необходимости простыми экспериментальными средствами. Рефлексивно исследовать **гнев** в его до-

¹ В этой связи кажется целесообразным указать на изоморфизм положений, развиваемых в семантической парадигме (собственно в лингвистике): Р. Карнап считал, что "гнев", например, стоит вводить как теоретический конструкт, а не как случайно вторгшуюся переменную из языка наблюдения. Это значит, что предложение, содержащее подобный термин, не может быть ни переведено в предложение языка наблюдаемых, ни дедуктивно выведено из таких предложений, а в лучшем случае может быть выведено с большой вероятностью. В применении к предложениям мнения это значит, что предложение вроде — Джон считает, что земля круглая — должно интерпретироваться таким образом, чтобы оно могло быть выведено из соответствующего предложения, описывающего поведение Джона, в лучшем случае с некоторой вероятностью, но не с достоверностью, например из — Джон дает утвердительный ответ на "земля круглая", — как на предложение английского языка [2].

подлинности — значит изучать гнев, который тает и испаряется; правда, и это не лишено значения.

Феноменолог имеет дело с подвергшимися редукции переживаниями и относящимися к ним по мере сущности коррелятами. В сфере же доподлинности он располагает примерами суждений, предложений, чувств, волнений. Феноменология принадлежит к числу конкретно-эйдетических дисциплин. Ее объем составляют сущности переживания, тем самым не абстрактное, а конкретное.

Именно в ней становится возможным — в трактовке Э. Гуссерля — изучение опыта своего собственного "Я" и на его основе опыта других Я, а также опыта сообщества. Субъекту представляется так-то и так-то переживаемый — воспринимаемый — вспоминаемый — выражаемый в суждении — мыслимый — оцениваемый и пр. мир как таковой. Является не мир или часть его, но "смысл" мира. **Феноменологическое описание** имеет два направления: нозтическое, или описание акта переживания, и нозматическое, или описание того, что пережито. Подобное представление и описание может быть произведено над "жизнью" другого Я, которую мы можем себе представить, — пишет Э. Гуссерль. — "Редуктивный" метод может быть распространен из сферы своего собственного опыта на опыт других Я. И далее, общность, опыт которой нам *дает осознание общности, может быть редуцирован не только к интенциональным полям индивидуального сознания, но также посредством интерсубъективной редукции к тому, что их объединяет, а именно, феноменологическому единству жизни общности. Расширенное таким образом психологическое понятие внутреннего опыта достигает своей полноты.*

Э. Гуссерль полагает, что из жизни каждой изолированной сферы опыта на основе тех или иных порой малозначительных фактов психической жизни возможен выход к эйдетической сфере.

Любое замкнутое поле может быть рассмотрено в отношении его "сущности", его эйдоса, и мы можем пренебречь фактической стороной наших феноменов и использовать их только как "примеры". Всматриваясь в инвариантное и изучая вариации, открывается типическая сфера. Становится явной типическая особенность любого психического факта. Психологическая феноменология должна основываться на эйдетической феноменологии. Феноменологическая редукция открывает феномены действительно внутреннего опыта; эйдетическая редукция — сущностные формы сферы психического бытия.

Метод феноменологической редукции — по Э. Гуссерлю — со-

стоит в том, чтобы в аподиктическом усмотрении достичь чистых всеобщностей, без всякого полагания при этом фактов всеобщностей, соотносенных с бесконечным объемом свободно мыслимых возможностей как чисто возможных фактов, всеобщностей, аподиктически предписывающих этим последним норму мыслимости в качестве возможных фактов. Раз проявившись, такие чистые всеобщности, хотя они и возникли вне строго логического метода, суть чистые самопопнятности, в отношении которых возникновение явного абсурда всегда доказывает невозможность мыслить иначе.

Мы (напоминает Э. Гуссерль) исходим из фактического опыта, однако саму фактичность оставляем как иррелевантную вне игры, на соответствующем экземпляре мы осуществляем свободную вариацию в фантазии и образуем сознание свободной произвольности и горизонт произвольно образуемых таким образом вариантов. **Ни одно Я не мыслимо без Я-сознания, без восприятия, воспоминания, ожидания, мышления, оценивания, деятельности и т.д., как и без фантазирования, в котором всякое такого рода сознание превращается в “как если бы”.**

А потому, при известном пристрастии к парадоксам, Э. Гуссерль сформулирует идею того, что *фигция составляет жизненную стихию феноменологии, это — источник, из которого черпается познание “вечных истин”.* Постижение, выходящее за пределы наглядного данного, сплетает пустые постижения с действительно наглядным постижением, а тогда, как бы поднимаясь по ступеням ясности, все больше пустых представлений могут становиться наглядными и все больше наглядных представлений могут становиться пустыми. Прояснение состоит в таком случае в двух соединяющихся друг с другом процессах — в процессе перехода в наглядность и в процессе возрастания ясности всего уже ставшего наглядным. Упомянуть необходимо и о следующем: все, что дано нам, как правило, бывает окружено ореолом, — это ореол неопределенно определяемого, и он обладает своим способом приближаться к взору, раскрываясь и раскладываясь на ряды представлений, поначалу, скажем, еще в темноте, затем вновь в сфере данности, пока, наконец, интендируемое не вступит в ярко освещенный круг совершенной данности. Обратим внимание и еще на одно: вероятно, чрезмерным было бы утверждение, будто очевидное схватывание сущности всякий раз нуждается в полной ясности лежащих в основе деталей, в их конкретности .

Комментируя Э. Гуссерля, П.П. Блонский следующим образом про-

элементирует **феноменологическую эйдетическую дескрипцию**: словесное обозначение; психические переживания познающего, созначаемые этим обозначением; акт "мнения" какого-либо смысла; смысл; мнимый через этот смысл предмет познания; акт созерцательного осуществления смысла; осуществление смысла в созерцании посредством приведения его к очевидности при помощи иллюстрации [3].

Недаром Г. Гийом утверждал, что именно изучение языка приведет к познанию средств, которые позволяют мышлению "перехватывать" то, что в нем происходит, перехватывать самое себя.

Изучение языка приведет к познанию тех средств, которые мышление в течение веков изобретало для обеспечения почти мгновенного перехвата того, что в нем происходит [4].

Напомним в этой связи и идею Л.С. Выготского о системном строении сознания [5].

В содержательном аспекте возникает вопрос о том, можно ли рассматривать как номинацию выражение несубстанциональных элементов действительности: качеств, отношений, процессов, действий, событий, психических состояний, чувств и переживаний говорящего в момент речи и так далее. В логике по этому поводу ведутся споры. Г. Фреге различал, например, три типа имен: собственные имена (обозначения конкретных предметов), имена функций (отношений, качеств) и предложения, которые он считал именами истины и лжи. Такое понимание предложения соответствовало общей теории референции у Г. Фреге, который видел в ней прежде всего значение истинности. Но подобно тому как отдельное имя, которое может анализироваться со стороны референции, является при этом именем определенного предмета — существующего или мыслимого, — так и предложение не только выражает истину или ложь, но обозначает определенное событие, которое, следовательно, является именуемым в имени — предложении.

Все выделяемые человеческим сознанием несубстанциональные элементы действительности получают языковое обозначение. Причем, поскольку между отражением вещи, свойства и отношения в человеческом сознании непроходимых границ нет, свойства, качества, отношения, процессы могут опредмечиваться в сознании и получать обозначение именами существительными, как и предметы.

Остается вопрос о том, можно ли относить к номинации процесс обозначения психических состояний, эмоций, субъективных переживаний говорящего в момент речи, всего того, что обозначается термином 'модальность' в широком плане. Мы говорим об обозначении предметов

(качеств, действий), но о выражении понятий, мыслей, чувств. Таким образом, обозначается все материально осязаемое (или приравняемое к таковому), выражается относящееся к нематериальному миру чувств и мыслей. Однако, понятия и мысли суть отражение в человеческом сознании элементов экстралингвистического мира, и поэтому, выражая понятия и мысли, слова и предложения вместе с тем обозначают предметы и события, на которые направлены эти понятия и мысли. Что касается чувств и эмоций, то современные исследования в области психологии показывают огромную роль эмоций в познавательной деятельности человека и отражающей деятельности его сознания. Они в свою очередь поддаются осознанию, определению и классификации, могут иметь словесное обозначение и говорящий может обозначить свои переживания и оценки словесно или же с помощью междометий и интонации. Это дает основание считать, что и модально-эмоциональные явления также получают языковое обозначение.

Языковые структуры, в которых выражаются эмоции и оценки, достаточно подробно исследованы. В связи с этим особенно следует отметить книгу Е.М. Вольф и работы В.Г. Гака. В них дается тщательный анализ оценочных номинаций и структур высказывания, в которых присутствует оценка. Однако выражение эмоций и оценок играет важную роль в организации высказывания в целом, а также сверхфразового единства и текста. В связи с этим разрабатывались понятия эмоционально-оценочной рамки высказывания и ее формирование, формирование эмоционально-оценочных блоков в тексте, соотношение нейтральных и эмоциональных блоков в высказывании и в тексте.

В связи с этим принято разграничивать изображение (описание) эмоций vs. выражение их; учитывать изменения способности восприятия в зависимости от изменений условий (в т. ч. эмоциональных); учитывать функцию компенсации информационной недостаточности [6].

Нас же интересует нечто иное, именно, феноменологическая эйдетическая дескрипция когнитивно-эмоционального психо-соматического состояния человека; описание онтологии **гнева**, задающего прототипические модели (фреймы), которые определяют поведение человека — от стереотипного до выводящего в области измененного состояния сознания.

Эйдетика полагает, что субъективные модели мира и поведения в мире могут обретать характер объективированный; абстракции могут быть даны конкретно, наглядно и вполне самостоятельно. Психосоматика человека и есть это конкретное (определенное, овнешлённое),

наглядное (поведенческое) и самостоятельное (базовые эмоции)

Гнев как психо-соматическое состояние есть феномен включения собственного внутреннего состояния в комплекс взаимодействий человека с окружающим его миром.

Ориентация человека в своей когнитивной области, выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается человеком в результате ауторефлексии собственного состояния. Гнев как психо-соматический феномен интересен именно тем, что в культуре и в человеке подвергается ауторефлексии и не настолько патологичен, чтобы необратимым образом определять поведение (в отличие, например, от тоски, боли, оцепенения, умирания, ощущения себя предметностью и пр.).

Психо-соматическое состояние, определяемое как 'гнев', дает следующую палитру стереотипов:

- в поведении и физиологии: способность к разрушительным действиям
А что такое Багратионов гнев, знали все, — он вспыхивал, как молния, и гремел с бешеной силой мгновенно налетевшей грозы (Голобов. Багратион, гл. 2).
Нрав у нее тяжелый... Случалось, что в гневе и поленом саданет (Г. Марков. Сибирь).
- в подверженности психо-соматической патологии: ярко выраженная деструкция
Малюта видел, как дрожат руки царя, как помутился его взгляд. Приготовился к взрыву царского гнева (Костыл. Ив. Грозный, кн. II, ч. III, гл. 1).
Старик как будто задохнулся от негодования... Он жадно и гневно смотрел в смеющееся лицо писаря (Гл. Успенский. Оч. перех. времени).
- в эмоциях: гнев
Сашка [молодой рабочий-наборщик] возмущен, у него даже руки дрожат, а глаза гневно потемнели (М. Горький. Легкий чел.).
(р. обряд "гневить невесту").
- в сексуальном поведении, в отношении к детям: тенденция (потребность) к насилию (изнасилованию), отношение к сексу как средству наказания; жестокое обращение с детьми
Цидиппа угрожала ему своим гневом, если в ту минуту не придет он к ней Каритос (Карита 54).

И мой батюшка, мне ли сердиться, когда он <муж> гневается, мое дело убираться теперь далее (Фонвизин. Бригадир, 92).

Не веди ты на нас гнев за свою пенюшку. Веди ты гнев да на свою жену (Песня. Перм., Соболевский).

Не гневи же ты ребенка-то! Что у тебя за манер такой — все бы гневил, ведь ты не маленький! (Пошех. Яросл.).

- в контроле над окружающим миром: уничтожение вплоть до самоуничтожения

[Пимен]: Здесь видел я царя, Усталого от гневных дум и казней (Пушкин. Борис Годунов, Ночь, Келья в Чудовом мон.).

Тако слово ему за гнев пало, Он бросил ножищем-кинжалищем Во старого казака Илью Муромца (Былина. Повен. Олон., Гильфердинг).

- в действительной ценности для общества в сравнении с видимой ценностью: неискренность, обуза, способность на убийство, разрушение, даже если открыто заявляет о благих намерениях

[Царь]: Они меня злодеем называют, Мучителем. Я каюсь перед всеми: Я зол, гневлив! Да на кого я зол? Я зол на злых (А. Остр. Вас. Мел., д. I, явл. 9).

- в этическом уровне: аморализм, склонность к преступлению, бесчестность, разрушение этических норм

Этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек [Степан Михайлович] омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным в ту пору к жестоким, отвратительным поступкам (С. Аксаков. Сем. хр. I, 19).

- в отношении к правде: лживость

Ну, сделай же такую милость, не мешай, — убедительно говорил Обломов [Захару], открывая глаза. — Да, сделай вам милость, а после сами же будете гневаться, что не разбудил (Гончаров. Обломов, ч. I, гл.11).

Одна Венера лишь довольна тем была, что гнев на Душеньку неправдой навлекла (Богд. 15).

- в уровне смелости: безрассудная храбрость, обычно во вред себе

Как ни тяжело было сыну гневить преклонного отца, он стоял, однако, на своем (Григор. Рыбаки).

На дерзость таковую глядя Пришел в гневливый я задор (Оспв.

Енеида I, 114).

- в речи (говорение/слушание): разговоры о смерти, разрушении, ненависти
Я старика столетнего Звала клейменым, каторжным, гневна, грозна кричала я: — Уйди! убил ты Демушку! (Некрасов. Кому на Руси..., ч. II, гл. 4).
А как же мы? — вдруг вся переполняясь мстительным чувством, гневно спросила Уля (Фадеев. Молодая гвардия).
- в особенностях передачи сообщений (устных и письменных): искажение сообщения
[Один из купцов]: Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только (Гоголь. Ревизор, д. V, явл. 2).
[Они] впали в ужасную гневность, и после, раз за разом, еще сорок три бумаги на него написали (Лесков. Смех и горе).
- в уровне реальности (согласия): разрушение противоположной реальности; неприятие того (несогласие с тем), что реально для других людей
По большой, светлой комнате редакции "N-ской Газеты" нервно бежал взволнованный, гневный редактор и, тиская в руке свежий номер, отрывисто кричал и ругался (М. Горький. Озорник).
Старик услышал осторожный шепот, смех, поцелуи... Он узнал смех своей дочери Марины и закипел гневом (Мамин-Сибиряк. Из урал. старины).
- в способности справляться с ответственностью: восприятие ответственности с целью разрушения
[В письме] было прибавлено, что без сомнения Степан Михайлович не будет гневаться за нарушение его приказаний (С. Аксаков. Семейная хроника).
- в настойчивости достижения цели: настойчивость в достижении разрушительных целей, причем начинается с большой энергией, но быстро ослабевает
Ну и Пятачкову нечего бога гневить, сыт был, ведь он как курочка, так себе, по зернышку поклевывал да домик о пяти окошках и наклевал в три года с половиной (Печер. Именины Елп. Перф.).
- в буквальности понимания сказанного: буквальное понимание тревож-

ных замечаний, склонность к жестоким шуткам

Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. — Разве я разбойник? — говорил он гневно (Пушкин. Истор. Пуг., ч. I, гл. 8).

Э, чорт, говори яснее, чего тебе надобно? — вскричал, наконец, гневно Иван Федорович, со смирения переходя на грубость (Достоевский. Братья Карамазовы, кн. V, гл. 6).

- в методах обращения с людьми: использование угроз, наказаний и ложных сообщений об опасности (с целью господства)

Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после этого слезы-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев! (А. Островский. Не все коту..., сц. IV, явл. 3).

- в подверженности гипнозу: сильное сопротивление комментариям, но "впитывание" их

Насилу-то я кое-как успокоил его [Бахчеева]; кое-как, наконец, он смягчился; но долго еще не мог решиться переменить гнев на милость (Достоевский. Село Степанчиково..., ч. I, гл. 2).

- в способности испытывать удовольствие в настоящем времени: редкое состояние

Гневался на парикмахера своего, что опоздал прийти (Зап. Пор. 131).

- в ценности как члена (со)общества: обуза для других

Господин Альворти имел обыкновение ... не отпускать от себя ни одного служителя в жару своего гнева (Т. Ионес I, 279).

- в любви окружающих: отсутствие нескрываемой нелюбви у большинства

Ах! От господ подалей; У них беды себе на всякий час готовь, Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев и барская любовь (Грибоедов. Горе от ума, д. I, явл. 2).

- в понимании окружающими: постоянное непонимание

[Чацкий:] Нет! недоволен я Москвой... [Софья:] Скажите, что вас так гневит? [Чацкий:] В той комнате незначущая встреча (Грибоедов. Горе от ума, д. III, явл. 22).

Учитель гневался на непонятливый народ, принимался убеждать снова (М. Алексеев. Вишн. омут).

- в потенциале успеха: обычное состояние неудачи

Один маляр гневается на суждение знатока или любителя; истинный талант не страшится критики (Батюш. Прог. в Акад. Худ.).

Я столько нагрешил с этой моей гневливостью, что и не отмолить мне грехов моих (Писемский. Автобиогр.).

Сергей Андреевич просто за голову схватился: — Все идет дыбом...

Улыбнулся Черимов детской его гневливости (Мон. Скутаревский).

- в потенциале выживания: плохой

Ну, как жизнь, Игнат Константинович? — Какая уж тут жизнь! —

Не гневи бога (Жестев. Земли жив. душа).

Обобщая, можно констатировать, что когнитивно-эмоциональное психо-соматическое состояние человека, определяемое как “гнев”, даёт следующую палитру стереотипов, задающих в свою очередь прототипические модели, определяющие поведение человека:

склонен к разрушительным действиям и общему деструктивному типу поведения, имеет потребность в насилии и относится к сексу как средству наказания; жесток по отношению к детям; может уничтожить окружающий мир вплоть до самоуничтожения; неискренен; способен на убийство, но при этом будет говорить о своих благих намерениях; аморален, бесчестен, склонен к разрушению этических норм; лжив; безрас-судно храбр зачастую во вред себе; предпочитает разговоры о смерти, разрушении, ненависти; охотно искажает и переистолковывает инфор-мацию; неприятие иного мнения и несогласие с другими точками зре-ния; способен принимать ответственность только с целью реализовать свои негативные поступки; характеризуется быстрым ослаблением дея-тельностью энергии; склонен к буквальному пониманию и жестоким шуткам; стремится к господству за счёт проявления жестокости; сопроти-вляется воздействию на себя, но запоминает это; редко испытывает удовольствие; представляет собой обузу для окружающих; вызывает открытую неприязнь окружающих; испытывает постоянное непонима-ние со стороны окружающих; постоянно испытывает неудачи; характе-ризуется плохим потенциалом выживания.

Л и т е р а т у р а

[1] *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интел-лект: Сб. пер. с англ. и нем. / Сост. и вст. ст. *В.В. Петрова*. М., 1995. С.314-384; *Суровягин С.П., Худякова Г.П.* Тупики рационализованного мировоззрения //

Язык и социальное познание: Сб. ст. / Отв. ред. *В.В. Петров*. М., 1990. С. 152-166.

- [2] *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959. С. 331-332.
- [3] *Гуссерль Э.* Феноменология // Логос. № 1. 1991. С.14-16; *Гуссерль Э.* Амстердамские доклады // Логос. № 3. С.75-77; *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М., 1995. С.49-71; Антология феноменологической философии в России. Т. I. М., 1998. С.473.
- [4] *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С.54.
- [5] *Леонтьев А.А.* Язык, речь и речевая деятельность. М., 1969. С.207.
- [6] *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998. С.314; 645-659; *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.

4	торговля	14	5	9
5	обман	14	8	9
6	объявление	13	4	9
7	глупость	10	3	7
8	деньги	9	1	8
9	(слово в рифму)	7	2	5
10	представление	6	2	4
11	(конкретный товар)	6	2	4
12	красота	6	1	5
13	нужна	4	2	2
14	пауза	3	1	2
15	качество	1	0	1

Наибольшая встречаемость эхо-ответов

№	Эхо ответ	Всего	Мужчины	Женщины
1	надоела	10	6	4
2	телевизор	8	-	8
3	телевидение	6	3	3
4	обман	6	5	1
5	объявление	5	1	4
6	панама	4	1	3
7	деньги	4	-	4

Эти данные являются , по-видимому, фрагментом ассоциативно — вербальной сети, указывающей на структуру языковой способности человека на всех трех уровнях языковой личности: на грамматико-семантическому когнитивном и прагматическом.

Семантический

- информация
 - * *объявление*
 - * *представление*

Когнитивный

- источник информации
 - * *телевидение*
- сфера применения
 - * *торговля*
 - * *деньги*

Прагматический

- внешние качественные характеристики

* красота

* плохая

- эмоциональное восприятие

* надоела

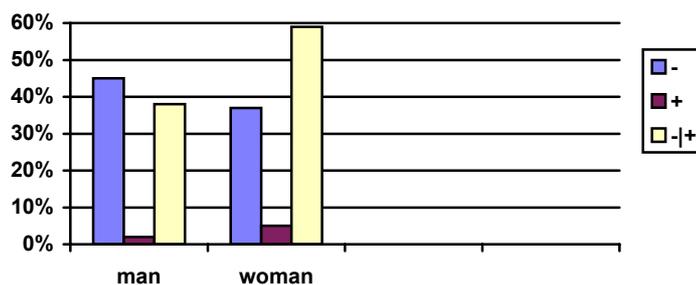
* глупость

- внутреннее содержание

* обман

Если эти ассоциации подразделить на группы с оценкой “+” и “-”, то можно получить такие подгруппы:

	М	Ж
-	23(46%)	37%
+	1(2%)	5%
-/+	19(38%)	54%

Рассмотрим эти реакции более подробно:

Торговля -14/ м-5, ж-9

(В группе тематической ассоциаций “Торговля” всего 14- реакций, 5 реакций от мужчин, 9 от женщин)

Цифры справа от реакций обозначают количество данных эхо ответов

- двигатель торговли — 5
- товар — 2
- рынок — 2
- потребитель -2
- продукция
- маркетинг

Обман — 14/ м-8, ж-6

- обман -6
- очковтирательство
- показуха
- неправда
- фикция
- красивое пустобрехство
- геноцид
- не ходовой товар
- лапша на уши

Красота -6/ м-1, ж-5

- красиво -2
- ярко
- громкая
- свет
- пестро

Глупость — 10/ м-3, ж-7

- глупость -3
- ерунда -2
- чушь
- белиберда
- идиотизм
- тупость -2

Плохая — 16/ м-4, ж-12

- отвращение -2
- кошмар -2
- раздражение/ раздражитель -3
- паршивая
- пошлость
- дрянь
- дурная
- ужас
- муть голубая
- испорченное настроение
- выбивает из равновесия
- плохая

Надоела — 17 м-8, ж-9

- *надоела / надоело смотреть -10*
- *назойливость — 2*
- *скучно*
- *усталость*
- *рак*
- *жевательная резинка*
- *настойчивость*

(слово в рифму) — 7 м-2, ж-5

- *панама -4*
- *мама -2*
- *рама*

Телевидение — 18 / м-3, ж-15

- *телевизор -8*
- *телевидение -6*
- *кино*
- *ОРТ*
- *телереклама*
- *заставка на ТВ*

Деньги — 9/ м-1, ж-8

- *деньги -5*
- *бизнес -2*
- *конкуренция -2*

Представление — 6/ м-2, ж-4

- *представление*
- *продюсер*
- *непрофессиональная*
- *драма*
- *смешно*
- *популярность*

Объявление — 13/ м-4, ж-9

- *объявление -5*
- *вывеска -2*

- информация -2
- показ
- что-то новое (яркое) -2
- новинка

Пауза -3/м-1, ж-2

- пауза -2
- перерыв — 1

Нужна — 4 /м-2,ж-2

- нужна
- нужное дело
- необходимость
- прогресс

(конкретный товар) — 6/ м-2, ж-4

- тампакс -2
- белый орел
- тик-так
- памперс
- always

Качество -1/ м-0,ж-1

- качество товара

Таким образом, женщины относятся к рекламе когнитивно-прагматически. Для них важен источник информации и ее сугубо внешние качественные характеристики. А мужчины — прагматически. Для них важны и ее внешние отрицательные характеристики и её и внутреннее содержание.

Результаты “Б” ассоциаций, объединенные в 12 групп:

№	Тематические ассоциация	всего реакций на данную тематику	⇒	Итоговая характеристика	+/-
1	Антиреклама	27	⇒	Реклама	
2	Молчание	16	⇒	Информация	+

3	Истина	13	⇒	Ложь	--
4	Тормоз	10	⇒	Деятельность	+
5	Информация	8	⇒	Умалчивание	-
6	Качество	7	⇒	Брак	-
7	Обман	7	⇒	Правда	+
8	Действительность	7	⇒	Нереальность	-
9	Критика	7	⇒	Восхваление	-
10	Разнообразиие	3	⇒	Однообразиие	-
11	Рынок	2	⇒	Отсутствие спроса	-
12	Затрудняюсь отве- тить	16			

Рассмотрим эти реакции более подробно

Антиреклама -27/ м-11, ж-16

(В группе тематической ассоциаций “Антиреклама” всего 27- реакций, 11 реакций от мужчин, 16 от женщин)

Цифры справа от реакций обозначают количество данных эхо ответов

+	Реклама	- Антиреклама -27 /м-11, ж-16
-	Ложь	Истина — 13/ м-5,ж-8 <i>-правда</i>
+	Информация	Молчание -16/ м-2, ж-3 <i>- молчание — 5</i> <i>-забвение -2</i> <i>- тишина -2</i> <i>- пустота -2</i> <i>- забытое старое</i> <i>- отсутствие информации</i> <i>- совершенно секретно</i> <i>- неизвестность</i> <i>- глухомань</i>
-	Умалчивание	Информация -8/ м-0, ж-8 <i>- объявление — 4</i> <i>- информация</i>

		<ul style="list-style-type: none"> - афиша - интервью - познание
+	Правда	<p>Обман — 7/ м-4, ж-3</p> <ul style="list-style-type: none"> - неправда -1 - обман -2 - блеф - дезинформация -2 - отсутствие информации
-	Нереальность	<p>Действительность — 7/ м-2, ж-5</p> <ul style="list-style-type: none"> - действительность -3 - талоны на продукты и промтовары - необходимость - нет денег - мозги
+	Восхваление	<p>Критика — 7/ м-2, ж-3</p> <ul style="list-style-type: none"> - критика -3 - рекламация -2 - брак - плохая работа
-	Брак	<p>Качество — 7/ м-1, ж-6</p> <ul style="list-style-type: none"> - качество -6 - скромность -1
-	Отсутствие спроса	<p>Рынок — 2/ м-0, ж-2</p> <ul style="list-style-type: none"> - спрос - продажа
+	Деятельность	<p>Тормоз -10 / м-3, ж-7</p> <ul style="list-style-type: none"> - бездействие -2 - пассивность -2 - бойкот - отсутствие бизнеса - тормоз

- застой
 - медлительность
 - пауза
- Однообразие **Разнообразие — 3 / м-1, ж-2**
- другая
 - радость
- Затрудняюсь ответить — 19/ м-11, ж -8**

Отсюда можно вывести характеристику рекламы, созданную по обратным ассоциациям реципиентов: (-), (+) , соответственно , отрицательная реакция и положительная

- (+) дающая информацию
- (-) лживая или частично умалчивающая или слишком восхваляющая
- (+) способствующая продвижению товара (часто плохого)
- (+) реальность дней

Задание 2

Данное задание явилось результатом частого повторения реципиентами во время пилотажного опроса слова “Обман” по отношению к рекламе. Респондентам были предложены два предложения , которые надо было закончить :

- 1) *Я думаю, что в рекламе говорят правду, потому что...*
- 2) *Я не думаю, что в рекламе говорят правду, потому что...*

Из 150 участников анкеты на данное задание ответили 91 испытуемых. Остальные 59 затруднились.

Первый вариант предложения получил 18 ответов . Это составляет 12% от всех участников анкеты. Среди полученных реакций на этот вопрос — 3 от мужчин (соответственно 6% и 15%)

- *убедился на опыте — 6 реакций*
- *говорить неправду безнравственно — 3*
- *стыдно обманывать -2*
- *лгать нехорошо — 2*
- *надо говорить правду*
- *нельзя всегда врать*
- *все равно неправду узнают*

- несут ответственность за ложь
- привыкли слышать правду по ТВ

Второй вариант выбрало большее число ответивших — 73 (48%), мужчины — 26 реакций (52 % от всего количества мужчин , участвующих в анкете). Женских реакций — 47 (47%). Ответы можно сгруппировать в следующие 5 групп:

Хорошее не рекламируют — 17, м-2, ж-15

- хороший товар в рекламе не нуждается — 10
- показывают то, что не пользуется спросом — 5
- хорошее не рекламируют так назойливо -2

Не похоже на правду — 6, м-2, ж-4

- мало похоже на правду
- нет правдивого сравнения с другими товарами, т.е. недостаточно информации

- все слишком идеально

- чушь — 2

- потому что это показуха

Обман — способ продажи -30/м-16, ж-14

- не обманешь — не продашь
- хотят продать -13
- лишь бы продать любыми средствами — 6
- невыгодно говорить правду -7
- это бизнес -2
- закон о рекламе не работает

Опыт — 14/ м-5, ж- 9

- убедился на практике -14

Обман — норма жизни — 6/ м-1, ж-5

- людям свойственно преувеличивать — 5
- незачем

Задание 3

Испытуемых просили ответить на вопрос: *”Что такое рекламный ролик?”*

От 150 участников анкетирования получено 141 реакция. От мужчин — 47, женщин — 94.

В целом, ответы носят положительный характер: + (положит.) 64%, -(отрицат.) 30%.

Все реакции можно разделить на две группы . В тех случаях, когда испытуемые давали определение значением оценки, то это определение

носит отрицательный характер. В тех случаях, когда реципиенты отвечали абстрактно, нейтрально при формулировке определения рекламного ролика, эта характеристика положительна.

1) **оценка**

- а) рекламного ролика вообще
- б) конкретной рекламы
- *Стильно, просто, понятно (+)*
- *Пустая трата времени и денег (-)*
- *Коротко, красиво и со вкусом (+)*
- *Надувательство (-)*
- *Сюрприз (+)*
- *Жалкая попытка сделать что-то интересное (-)*

Оценка со знаком (+) 27%

- *интересный*
- *искусство*
- *понятный*
- *красивый*

Оценка со знаком (-) 73%

- *глупый*
- *ненужный*
- *обманный*
- *непрофессиональный*

2) **определение (+) — 100%**

- а) телевизионного рекламного ролика

“Попытка производителя товара за очень короткий сжатый промежуток времени показать и доходчиво объяснить потребителям преимущества и достоинства своей продукции и убедить их в необходимости приобретения этого товара (хотя бы один раз)”

- б) рекламы вообще
- *показа лица производителя*
- *двигатель торговли*
- *пропаганда ненужных товаров*

Задание 4

Взяв за основу исследование Ч. Осгуда и его последователей, мы попытались проанализировать значение слова "Реклама" в соотношении с соответственными с ним лексемами.

Для анализа использовались следующие слова:

Реклама

Координата "Оценка", высчитывалась как среднее геометрическое:

$$\bar{X}_{\text{оценка}} = \frac{\bar{X}a + \bar{X}b + \bar{X}c}{3}$$

Таким образом, каждое из предложенных слов занимает свою точку в пространстве М (x,y,z), где:

X — оценка (хороший — плохой) M1 (X1, Y1, Z1)
 Y — активность (активный — пассивный) M2 (X2, Y2, Z2)
 Z — сила (сильный — слабый) M3 (X3, Y3, Z3)

Для определения расстояния между значениями / смыслами была использована такая формула:

$$\int (M_1, M_2) = |\overline{M_1} \overline{M_2}| = \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (y_2 - y_1)^2 + (z_2 - z_1)^2}$$

Расстояние между значениями слова "Реклама" и предложенными другими лексемами таково:

	оценка	активность	сила	расстояние
<i>реклама</i>	-0.4	1.3	0.5	
<i>Россия</i>	1.1	0.6	1.3	1,8
<i>заграница</i>	0.8	1.3	1.2	1,4
<i>рассказ</i>	1.2	0.9	0.6	1,7
<i>выставка</i>	1.4	0.7	0.8	1,5
<i>действительность</i>	0.2	0.6	0.7	1,0
<i>объявление</i>	0.8	0.8	0.3	1,2
<i>пауза</i>	-0.03	-0.8	-0.5	2,4
<i>призыв</i>	-0.2	1.7	1.2	0,9

Иными словами, увеличение дистанции происходит в таком порядке:

Таким образом, если рекламодатель стремится обратить на рекламируемый товар внимание телезрителей, то он неосознанно ослабляет интерес, поскольку "Пауза" маркирована как -0,03 по интересу, -0,8 по активности и — 0,5 по силе.

Конечно, можно возразить, что неосознанное восприятие наиболее эффективно. Но следует учитывать, что "рекламная пауза" сразу настраивает телезрителей на нечто, второстепенное, на нечто, во время которого можно поговорить или переключиться на другой канал.

Подводя итог, выведем портрет настоящей рекламы, созданный среднестатистическим российским потребителем :

Реклама чужеродна, но является естественным и неизбежным признаком сегодняшних перемен. Это прежде всего телевидение, фильм, но сделанный плохо и непрофессионально. Это торговля, а значит, обман. Это призыв, который порядком надоел своим частым повторением.

Реклама бывает интересным, красивым фильмом с сюжетом, особенно, когда не глупая и построена на российском культурном материале. К ней прислушиваются, когда она несёт правдивую информацию о товаре. Её смотрят как фильм, когда она новая и ее не показывают так

часто. К ней внимательны, когда она рассчитана на обычного массового российского покупателя.

Л и т е р а т у р а

1. *Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М.: Институт психологии РАН, 1993. 116 с.
2. *Gordon R. Foxall.* Consumer behaviour: a practical guide. Roulledge. New Felter Late, London 1988. 208 p.
3. *Аверьянов Л. Я.* Искусство задавать вопросы: заметки социолога. М.: Московский рабочий, 1987. 223 с.

Современная орфография приставок на <з> как результат закономерного развития языковой коммуникации

© кандидат филологических наук В. В. Каверина, 1999

Известно, что основным принципом русской орфографии на всех этапах ее развития был принцип фонематический. Представители МФШ полагают, что ведущей тенденцией в формировании русского письма была тенденция к более последовательному применению этого принципа¹, причем это “общее направление” было характерно как для “сознательного строительства”, так и для “процесса стихийного преобразования, когда практическое осуществление новшеств опережало теоретические рекомендации”². Становление орфографических норм проходило под влиянием различных факторов — как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Проследить, как осуществлялось это становление, каково было соотношение определявших его факторов на разных этапах развития русского письма, особенно интересно на материале префиксов с конечной <з>, составляющих один из самых нестабильных участков русской орфографической системы.

1. Древнерусский период

Специфика орфографии приставок на <з> с самого начала определялась их исконно безъеровым характером. В отличие от большинства префиксов, оканчивавшихся ером и имевших устойчивую орфографию, древнейшие написания приставок на <з> отражали произношение, сформировавшееся еще в дописьменную эпоху, когда имели место такие процессы, как нейтрализация по глухости-звонкости, в первую очередь на стыке безъеровых приставок и предлогов с консонантным началом следующей морфемы, мена свистящих перед шипящими, а также процессы, в современном языке отсутствующие: диэрза в группах согласных, в частности устранение одной из двух одинаковых фонем в случаях типа [besuda] (вм. [bessuda]), эпентеза фонемы [d] в позиции между [z] и

¹ Ильинская И.С. Сидоров В.Н. Современное русское правописание // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. XXII. Вып. 2. М., 1953. С. 6.

² Панов М.В. Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965, с. 19.

[r] или [r], фонемы [t] — между [s] и [r] или [r]: [rozdrušiti] вм. [rozrušiti] и под. Все эти позиционные изменения последовательно передавались на письме: **изѣсти**, но **испити**, **ицезноути**, **иждити**, а не **испити**, **ицезноути**, **ижити**; **бесоуда**, а не **бесоуда**; **роздроушити** или **раздроушити**, а не **родроушити**.

Однако уже в самых ранних памятниках отмечается тенденция к унификации орфографии исследуемых приставок: растет число случаев использования ера после з перед буквой следующего глухого согласного (**изъшьдѣ**, **безъчьствоуи** Архангельское евангелие, **изъчьтъ**, **безъчеловѣчьнок** Изборник 1073, **безътъѣлеснок** XIII Слов Григория Богослова, **исъпѣльнимъ** Ефремовская кормчая и др.), при этом позиционные изменения не передаются. Интересны случаи употребления приставок на <з> с конечным с перед гласными и звонкими согласными, такие как **бесоуменъ**, **исъвъѣствоуемъ** XIII Слов Григория Богослова, которые также можно интерпретировать как своеобразное проявление тенденции к единообразному написанию морфемы. По мнению Л.Л. Васильева, «формы с с... уступали место формам с з благодаря своей малочисленности»³.

В XIII-XIV вв. частотность написаний исследуемых префиксов с з перед буквами глухих и звонких щелевых согласных несколько возрастает, обычно при этом приставка кончается буквой редуцированного. Однако сохраняется большое число старых написаний, отражающих позиционные чередования в исходе префиксов на <з>. Например, в Мериле праведном находим: **изъчтены**, **изъженеть**, **изъшедѣ**, **изъстанеться**, **изътоциши**, **безъпакостьно**, **безъчаднѣ** и др., и вместе с тем — **ицѣливъ**, **бещисленѣ**, **беспомощенъ**, **бещестѣе**, **безаконье** и др. А в древнейшей части Новгородской I-й летописи XIII в. встречаются только написания второго типа: **ижгоша**, **бещислено** и др. Случаев непередачи ассимиляции в данной позиции не отмечено.

Кроме того, с XIII в. отражено появление долгих согласных на стыке приставок и предлогов с консонантным началом следующей морфемы, не характерное для эпохи открытого слога: **рассоудити** Триодь Моисея Киевлянина XII-XIII, **беззловьк** Кормчая ок. 1282, **рассоужаѣтъ**, **рассоужениа**, **ижъженеться** Рязанская кормчая 1284 и др. По мнению Б.И. Осипова, данные написания отражают переход от про-

³ *Васильев Л.Л.* О влиянии нейотированных гласных на предшествующий открытый слог // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XIII, кн. 3. СПб., 1908. С. 244.

изношения типа [besuda] к произношению [bessuda], а поэтому “здесь нет орфографического развития — здесь есть развитие языковое”⁴. Новые написания отмечены в передаче сочетаний [zɣ], [zɣ] — **възрастимь**, но сохраняются и традиционные — **разрѣшеніе** (Сборник ГПБ 0.1.59 XIV в.).

Таким образом, если в ранних памятниках случаи варьирования конечной согласной приставок на <з> ограничивались появлением (под влиянием аналогии с другими префиксами) конечного зъ вместо традиционных написаний, отражающих разного рода ассимилятивные процессы, то к XIV веку число колебаний в орфографии исследуемых префиксов возрастает. Отмечается рост фонематических написаний (**безсѣмени**, **безъсѣмни**), которые, однако, соседствуют с фонетическими (**бессѣмени**, **исцѣли**) и традиционными (**бесловесно**), а также компромиссными (**бесчислено**), где ассимиляция по месту образования и мягкости уже не передается, как было в более раннем написании **бещислено**, но ассимиляция по глухости передана.

Нетрудно заметить, что в орфографии согласных букв приставок в древнерусский период отражаются различные языковые факты. Некоторые написания передают результаты развития фонетической системы языка: *зр*, *ср* вм. *здр*, *стр* — прекращение эпентезы взрывных; написания типа *беззаконье*, *бессуда* — появление долгих согласных. Однако возникновение орфографических вариантов приставок на <з> с конечной редуцированной, не передающих позиционных изменений, произошедших еще в дописьменную эпоху (типа *безъчисла*, *изъцели*), и чрезвычайная стабильность орфографии других префиксов (<над>, <под>, <в>, <от>, <об>) в период, когда после исчезновения слабых редуцированных в исходе префиксов возникают условия для ассимиляции конечных согласных, — свидетельствуют о тенденции к единообразному написанию морфемы, то есть являются фактами сознательного орфографического нормирования.

⁴ *Осинов Б.И.* История русского письма: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1979. С. 180.
102

II. Среднерусский период

Орфография приставок на <з> в среднерусский период подчиняется закономерностям, выявленным нами на основании анализа текстов вестей-курантов XVII века⁵.

Перед буквами звонких согласных, сонорных и гласных на конце всех приставок данной группы пишется только з(s).

Перед буквами глухих написание приставок различается:

а) Приставка <без-> в данной позиции преимущественно употребляется с конечным з: **бе^зпрестанно**, **бе^зсты^ано**, **бе^зчестью**, хотя встречаются и традиционные написания: **бесперево^ано**, **бе^сстра^шно**, **бе^сче^стье**.

Отмечен лишь один случай наложения одноименных букв на стыке приставки и корня: **бесчастные** (*несчастные*).

Подобная устойчивость, вероятно, объясняется влиянием орфографии соотносительного предлога *без*, достаточно употребительного и отличающегося, как все предлоги, более стабильной по сравнению с приставками орфографией.

б) Префикс <воз-> в указанной позиции пишется обычно с конечной с: **воспомина^а**, **воспрингала**, **восхвала^т**, **вскаела^с**.

Когда приставка оказывается перед с корня, в словах с префиксом <воз> регулярно пишется одна буква с вместо двух: **воста^т**, **востова^е**. В ряде слов отмечено также наложение последней буквы з приставки <воз-> и одноименной буквы корня: **во^зрнть**, **во^зр^нье**.

в) Префикс <из-> чаще употребляется перед буквами глухих согласных с конечной с: **испо^ане^е**, **исправи^с**, **исцеле^ата**, **и^стари**; в отдельных текстах встречаются и написания данной приставки с конечной з: **и^зцеле^а**, **и^зпо^аненне**.

Для приставки <из-> не характерно наложение последней ее буквы и одноименной буквы корня, обычно пишутся обе буквы: **и^сстигла**, **и^зтари**. Однако в 4 словоупотреблениях с корнями *-сказ-* и *-смотр-* отмечены и другие написания: **ненсказанно**, **исмотрены** и др.

г) Наибольшей нестабильностью отличается орфография <роз->. Пишут как **ро^зкаты**, **ро^зпечата^т**, **ро^зс^тчь**, **ро^зходы**, так и **роскату**, **роспись**, **ро^сславили**, **ро^схожемъ**. При этом з оказывается предпочтительной только перед с корня, в остальных позициях преобладает написание приставки с конечной с.

⁵ Каверина В.В. Правописание приставок в текстах русской деловой письменности XVII века (на материале вестей-курантов) в контексте истории развития русской орфографической системы: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.

В отношении наложения одноименных букв на стыке приставки и корня анализ материала текстов вестей-курантов показывает, что различные орфографические варианты приставки <роз-> (с наложением и без) практически закреплены за определенными корнями: **роспросные**, **роспроси^т**, **роспрашива^н**, **ро^зпросилъ**, **но ро^зсѣдиги**, **ра^зсѣдо^н**, **ро^зсѣжа^т**, **ра^зсѣже^немъ**.

В печатном Уложении 1649 г. также наблюдается “переход звонких согласных в глухие... в приставках *без-*, *раз-*(*роз-*), *из-*, *вз-*, несколько реже в предложениях *без*, *из*”.⁶ Однако, по замечанию П. Я. Черных, “всегда сохраняется написание *з* в положении перед *с*”⁷. Такой же орфографией характеризуются и грамматики 1619 и 1648 гг.⁸

Подобные написания отмечают Е.Ф. Васеко в московских грамотах первой половины XVI в.⁹, М.А. Соколова в списке Домостроя XVI в.¹⁰, М.В. Суцева в великоустюжских памятниках деловой письменности первой половины XVII в.¹¹ По наблюдениям Т. И. Гаевской, в грамотах конца XVII — начала XVIII века на конце приставок на <з> “оглушение звонкого *з* перед глухими согласными наблюдается... довольно последовательно”¹².

Итак, в среднерусский период префиксы на <з>, как правило, пишутся в соответствии с традицией: перед буквами глухих согласных — с конечным *с*, в остальных случаях — *з*. Исключение составляет приставка <без->, в орфографии которой преобладает во всех позициях вариант с *з* на конце. Кроме того, выделяется позиция перед *с* корня, где большинство приставок оканчиваются буквой *з*. Вообще, правописание префиксов данной группы в исследуемый период отличается некоторой неустойчивостью. Причины этого, вероятно, в следующем.

⁶ Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953. С. 231.

⁷ Там же.

⁸ Курчева Ю.В. Основные вопросы русского правописания с XVIII в. Канд. дисс. М., 1941. С. 21.

⁹ Васеко Е.Ф. Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973. С. 177.

¹⁰ Соколова М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI века (на материале “Домостроя”). Л., 1957. С. 182.

¹¹ Суцева М.В. Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII века: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974. С. 86.

¹² Гаевская Т.И. Из наблюдений над орфографией рукописных грамот конца XVII — начала XVIII века, направленных на Урал // Пермский государственный педагогический институт. Ученые записки. Вып. 25. 1960. С. 91.

Орфография исконно безъерových приставок на <з> рассматриваемого периода является результатом многовекового процесса формирования правописного узуса под воздействием различных, нередко противоречивых тенденций. Сложившись в древнейших памятниках под влиянием произношения, оформившегося еще в дописьменную эпоху и отражавшего все ассимилятивные процессы живой речи, орфография префиксов на <з> постепенно начинает изменяться под воздействием тенденции к сохранению единообразия морфемы. Как было отмечено выше, к XIV веку появляется значительное число фонематических написаний, обеспечивающих это единообразие, что выражается, в первую очередь, в “восстановлении” конечных зь приставок перед буквами глухих согласных. Кроме того, появляются так называемые “компромиссные” написания типа *бесчислено*, где ассимиляция передана лишь частично, мотивированные скорее орфографической позицией перед глухой согласной, чем фонетически. В последующий период тенденции к фонематическому написанию приставок на <з>, проявляясь на отдельных участках орфографической системы, тем не менее не получает достаточного развития, и в результате преобладающими оказываются традиционные написания. Кроме того, такие написания оказывают влияние на приставку <с->, орфография которой начинает варьироваться в зависимости от последующей буквы в слове (*зборь*).

Неверно было бы видеть в устойчивости таких написаний лишь отражение фонетических процессов. Во-первых, подобное варьирование не свойственно приставкам на <д>, <об->, <от-> и <в->, хотя после утраты слабых редуцированных их конечные согласные также стали подвергаться ассимилятивным изменениям, и при объяснении этих явлений (вариативности конечных согласных) только действием фонетического принципа следовало бы ожидать и на письме последовательного оглушения этих согласных перед глухими, что имеет место в произношении, но не наблюдается на письме. Таким образом, налицо факт чисто орфографического нормирования.

Кроме того, доказательством орфографической природы вариативности конечных согласных приставок является распространение упомянутых “компромиссных” написаний, которые не только заменяют прежние фонетические (*бесчислено* вм. *бецислено*), но и утверждаются в новых условиях, в частности, в орфографии приставки <с-> (*сцетом* — *зжечь*). О предпочтительности “компромиссных” написаний по сравнению с прежними “фонетическими” свидетельствует и правило, сформулированное М. Смотрицким в “Грамматике” 1619 г. и оставшееся без

изменения в ее московском переиздании 1648 г. Данным правилом запрещается писать “*щ* вместо *сч*: *исчетныи*, а не *ищетныи*.”¹³

III. Национальный период

Как и в предыдущий период, орфография приставок на <з> в XVIII-XIX вв. неоднородна.

В “Ведомостях” эпохи Петра I наиболее устойчива, как и в памятниках XVII в., орфография приставки <без->, которая пишется во всех позициях преимущественно с конечной *з*, в том числе и перед глухими согласными: **безстрашноє, безплодно, безчастїа**. Приставки <воз-> и <из-> пишутся в данной позиции преимущественно через *с*, как и в вестях курантах: **воспрїемникъ, востревованїа, восхоцетъ, испробиты, истоцаетъ** и т.д. Наибольшей вариативностью отличается орфография <роз->, однако преобладает написание с конечной *с* перед глухими: **ропись, роходъ, распоролъ**. Исключение составляет позиция перед корневым *с*, где на конце приставки употребляется буква *з*: **разсѣваетса, разсуждаетъ, разставалася** и т.д. Возможно, большая стабильность орфографии префиксов <без->, <из-> по сравнению с <роз-> объясняется влиянием аналогии с соответствующими предложениями *без, из*. В ряде случаев отмечено “переосмысление основ” и возникновение в результате гиперкорректных написаний: **чрезвычайный, раззорено** и др. Отметим, что введение в 1710 г. Петром I гражданского алфавита не повлияло на описанный узус.

Приведенная система сохраняется и в “Санктпетербургских ведомостях”: перед буквами глухих приставки пишутся преимущественно с конечной *с*: *ропустить, востребуеть, исполненїе* — за исключением префикса <без->, который во всех позициях обычно оканчивается буквой *з*, а также за исключением положения перед *с* корня, где, как правило, пишется *з*: *разсужденїи, разстоянїи* и т.д. Случаев наложения одноименных букв практически нет.

Ситуация меняется в 1736 г., начиная с которого все приставки перед всеми глухими согласными начинают писаться через *с* в соответствии с древней традицией и современной орфографической нормой: *рассудить, беспокойствамъ, восстановленїю*. Возможно, подобная стабильность являлась заслугой С.С. Волчкова, который начиная с 1736

¹³ Мелетій Смотрицький. Граматика. Підготовка факсимільного видання В. В. Німчука. Київ, 1979. С. 2.2; Грамматика славянская. М., 1648. С. 58.

г. был переводчиком, а также “отправлял и ревизовал” ведомости¹⁴. Волчков так пишет о своих обязанностях в газете: “Ведомости и примечания сам дважды и трижды ревизую и типографии погрешности исправляю”¹⁵.

В конце 40-х годов опять появляются написания з перед глухими, однако крайне непоследовательные: *обезпокоивали, разсудила, возпоследованій, изчисленію* и т.д., но чаще здесь писали с: *беспокойствамь, воспослѣдуеть, исполненію, рассужденіи*. Интересно, что варианты с конечной з возникают в 1748 году, когда руководство газетой принял М.В. Ломоносов, вовсе не являвшийся сторонником таких написаний в положении перед глухими и отзывавшихся о них следующими словами: “странно и дико сие кажется”¹⁶. Ситуация не изменилась с уходом Ломоносова в 1751 г.¹⁷ В газету возвращается И. И. Тауберт, бывший ее редактором в 30-е и 40-е годы XVIII столетия, когда правописание приставок на <з> неоднократно подвергалось изменению. Таким образом, в 40-50-е годы XVIII в. в “Санктпетербургских ведомостях” орфография исследуемых префиксов перед глухими отличается крайней нестабильностью: на конце приставок пишется то с, то з, закономерностей мены конечных букв установить не удается. Аналогичную орфографию находим и во вновь созданных в 1756 г. “Московских ведомостях”, первым редактором которых был А.А. Барсов, автор грамматики и сторонник традиционного правописания приставок на <з>. Постепенно возрастает число написаний с конечной з префиксов, и к 1770 году в Санктпетербургских и Московских ведомостях они становятся предпочтительными: *возставить, производять, разпоряженія, безпокоиство, разходы* — даже в словах, где приставка выделяется лишь этимологически: *возточныхъ* и др. Исключение составляют словоупотребления *исправлять, исправно* и однокоренные, где регулярно пишется с, хотя встречаются и иные написания: *изправить* (2 раза). Такая орфография очень стабильно сохраняется в “Московских ведомостях” вплоть до 1817 года, когда внезапно правописание приставок на <з> перестраивается в русле нор-

¹⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725-1800. Т. IV. Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966.

¹⁵ Морозова Т.Ю. Некоторые проблемы источниковедческого изучения русской газетной периодики XVIII в. (Санктпетербургские и Московские ведомости): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. С. 84.

¹⁶ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.-Л., 1952. С. 435.

¹⁷ Сводный каталог русской книги...

мы, постепенно складывающейся в “Санктпетербургских ведомостях” лишь к 1830 году.

В “Санктпетербургских ведомостях” к началу XIX столетия фонематические написания префиксов на <з> опять начинают уступать место традиционным — растет количество вариантов приставок с конечными *с* перед буквами глухих согласных, возникает вариативность: *обезпечивается* — *обеспечивъ*, *изправно* — *исправности* (в пределах одного номера газеты). О нестабильности орфографии приставок на <з> в данной позиции свидетельствуют написания типа *разспоряженія*, совмещающие фонематический и традиционный принципы. В течение первой четверти XIX века прослеживается тенденция к закреплению *з* перед *с* корня: *разсмотрѣнія*, *возстаетъ*, *изслѣдованію* и др.; возрастает число написаний *без-* в положении перед всеми буквами глухих: *обезпечивать*, *безчисленныя*, *безсмертнаго* — и к концу 20-х годов данная закономерность практически не имеет исключений. Отмечается чрезвычайная устойчивость орфографии некоторых лексем, особенно часто употребляющихся в текстах газет, например, *произшествіе* пишется только с *из-*. Наконец, к 1830 году устанавливается очень стабильная норма, существовавшая до реформы 1917-1918 гг., закрепленная в самом авторитетном орфографическом руководстве конца XIX в. — “Русском правописании” Грота: через *з* пишется <без-> — всегда, а остальные приставки — только перед *с*; перед буквами глухих, кроме *с*, пишется *вос-*, *ис-*, *рос-*. Таким образом, реализуется тенденция, начало действия которой относится еще к первой половине XVII века, ко времени рукописных вестей-курантов.

Интересно, что грамматисты-нормализаторы, будучи редакторами ведомостей, не осуществляли на практике свои теоретические построения. Так, на орфографии “Санктпетербургских ведомостей” никак не отразилось ни участие в их издании Адодурова, сторонника фонетического письма (1732, 1734-1735 гг.), ни руководство Ломоносова в 1748-1751 гг. Первым редактором “Московских ведомостей”, издававшихся с 1756 г. под эгидой Московского университета, был университетский профессор А.А. Барсов, автор “Российской грамматики”. Однако идеи, высказанные в его грамматике, не отражаются на орфографии “Московских ведомостей”, отличавшейся в то время крайней нестабильностью. В “Санктпетербургских ведомостях”, являвшихся изданием Академии наук, не заметно стабилизирующего влияния академической грамматики, вышедшей в свет в 1802 г. и многократно переиздававшейся в течение первой четверти XIX в. Грамматика скорее фиксирует узкую

норму правописания приставок на <з>, сложившуюся еще в конце XVIII столетия в практике публикации газеты и уже начавшую к началу XIX в. постепенно разрушаться под действием древней традиции или каких-либо иных факторов.

Очевидно, что орфография ведомостей не являлась предметом пристального внимания высшего редакционного руководства, ориентированного больше на контроль содержательной стороны материалов. Об этом свидетельствует и анализ корректурных экземпляров газеты, где правка обычно касается содержания, а в области правописания чаще подвергаются исправлению имена собственные и географические названия, особенно иноязычные, вставляются пропущенные буквы, некоторые знаки препинания.

В рукописных памятниках XVIII в. написание исследуемых префиксов с конечной з перед глухими является нормативным, несмотря на принципиальную вариативность письменности того времени: *изправитца, безприбыльное, безславие, разсуждении, разхищение* и под.¹⁸ Такие же написания отмечены в записках княгини Н.Б. Долгорукой второй половины XVIII в.: *безпакоили, безсовестному, возставить, испужались, разположились, разсуждать* и др.¹⁹

А.С. Пушкин, по свидетельству В.А. Малаховского, “старался проводить в орфографии единый принцип написания слов с приставками <воз->, <раз->, <низ->, <из-> с сохранением з во всех случаях и перед звонкими, и перед глухими согласными”. Исследователь считает, что “в данном случае Пушкин применял морфологический принцип”, и приводит следующие написания: *разчет, розчет, до востребования, испугали, изкупленье, изтаила, произшествие, снизхождение, исключили, распечатывать, возкликает*; значительно реже Пушкин пишет: *проишествие, испрасить*²⁰. Малаховский отмечает, что “наряду с написаниями вроде *разстроивали*, Пушкин писал *разтались, разказала*, т.е. сливая два следующих рядом с” и комментирует данные написания: “Свое правильное произношение в данном случае Пушкин подчиняет своему орфографическому принципу, не считаясь с морфологическим

¹⁸ Волкова Н.А. Консонантизм московской речи XVIII в.: на материале памятников московской деловой письменности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984, с. 156.

¹⁹ Курчева Ю.В. Основные вопросы русского правописания с XVIII в. Канд. дисс. М., 1941, с. 137.

²⁰ Малаховский В.А. Произношение и орфография А.С. Пушкина // Русский язык в школе. 1937, № 2. С. 8.

составом слова”²¹. Заметим, что такие написания не были свойственны печатным текстам того времени.

Анализ грамматических сочинений, датируемых XVIII — первой половиной XIX в., выявляет следующее: большинство авторов рекомендует не отражать на письме позиционных изменений звуков и сохранять единообразие морфем; уступка традиции делается, как и ранее, в орфографии приставок на <з>. Такие рекомендации находим в грамматиках М.В. Ломоносова 1755 г., Н.Г. Курганова 1769 г., А.А. Барсова 1783-1788 гг. Причем некоторые грамматик (В. Светова 1773 г., Н.И. Греча 1834 г., А.Х. Востокова 1835, И. Давыдова 1849 г.), несколько отходя от древней традиции, рекомендуют писать *с* в исходе этих префиксов не перед всеми буквами глухих, а точнее перед всеми, кроме *с*. Следует отметить, что позиция перед *с* корня была особой уже в узуальной норме начала XVII в.: здесь конечная *з* приставок наблюдалась в данной позиции значительно чаще, чем перед другими глухими согласными. Такое же положение сохраняется и в XVIII-XIX вв. Достаточно сказать, что даже авторы грамматик, не выделяющие эту позицию как особую и предлагающие писать *с* перед всеми буквами глухих (например, Ломоносов и Барсов), в своих сочинениях допускают вариативные написания приставок на <з> именно в указанной позиции (*разсуждение* — *рассу- ждение*). Отдельные авторы (А.Х. Востоков, И. Давыдов), кроме позиции перед *с*, выделяют также положение перед *ц*, *ч*, *ш*, *щ* (а Н.И. Греч — только перед *ц*), в котором приставки на <з> также “удерживают” конечную *з*. Последнее правило, впрочем, не получило отражения в письменной практике того времени.

Подобным исключением из правила, основывающегося на древней традиции, оказывается и орфография приставки <без->, которая, как показывает материал ведомостей, закрепляется к концу первой четверти XIX в. с написанием *без-* во всех позициях. Несколько позднее данную закономерность отражают грамматические сочинения — Н.И. Греча 1834 г., А.Х. Востокова 1835 г., И. Давыдова 1849 г.

В некоторых грамматиках первой половины XIX в. (Российская грамматика Академии наук 1802 г. и более поздние издания — до 1819, грамматика И. Орнатовского 1810) делается попытка более последовательно провести фонематический принцип и исключить вариативность орфографии приставок на <з>. В “Российском правописании с примечаниями из лучших сочинений” 1815 г. М. Снегирев пишет, что все при-

²¹ Там же.

ставки на <з> оканчиваются буквой з, независимо от последующей буквы, однако исключения составляют случаи, “где последующее за ним речение не имеет никакого значения, напр. *воскресение*”²². То же правило находим у В. Княжева в “Российской грамматике” 1834 г. Интересно, что уже в переиздании грамматики М. Смотрицкого, сделанном Ф. Поликарповым в 1721 году, в отличие от оригинала, не отмечается варьирование з-с в исходе приставок на <з>: во всех позициях пишется через з, в том числе и перед буквами глухих согласных. Однако правило орфографии данных приставок ни Смотрицкий, ни Поликарпов не формулируют.

Предложение о переводе русского письма на фонетическую основу, затрагивающее и орфографию приставок на <з>, находим в работах В.Е. Адодурова, В.К. Третьяковского, В.Н. Татищева. Однако это предложение не получило поддержки ни в грамматических сочинениях, ни в практике письма.

Таким образом, подавляющее большинство грамматик XVIII — первой половины XIX вв. в основном ориентируется на фонематический принцип орфографии, сохраняющий единообразие морфем. Но единую норму правописания приставок на <з> установить на основании данных сочинений не удается.

Анализ материала ведомостей подтверждает, что “во второй половине XIX столетия установилось написание с буквой с перед глухими согласными, кроме с, четырех приставок: *вос-, ис-, нис-, рас-*... и единообразная передача *без-* и *чрез-* всегда с з”²³. Такие написания и были утверждены в грамматических сочинениях Я.К. Грота 1876 и 1885 гг. Грот был сторонником единообразного написания всех этих приставок, он считал, что “лучше было бы установить, чтобы все предлоги без изъятия всегда писались по этимологии”, однако сомневался в возможности “изменить давно укоренившийся обычай”²⁴.

Дальнейшее упорядочение орфографии приставок на <з>, приведшее к современному их правописанию, произошло в результате реформы 1917-1918 гг. Но вместо того, чтобы установить единообразную передачу этих приставок всегда с буквой з, было утверждено распро-

²² Российское правописание с примечаниями из лучших сочинений. М., 1815 г., С. 27.

²³ Бужчина Б.З. Приставки, оканчивающиеся на согласные // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965. С. 231.

²⁴ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Филологические разыскания. Т. 2. СПб., 1876. С. 260.

странить мену *з* на *с* на все приставки перед всеми глухими согласными, включая *с*. Безусловно упростив нашу орфографию, эта реформа, однако, была проведена недостаточно последовательно, в результате чего русское письмо сохранило ряд нефонематических орфограмм, к каким относится и правило о приставках на <з>. Проект Орфографической комиссии 1929-1930 гг. по окончательному упорядочению русской орфографии и приведению ее в полное соответствие с фонематическим принципом не был одобрен, русское письмо так и не стало до конца фонемным.

Таким образом, тенденция к установлению фонематического написания приставок на <з>, которая действовала на протяжении всей истории русского письма, проявляясь то в большей, то в меньшей степени в орфографической практике, все-таки не получила достаточного развития в трудах нормализаторов письма и уступила древней правописной традиции.

Очевидно, что орфография префиксов на <з> в национальный период отражает действие разнонаправленных тенденций, возникших в русском письме на более ранних этапах его развития. В течение XVIII — начала XIX вв. очень сильно стремление к фонематическому написанию приставок на <з>. На рубеже столетий такие написания даже становятся нормативными не только в печатных, но и в рукописных памятниках. Однако в грамматических сочинениях того времени данная норма не получает должного закрепления и развития. Исключение составляет приставка <без->, в орфографии которой закрепляется во всех позициях вариант *с* *з* на конце. Кроме того, выделяется положение перед *с* корня, где приставки оканчиваются буквой *з*. Заметим, что именно в этих случаях наблюдались наиболее частые, даже претендующие на нормативность, отступления от этимологической орфографии приставок на <з> в вестях-курантах XVII в. Интересно, что грамматики в исследуемый период скорее фиксируют узувальную норму правописания приставок на <з>, складывающуюся в практике письма, чем служат руководством по орфографии печатных или рукописных текстов. Так, норма орфографии приставок на <з>, предполагавшая употребление конечной *с* перед глухими согласными, кроме *с*, во всех префиксах, кроме <без-> и <чрез->, закрепленная в “Русском правописании” Я.К. Грота 1885 г., сложилась в русской письменности уже к середине XIX в.

Приведенные факты позволяют отграничить понятие *объективной нормы* как явления внутриязыкового от явлений, связанных с кодификацией, то есть в определенном смысле внешних по отношению к языку. В

отличие от нормы, кодификация является результатом научного познания закономерностей проявления нормы на определенном этапе развития языка, причем кодификация норм, то есть их сознательный отбор и закрепление, является специфическим признаком национального литературного языка²⁵. Говоря об орфографической норме XVII в., мы имеем в виду не правила, кодифицированные грамматическими сочинениями, а “общественно осознанный и узаконенный практикой отбор языковых средств”²⁶, то есть так называемый *орфографический узус*, или *узуюальную норму*. Результаты нашего исследования позволяют определить как узуюальную также орфографическую норму XVIII и даже XIX века, по крайней мере в отношении правописания приставок на <з>. Анализ печатных и рукописных текстов различного характера и рекомендаций современных им грамматических сочинений показывает, что главная причина устойчивости орфографических норм состоит не в распространении грамматик, а в том, что основной принцип нового русского правописания к концу XVII в. был уже практически реализован в достаточно большом количестве текстов, осознаваемых как образцовые. Нормализаторская же деятельность «отстает» от узуса, лишь фиксируя то, что уже сложилось в практике письма. Единство орфографии достигает весьма высокого уровня лишь к началу XX в. (как указывает Е.П. Щенников, “правописание “по Гроту” окончательно утвердилось примерно к 1910-1915 гг.”)²⁷.

Литература

- Ильинская И.С. Сидоров В.Н.* Современное русское правописание // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. XXII. Вып. 2. М., 1953.
- Васильев Л.Л.* О влиянии нейотированных гласных на предшествующий открытый слог // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XIII, кн. 3. СПб., 1908.
- Осипов Б.И.* История русского письма: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1979.
- Каверина В.В.* Правописание приставок в текстах русской деловой письменности XVII века (на материале вестей-курантов) в контексте истории развития русской орфографической системы: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
- Курчева Ю.В.* Основные вопросы русского правописания с XVIII в.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1941.

²⁵ *Havráněk V.* Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963. S. 85-86.

²⁶ *Русановский В.М.* Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка // Вопросы языкознания. 1970, № 4. С. 54.

²⁷ *Щенников Е.П.* Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания: Автореф. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1956. С. 13.

- Васеко Е.Ф.* Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Соколова М.А.* Очерки по языку деловых памятников XVI века (на материале “Домостроя”). Л., 1957.
- Сущева М.В.* Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII века: Дисс. ... канд. филол. наук., М., 1974.
- Гаевская Т.И.* Из наблюдений над орфографией рукописных грамот конца XVII — начала XVIII века, направленных на Урал // Пермский государственный педагогический институт. Ученые записки. Вып. 25. 1960.
- Мелетій Смотрицький.* Граматика. Підготовка факсимального видання В.В. Німчука. Київ, 1979, с. 2.2; Грамматика славянская. М., 1648.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725-1800. Т. IV. Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966.
- Морозова Т.Ю.* Некоторые проблемы источниковедческого изучения русской газетной периодики XVIII в. (Санктпетербургские и Московские ведомости): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика // *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 7. М.-Л., 1952.
- Волкова Н.А.* Консонантизм московской речи XVIII в.: на материале памятников московской деловой письменности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Малаховский В.А.* Произношение и орфография А.С. Пушкина // РЯШ. 1937, № 2. Российское правописание с примечаниями из лучших сочинений. М., 1815 г.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965.
- Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Филологические разыскания. Т. 2. СПб., 1876.
- Havránek V.* Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
- Русановский В.М.* Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка // Вопросы языкознания. 1970, № 4.
- Щенников Е.П.* Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания: Автореф. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1956.

Общерусское слово в диалектной системе
Из наблюдений над лексикой говора
д. Тырпасовской Вилегодского района Архангельской области

© кандидат филологических наук Н. Г. Ильинская, 1999

Работа по сбору диалектного материала для Архангельского областного словаря (АОС) была начата в 1956 году и продолжается до настоящего времени. Результатом диалектологических экспедиций стала четырехмиллионная картотека АОС, его 10 выпусков (буквы А – Д), многочисленные научные публикации и диссертационные работы. Диалектные системы Вилегодского района исследовались в 1964, 1965, 1969, 1970, 1983, 1985, 1991, 1995–1998 годах. В феврале 1999 года состоялась диалектологическая экспедиция в д. Тырпасовскую. Некоторые наблюдения, связанные с особенностями указанной частной диалектной системы (ЧДС) представлены в данной статье. В ней мы остановимся на общерусском глаголе *ходить* и характере отношений и принципах построения одной из лексико-семантических групп (ЛСГ) “Названия выпечных изделий”.

Глагол *ходить* является самым употребительным из числа тех глаголов, которые традиционно относят к глаголам движения — перемещения. П.С. Кузнецов называет их линейными или моторно-кратными. Р.И. Аванесов говорит о глаголах определенного и неопределенного движения, А.В. Исаченко делит их на однонаправленные и ненаправленные. “Грамматика русского языка” различает глаголы со значением определенно-несовершенного вида и глаголы неопределенно-совершенного вида [1: 4]. Ю.Д. Апресян отмечает, что “... глаголы перемещения в русском языке делятся на две приблизительно равные по объему группы — так называемые моторно-некратные (детерминативные) и моторно-кратные (индетерминативные) глаголы. Ср.: *идти* — *ходить*, *бежать* — *бегать*, *лететь* — *летать* [2: 72]. Вслед за Ю.Д. Апресяном мы будем считать глагол *ходить* моторно-кратным. Какова семантика этого глагола в говоре д. Тырпасовской?

Общими, одинаковыми значениями для ЧДС и литературного языка являются следующие (толкования даются по “Словарю русского языка” в 4 томах. М., АН СССР, 1961):

- 1) Обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги:
Лётось худо ходила.
А фсё допослёду на ногах ходила.
- 2) Двигаться по определенному маршруту, в определенное время; ехать, плыть (о средствах передвижения):
Денной ходил афтобус.
По рекэ котóры ходят, парохóды штó ли.
- 3) Передвигаться, перемещаться в пространстве:
Третьево дня ходили в магазин; ничё нёт.
Ходила на клевер, дышала утрами.
- 4) Распространяться (об эпидемических заболеваниях):
Грип тяжóлой ходит на городáх.
У нас простуда не ходит.

Собственно диалектными значениями являются:

- 1) Появляться, рождаться:
Лучше бы не ходила на свет.
- 2) Приходить, доставляться (о корреспонденции):
Райóнна газётка ходит два раза в неделю.
- 3) Танцевать:
Ф прázьники восьмёркой ходили, пляшут.
Переплясывают, пляшíte, кадрёл ходíte.
- 4) Наниматься на работу, работать по найму:
По казакáм ходили, наёмные робóтники, по наймам.
По нянькам ходила, там и жылá.
- 5) Учиться, посещать учебное заведение:
Ф пёрвом клáсе ходит.
Цетýре náдо býло ходить (класса), а он фсё с нами.
- 6) Работать на сплаве.
Я с хвостóм-то скóлько рас ходила, лés-то плáвили, ево náдо штóбы на берегý не остáлся.
- 7) Делать домашние дела, работать по хозяйству:
Бабушка у печí ráно не стáла ходить.
- 8) Выходить замуж:
Ты тóлько за пьяницу не ходи.
- 9) Ловить рыбу, охотиться.
Там окуне́и мы ходили.
На лиси́цу ходил зимóй.

Своеобразие семантической структуры лексемы *ходить* в указанной диалектной системе позволяет согласиться с утверждением О.В. Загоровской о том, что “совпадение семантики диалектных и литературных слов, входящих в общерусский лексический фонд, в любом случае не может быть полным, так как в лексических значениях названных словесных единиц с необходимостью отражаются особенности различных лексико-семантических систем” [3: 173].

В.Л. Ибрагимова, изучая семантическое поле глаголов движения в современном русском языке, их синтагматические особенности, отмечает 3 степени зависимости приглагольных позиций: обязательность, факкультативность и избыточность. “Степень обязательности того или иного актанта на уровне формальной грамматики прямо зависит от степени конкретности имеющегося в значении глагола семантического признака, на который данный актант ориентирован” [4: 10]. С явлением избыточности столкнулись и мы:

Она́ на но́гах хоро́шо ходи́т.

Нога́ми не могу́ ходи́ть.

Фсе́ ходи́ли на но́гах, фсе́ робба́ли.

Здесь в словоформах *на ногах*, *ногами* повторяется конкретная тема, отраженная в одном из значений глагола *ходить* (ходить — ‘двигаться с помощью ног’). “От избыточности язык стремится избавиться, но в то же время он терпит ее, т.к. избыточность повышает надежность функционирования любой системы, в том числе и языка” [4: 11].

Обращают на себя внимание валентные связи глагола *ходить*. По своей лексической сущности он распространяется в основном за счет обстоятельственных уточнителей.

В сочет. с Вин. падежом (*во что*) возникает конструкция со значением направленности движения внутрь пространства (*Третьево днѣ ходи́ли в магази́н, ничѣ не́т*), но может передаваться и значение направления движения на предмет (*Фпрохот ходи́т на телефо́н, звонит де́тям. Дба́ма оста́лась, на своѣ сенокосы ходи́ть*).

В сочет. с Род. падежом (*из, с чего*) имеем конструкцию со значением исходного пункта движения (*С ме́ста не ходи́л. Из избы́ не ходи́л*).

С Дат. падежом формируются конструкции со значением направленности движения к лицу или предмету (*Хожу́ к ним в обни́мку. Мы дружи́ли с ним, он к на́м и ходи́л*).

Сочетаясь с Твор. падежом (*с кем*), глагол *ходить* создает конструкции со значением совместности движения (*Со стару́хима ходи́т*).

С Предл. падежом — конструкции со значением средства передвижения (*Брат ходил на пароходе. На конях ходят*).

Глагол *ходить* используется в системе говора как с приставками (*у, при, под, за* и др.), так и без них. Довольно часто, употребляясь без приставки, он передает значение, выражаемое обычно приставочной лексемой.

Ходи́ (= уходи), коль не хочеш слúшать ма́терь.

А потóм, в метрó, не схвати́ла за перу́ла, заде́ргивает но́гу, я — за ба́тку, а она́: “Бли́ско не ходи́” (= не подходи).

Хóдит, хóдит, а в ызбу́ не хóдит (= не входит).

Ходи́те (= приходите), он вам нароска́зывает.

Она́ неда́вно вот ходи́ла (= проходила) — о женщине, которая только что прошла мимо.

Р.И. Сирота утверждает, что “все бесприставочные глаголы движения являются непереходными глаголами; грамматически их характеризует отсутствие связи с винительным объекта, но они могут присоединять винительный меры времени и меры пространства” [5: 10]. В системе говора д. Тырпасовской глагол *ходить* может быть как непереходным, так и переходным:

Польку ходи́ли. Дава́й ходи́ть восьме́ру. Кадрéль ходи́ли (‘танцевать’).

Мы рýбу ходи́ли (‘ловить’).

Переходность этого глагола убедительно подтверждают и контексты, записанные в других ЧДС Архангельской языковой территории.

Пляшем, и́гры хóдим. Мезенский р-н, д. Лампожня.

Сейчя́с о Петро́ве дни́ будут каровóды ходи́ть на горы́. Мезенский р-н, д. Ручьи.

Куну́ц она́ ходи́ла, бе́лок хватáла (о собаке). *А мы хóдим* (используем) *вещóрицно молоко́, Вещером до́ено.* Лешуконский р-н, д. Усть Кыма.

Я стру́цки садýла, душмяно́цьки (цветы) *ходи́ла.* Лешуконский р-н, д. Кеба.

Глагол *ходить* в системе говора д. Тырпасовской представляет довольно сложное и интересное языковое явление. Особенно перспективным, на наш взгляд, является предстоящее исследователям изучение проблемы его сочетаемостных свойств.

Лексико-семантическую группу (ЛСГ) “Названия выпечных изделий” в системе говора д. Тырпасовской возглавляет слово с родовым значением — *стряпня́*, наиболее общее, широкое по объему, семантически не маркированное.

Разно печёш — больша́ стряпня́.

Выпечные изделия делятся на две четко противопоставляемые носителями говора группы: **1.** “хлеб” — жизненно важные выпечные изделия, без которых трудно прожить человеку, и **2.** разного рода изделия типа пирогов, ватрушек, лепешек и т.п., не играющие решающей роли в пищевом рационе человека, без которых он вполне может обходиться в процессе своей жизнедеятельности, — “не хлеб”. В ЛСГ можно выделить несколько родо-видовых групп (РВГ): “Названия видов хлеба”, “Названия пирогов”, “Названия ватрушек”, “Названия лепешек”, “Названия витых изделий”. “Хлеб” представлен одной РВГ, “не хлеб” — четырьмя остальными. Структура ЛСГ носит трехступенчатый характер.

	стряпня́				
	“хлеб”	“не хлеб”			
I	<i>хлеб</i>	<i>стряпня́ = вѣтечка</i>			
II	РВГ “Названия видов хлеба”	РВГ “Названия пирогов”	РВГ “Названия ватрушек”	РВГ “Названия лепешек”	РВГ “Названия витых изделий”

Эти четыре РВГ, представляющие “не хлеб”, противопоставлены друг другу по неодинаковым дифференциальным признакам (ДП).

РВГ “Названия ватрушек” и “Названия пирогов (закрытой формы)” противопоставлены по ДП “форма”. По этому же признаку РВГ “Названия витых изделий” противопоставлена всем остальным РВГ.

РВГ “Названия пирогов (открытой формы) противопоставлена РВГ “Названия ватрушек” по ДП ‘размер’. РВГ “Названия пирогов”, “Названия лепешек” и “Названия витых изделий” — по ДП ‘наличие начинки’.

Ряд РВГ допускает членение на микрогруппы, характеризующиеся также родо-видовыми отношениями. Их образуют, в основном, наименования изделий с ягодной начинкой и начинкой из крупы. В качестве особенности структуры родо-видовых отношений в микрогруппах и РВГ следует отметить их ступенчатый характер: все названные группы связаны между собой через родовые слова, а те, в свою очередь, в структурах более высокого яруса (в ЛСГ) могут выступать как видовые.

РВГ “Названия видов хлеба” представлена следующими названиями:

- хлеб ржаной большого размера — *коровѣй*;
- хлеб из пшеничной муки — *пшени́чник*;
- хлеб из ячменной муки — *коровѣшек*;

хлеб, приготовленный из смеси нескольких видов муки — *мзгкий* = *ярушник*;

праздничный вид хлеба — *пирог мучный* : *пирог мучной* = *пирог ясный*.

В качестве родового наименования пирогов закрытой формы в РВГ “Названия пирогов” функционируют варианты лексем: *загибейник* : *загибённый*, названные по характеру действия, производимого при изготовлении изделия. В качестве родового наименования изделий открытой формы функционирует слово *пирог*, атрибутивный компонент при котором, как правило, указывает на характер начинки, с которой выпекалось изделие. Лексема *пирог* существует в системе говора д. Тырпасовской как многозначная, обозначая “праздничный вид хлеба” и “пирог открытой формы с любым видом начинки”.

Пирог с рыбой имеет названия: *рыбник* и *пирог с рыбой*.

Структура микрогруппы “Названия пирогов с ягодами” характеризуется последовательной привативной оппозицией.

загибейник : *загибённый* → *ягодник* → *черничник*
брусничник

пирог → *пирог ягодный* → *пирог с черникой*: *пирог черничный*
пирог с брусникой

Аналогичная структура характерна и для названий пирога с крупой (выпекался, как правило, открытой формы).

пирог → *пирог крупный* → *пирог заспennyй* (*заспа* — ячменная крупа).

Пирог с мясом называют *мясник*, а приготовленный с начинкой из легкого — *лёгочник*. Начинкой *капустника* является капуста, а *картёвника* — картофель. Пирог с грибами имеет название *грибник*, независимо от того, имеет ли он начинку из пластинчатых или трубчатых грибов (в говоре лексема *гриба* — ‘любой гриб’). Названий для пирога с репой, морковью, брюквой в системе говора не отмечено — с таким видом начинки пироги традиционно не выпекались.

Родовое наименование *шаньга* представлено в РВГ “Названия ватрушек”. Шаньги выпекают *крупные*, *картёвные*, *заспennyе*, *грудочные* = *творожные* : с *творогом* (литературному *творог* в архангельских говорах соответствует слово *грудки*): *Шаньги* — *соци за-суют*. *Картёвны шаньги пекли*, *заспenny шаньги*. *Офсянку здёрут*, *крупный шаньги*.

Лепешки выпекаются как из дрожжевого (*жилого*), так и из недрожжевого теста. Из дрожжевого теста пекут *кнёлб* : *колобок* : *ко-*

лобáшек, из сдобного — *коты́ш*, из *прéсного* (недрожежевого) — *кóрку*, или *сьчень* (последние служат и основой — нижней частью — многих выпечных изделий. Из гороховой муки готовят *хлопунéц* (мука подлежит долгому взбиванию, *хлопанью*, со снегом).

В РВГ “Названия витых изделий” представлена одна лексема — *крéндель*.

Как мы видим, в ЛСГ “Названия выпечных изделий”, помимо собственно диалектных слов, функционируют и слова общерусские (*хлеб, выпечка, пирог, хворост, корка* и др.). Семантика этих лексем в системе говора и в литературном языке в чем-то совпадает, но в то же время следует отметить и различия в их смысловом наполнении. Это, на наш взгляд, является подтверждением того, что диалектный язык и русский литературный язык — различные лексические системы, живущие по своим определенным законам, хотя и имеющие, бесспорно, общие точки соприкосновения.

Л и т е р а т у р а

1. Сайкиева С. М. Глаголы движения-перемещения в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. М., 1995.
3. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990.
4. Ибрагимова В. Л. Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975.
5. Сирота Р. И. Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов движения и глаголов перемещения предмета в пространстве в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1968.

Выражение целевых отношений в русском и персидском языках

© кандидат филологических наук А. Хоссейни (Иран), 1999

I

Категория цели в языковой картине мира входит в ряд центральных категориальных понятий, на основе которых человек объясняет мир и то, что в нем имеет место и происходит, — таких, как действие, событие, время, причина, следствие и т. п.

Понятие цели носит сложный характер и связано с концептами желаний и действий субъекта. В связи с описанием цели необходимо также учитывать содержание (или предмет) желания.

Целевое отношение можно охарактеризовать следующим образом: X (субъект) желает А, для осуществления которого совершает В (А и В — ситуации). Целевое отношение, следовательно, предполагает две ситуации, одна из которых является обоснованием другой (целевой, или ситуации цели). Основную ситуацию часто называют ситуацией-стимулом; она отличается от целевой по признакам модальности и темпоральности. Ситуация-стимул всегда предшествует ситуации-цели. Причем первая ситуация, поскольку ее возникновение зависит от субъекта желания, оказывается реально возможной, а вторая всегда ирреальна.

Как правило, субъект-агента ситуации-стимула является бенефактором (можно делать что-то, как правило, в своих целях). Однако это не обязательно. Возможно, что субъект обосновывает нечто не в своих интересах, а в интересах другого, мотивируя это высшими идеальными целями.

«Создание» ситуации может быть связано не только с динамическим действием субъекта, но и с состоянием, сознательно вызванным субъектом. Например: *Кое-кто готов на что угодно, лишь бы быть первым.*

В работах, посвященных проблеме целевых отношений, обычно подчеркивают, что основная ситуация предполагает только действие субъекта, а не его состояние. Следует сказать, что иногда и состояния субъекта могут служить обоснованием выражения целевых отношений. Состояние, вызванное субъектом (его определяют как управляемое —

термин Е. В. Рахилиной, см. [11, 1992]), также может входить в число альтернативных ситуаций. Например: *Я на все готова, только бы мама выздоровела; Может быть, она ждет вопроса какого-нибудь, чтобы заговорить самой.* В приведенных примерах управляемое состояние субъекта служит обоснованием возникновения целевой ситуации.

Итак, при рассмотрении целевых конструкций необходимо учитывать сложность их семантики, включающей такие характеристики, как

— субъективность (цель является результатом интеллектуальной оценки субъектом двух ситуаций, из которых одна является желательной, иногда потенциальной);

— осознанность (цель мыслима в связи с управляемыми действиями и состояниями);

— ирреальность (цель всегда имеет гипотетический характер);

— темпоральность (цель соотнесена с временным планом будущего).

II

Целевые отношения как в русском, так и в персидском языках выражаются несколькими различными конструкциями. Рассмотрим целевые конструкции русского языка, сопоставляя их с персидскими соответствиями.

Приводимые далее русские примеры нами либо сконструированы, либо извлечены из словарей и лингвистической литературы. Ссылка на источник дается только в тех случаях, когда это представляет специальный интерес. Все персидские примеры сконструированы или заимствованы из словарей, при этом указания на источник опускаются.

1) Основным средством выражения целевых отношений как в русском, так и в персидском языке является сложноподчиненное предложение.

В русском языке придаточные предложения, выражающие целевые отношения, могут присоединяться к главной части следующими союзами: **чтобы** (*Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтобы успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору*); **дабы** (*Он собирается записать эту историю, дабы не потерялась она для отдаленных потомков*); **лишь бы** (*Кое-кто готов на что угодно — лишь бы быть первым*); **только бы** (*Я на все готова, только бы мама выздоровела*), а также составными союзами, образованными от **чтобы**: **для того, чтобы** (*Вы мне это говорите для того, чтобы меня утешить*); **с тем, чтобы** (*Через пять минут Калугин уже ... ехал на бастион с тем, чтобы передать туда некоторые приказания*); **ради того, чтобы** (*Ради*

того, чтобы проехаться за казенный счет, они прикидываются нищими); во имя того, чтобы (Продление ядерного века во имя того, чтобы не иссякали кадры ученых и инженеров соответствующих специальностей, — очевидная нелепость).

В разговорной речи возможны целевые придаточные предложения с союзной частицей **пусть**: *Покажите-ка ему, пусть сам убедится* (Домбровский).

Наиболее распространенным и употребительным является союз **чтобы**¹. Отметим, что первым значением данного слова является целевое; кроме того, у этого слова имеются еще и другие значения, в частности значение предположения и допущения, характерное для его употреблений в придаточных изъяснительных (*Сомневаюсь, чтобы он остался доволен*). Сказанное означает, что целевое значение в сложноподчиненном предложении выражается лексико-грамматическими средствами.

Целевой союз **чтобы** стилистически не окрашен и употребляется во всех сферах речи.

Предикат придаточной части целевых конструкций с союзами может выражаться неопределенной формой глагола или формой прошедшего времени глагола (она образует форму сослагательного наклонения; частица **бы** которого слита с союзами **чтобы, дабы, лишь бы, только бы**). Такое формальное различие определяется характером субъекта целевой ситуации. Если субъект основной (А) и целевой (В) ситуации совпадают, то предикат придаточной части целевых конструкций с союзом **чтобы** выражается инфинитивом. Если же субъекты в ситуациях А и В — разные лица, то предикат ситуации В может выражаться формой сослагательного наклонения глагола. Ср.:

Он позвонил матери, чтобы она выслала ему немного денег.

Он пришел к тебе, чтобы предупредить об опасности.

Как свидетельствуют информанты — носители русского языка, союз **дабы** близок союзу **чтобы**, хотя переход его в пассивный фонд делает невозможным всестороннее рассмотрение сложноподчиненных предложений с этим союзом.

Что касается придаточных предложений с **лишь бы** и **только бы**, то они, в отличие от предложения с **чтобы**, способных находиться в пре-, пост- и интерпозиции, невозможны в препозиции. При препозитивном положении предложения с **лишь бы** и **только бы** должны быть

¹ В русском языке есть также частица **чтобы**, выражающая пожелание, требование: *Чтобы этого больше не было!*

интерпретированы как самостоятельные простые предложения. Например: *Только бы мама выздоровела! Я на все (ради этого) готова!*

В разговорных конструкциях с союзной частицей **пусть** глагол дублирует предикат главного предложения по модальности, ср.: *Покажи ему, пусть сам убедится. Я покажу ему, пусть сам убедится. Я Показал бы ему, пусть бы сам убедился.* Первые два приведенных примера выражают ирреальную возможность в будущем, а последний выражает ирреальную желательность, соотносимую с планом прошедшего и будущего.

В персидском языке в сложноподчиненных предложениях, выражающих целевые отношения, употребляются союзы **барайе инке / барайе анке** (= 'для того, чтобы') [*Барайе инке магам-е аввал ра касб конад, у хар руз чанд саат тамрин миконад* (= Для того, чтобы занять первое место, он несколько часов в день тренируется)]; **бе хатер-е инке** (= 'ради того, чтобы') [*Бесйари аз мардом бе хатер-е инке энглаб бе пирузи бересад джан-е ход ра фада карданд* (= Многие люди, ради того, чтобы революция победила, пожертвовали своей жизнью)]; **ке** (= 'чтобы') и **та** (= 'чтобы') [*Амадеам инджа та то ра бе меһмани дават конам* (= Пришел сюда, чтобы пригласить тебя в гости); *Бе банк, рафтам ке (та) һесаб баз конам* (= Сходил в банк, чтобы открыть счет)]; **бе манзур-е инке** (= 'с той целью, чтобы') [*Бе манзур-е инке дошман ра бе агабнешини вадар коним, ма байад нируһайе ходеман ра афзайеш даһим* (= Чтобы — буквальный перевод: С той целью, чтобы — заставить врагов отступить, мы должны увеличить численность вооруженных сил)].

Союз **барайе инке** стилистически не окрашен и может употребляться во всех сферах речи, в то время как остальные целевые союзы стилистически окрашены, например союзы **бе хатер-е инке**, **та** и **ке** принадлежат сфере разговорной речи, а союз **бе манзур-е инке** употребляется в официальной речи.

Отметим, что в персидском языке, в отличие от русского, в придаточном целевом предложении глагол всегда употребляется в личной форме настоящего-будущего времени (которая в иранистике обычно называется аористом), независимо от совпадения или несовпадения субъекта главного и придаточного предложений.

Персидский инфинитив в придаточном предложении не может употребляться. В связи с этим отметим, что инфинитив в персидском отличается от русского тем, что он по характеру сочетаемости прибли-

жается к именной форме, тогда как инфинитив русского языка связан с системой глагольных форм.

2) Целевые отношения могут выражаться и в русском и в персидском языках конструкциями с предлогом.

В русском языке существуют целевые конструкции со следующими предлогами: *для*², *ради*, *в*, *на*, *за*, *из-за*, *в целях*, *с целью*, *во имя*. Русским предлогам соответствуют персидские *барайе*, *манз-е* / *бе хатер-е*, *данбал-е*, *бе манзур-е*, *бе джаһат-е*, *бе нам-е* / *бе онван-е*.

При выражении целевых отношений самым употребительным русским предлогом является предлог *для*.

Предлогом, соответствующим целевому *для*, в персидском языке является *барайе*. Этот целевой предлог является самым употребительным. В конструкциях с предлогом *барайе* целевая ситуация выражается сочетанием целевого предлога с отвлеченным существительным или с инфинитивом, который в персидском языке может употребляться как имя действия. Для иллюстрации возьмем следующие примеры:

Мосальманан барайе азади-е Годс джанфеишани миконанд (= Мусульмане для освобождения священной земли в Иерусалиме жертвуют собой); *Ман барайе дарс хандан бе Москоу амадеам* (= Я приехал в Москву учиться); *Барайе афзайеи-е тоулидат доулат эздамати эттехаз карде аст* (= Для повышения производства правительство предприняло необходимые меры); *Мадар несараиш ра барайе кар кардан бе шаһр ферестада* (= Мать отправила своего сына в город работать).

В персидском языке обозначение целевой ситуации конструкцией предлог *барайе* + существительное в нормативном употреблении предшествует обозначению основной ситуации, т. е. предлог с существительным находится в препозиции, тогда как сочетание данного предлога с инфинитивом влечет за собой иное положение целевого компонента. Место целевого компонента предлог *барайе* + инфинитив может быть различным, т. е. он может находиться в пре-, интер- и постпозиции. Если целевой компонент препозитивен, данная конструкция выражает значение необходимого основания чего-нибудь. Например: *Барайе наггаиш кешидан бе мажик эттийадж дарам* (= Для рисования мне нужны фломастеры).

Если же целевой компонент находится в интерпозиции, то данная конструкция выражает чисто целевое отношение. Например: *Беззад*

² Предлог *для* в сочетании с существительными (как и предлоги *ради*, *в*, *на*, *за*, *из-за*) не всегда выражает целевое отношение). Нецелевые значения указанных предлогов в данной статье не рассматриваются.

барайе харидан-е кафи бе форушгаһ рафт (= Бехзад пошел в магазин купить обувь).

Когда целевой компонент находится в постпозиции, акцентируется конкретная цель, для достижения которой совершилось или совершится определенное действие. Например: *Ман форушгаһ рафтам барайе гушт харидан / на барайе чиз-е дигари* (Я пошел в магазин купить мясо / а не что-нибудь другое).

Предлог **барайе** стилистически не окрашен и широко употребляется в разных сферах речи.

Русский предлог **ради** так же, как **для**, является средством выражения целевых отношений. Названные два предлога являются неполными синонимами и в некоторых случаях могут взаимозаменяться. В. Ю. Апресян, рассматривая сходства и различия данных предлогов, показывает, что **ради** употребляется в случаях, когда действие, названное предикатом основной ситуации, совершается не в интересах субъекта ситуации, а в интересах другого лица или когда субъект действия для достижения своей цели делает много усилий. **Для** не имеет таких семантических компонентов. Приведем примеры:

Ради детей родители способны совершать самые гибельные поступки.

В приведенном примере X — субъект ситуации, А — не является бенефактором ситуации В.

До поздней ночи он занимался перепиской разных бумаг ради грошового заработка.

Ради в данном примере указывает, что субъект ситуации А для достижения своей цели, то есть ситуации В, делает большое усилие.

Русские предлог **во имя** также является средством выражения целевых отношений. В семантике предлога **во имя** так же, как и в семантике **ради**, существует значение «жертвы». Действие, называемое в ситуации А, совершается не в интересах X-а ситуации А. Например:

Ему казалось, что ... (его) будут терпеть на работе только во имя его старости.

Данный предлог стилистически окрашен и принадлежит высокому стилю речи.

В персидском языке эквивалентами предлогов **ради** и **во имя** являются предлоги *махз-е хатер-е / бе хатер-е* (= 'ради'), *бе нам-е / бе онван-е* (= 'во имя').

Семантика этих предлогов также выражает значение «жертвы» и указывает на большие усилия субъекта ситуации для осуществления своей цели.

Персидские целевые предлоги *махз-е хатер-е / бе хатер-е* ('ради') при выражении целевых отношений сочетаются либо с отвлеченными существительными, либо с инфинитивом, в то время как предлоги *бе нам-е / бе онван-е* способны сочетаться только с отвлеченными существительными. В качестве примера возьмем следующие высказывания:

Махз-е хатер-е азади-е (азад кардан-е) то аз зендан зендегие ходам ра бе хатар андахтам (= Я подвергал себя опасности ради твоего освобождения из тюрьмы); *Бе хатер-е мовазебат (мовазебат кардан) аз то ман карам ра раһа кардам* (= Ради ухода за тобой я бросил свою работу); *Бе онване хемайат аз ханевадеһайе би езаат аз тараф-е доулат комесюни ташикил шод* (= Для — буквальный перевод: во имя — поддержки неимущих семей правительством организована комиссия).

В русском языке целевые отношения выражают также предлоги **в целях** и **с целью** в сочетании с отвлеченными существительными. Например:

В целях сохранения овощей от порчи температура в овощехранилище была снижена; В целях ускорения реакции было повышено давление; Мы прибыли с целью оказания вам помощи; Члены секции собрались с целью подвести итоги работы.

Предложно-падежное сочетание **с целью** в русском языке может употребляться с инфинитивом, хотя такие употребления, по-видимому, встречаются редко. Приведем немногие встретившиеся нам примеры: *Все это было сказано с целью смутить Марианну* (Тургенев). *Говорили, что она отравилась с единственной целью не обременять собой бедную дочь* (Лесков). Впрочем, во втором примере представлено словосочетание *с единственной целью*. Предлоги **в целях**, **с целью** используются в книжной официальной речи. В персидском языке их эквивалентами являются целевые предлоги *бе манзур-е* (= 'в целях') и *(бе) джаһат-е* (= 'с целью'). Они стилистически окрашены и употребляются в официально-деловом стиле речи. Примерами могут служить следующие предложения:

Бе манзур-е тасбит-е гейматһа доулат тасмимати эттеһаз кард (= Для стабилизации цен правительство предприняло необходимые меры); *Бе джаһат-е сорат дар пишрафт-е кар байад тагирати дар барнамее кари иджад кард* (= Необходимо некоторое изменение в плане работы с целью прогресса).

При выражении целевых отношений конструкциями с данными предложениями целевой компонент находится в препозиции (см. приведенные выше примеры) или интерпозиции. Приведем пример предложения, где предложная конструкция находится в интерпозиции: *Мардом бе манзур-е хемайат аз сийасатхайе эгтесадиёе доулат раһнеймаи карданд* (= В целях поддержки правительства люди демонстрировали, выражая одобрение его экономической политике).

Средством выражения целевых отношений в русском языке также может служить предлог **за** в сочетании с конкретными существительными. В таких конструкциях в качестве основного предиката употребляются глаголы движения. Например: *Али Акбар ходил за кроликами, но не нашел*. В приведенном примере предлог **за** указывает на направленность действия на определенную конкретную цель.

Целевой предлог **донбал-е** в персидском языке выражает то же значение, что и целевой предлог **за** в русском. Например: *Ахмад донбал-е доктор рафт* (= Ахмад пошел за врачом).

Хотя предлог **из-за** в русском языке в основном выражает причинные отношения, но в редких случаях, а именно когда субъект целевой ситуации находится в необычном для него состоянии или совершает необычное для него действие (своего рода жертву) для осуществления важной для него цели, он может выражать и целевые отношения. Например: *Сергей — математик, но он часто бывает на филологическом факультете из-за лекций академика Лихачева; Выставка не очень интересная, однако я третий раз иду туда только из-за одной гравюры, которая меня поразила*.

Следует сказать, что предлог **из-за** в приведенных примерах является синонимом предлога **ради**.

Эквивалентами предлога **из-за** в персидском языке являются предлоги **маз-е хатер-е** / **бе хатере**. Приведем примеры: *Эмруз хава хейли сард аст ман фагат маһз-е хатер-е (бе хатере) то инджа амадам* (= Сегодня очень холодно, я только из-за тебя сюда приехал); *Ман аз ан синама хошам немайад амма бе хатер-е фильма-е хуби ке дар ан гозаштеһанд бе анджа миравам* (= Мне тот кинотеатр не нравится, но из-за хорошего фильма, который показывают там, я туда пойду).

Русские предлоги **на** и **в** в определенных контекстах также могут выражать целевые отношения. Предлог **на** выражает целевое отношение в случаях, если он сочетается с существительными, выражающими значение действия или события. Например: *Он приехал на лечение* (= У

барайе моаледже бе инджа аммадеh аст); *Магазин закрыли на ремонт* (= Магазех ра барайе тамир бастанд).

Средством выражения целевых отношений может служить также предлог **в** при сочетании с конкретными существительными в конструкциях с каузативными глаголами, выражающими значения 'давания' или 'приведения объекта в движение'. Например: *Отнеси будильник в ремонт* (= Саат ра барайе тамир бебар); *Я, как и все, отдам сына в ученики к столяру* (= Ман хам месл-е дигаран, песарам ра барайе шагерди пише наджджар миферестам).

Как показывают приведенные соответствия, в персидском языке в подобных контекстах целевое значение выражается предлогом **барайе** (наиболее употребительным из целевых персидских предлогов).

3) Одним из способов выражения целевых отношений в русском языке является глагольная конструкция с зависимым целевым инфинитивом (*пришел помочь = пришел, чтобы помочь*). Данная конструкция обычно включает в себя в качестве главного компонента глагол в спрягаемой форме (хотя возможно и сочетание двух инфинитивов). Главная ситуация в данной конструкции обычно выражается глаголом в личной форме, целевая же ситуация — инфинитивом, так что инфинитив, будучи зависимым компонентом глагольных словосочетаний, обозначает то, что является желаемым для субъекта главной ситуации, для осуществления чего он совершает то, что обозначается главным компонентом конструкции. Зависимый компонент глагольных словосочетаний — инфинитив — может быть субъектным и объектным. Субъектный инфинитив выражает действие, оцениваемое как желаемое для субъекта основной ситуации и совершаемое им же. Объектный инфинитив обозначает действие объекта основного действия, названного глаголом в личной форме, совершаемое им по воле субъекта основной ситуации. например: *Детей отправили гулять*; *Она придет позже помочь Володе*. Обе конструкции выражают целевые отношения. Инфинитив в первой конструкции употреблен в объектном значении, а во второй — в субъектном.

Следует отметить, что конструкции с субъектным инфинитивом легко трансформируются в сложноподчиненные предложения с союзом **чтобы**, в то время как конструкции с объектным инфинитивом без дополнительных преобразований не могут заменяться конструкциями с союзом **чтобы**. Ср.: *Придет помочь = Придет, чтобы помочь* и: *Детей отправили гулять ≈ Детей отправили [в сад], чтобы они погуляли* (конструкция **отправили чтобы гулять* в русском языке запрещена).

Целевые отношения в персидском языке так же, как в русском, могут выражаться глагольными конструкциями с зависимым инфинитивом.

Отметим, что важное отличие персидского от русского языка состоит в том, что в конструкциях с зависимым инфинитивом в персидском языке инфинитив обязательно употребляется с целевым предлогом. Существенно, что целевой инфинитив в персидском также может быть как субъектным, так и объектным. Например: *Маджид барайе дарс хандан бе кетабхане рафт* (= Маджид пошел в библиотеку заниматься); *Ман то ра барайе комак кардан седа задам* (= Я тебя позвал помочь мне).

Стоит обратить внимание на то, что некоторые авторы (например, Л. С. Пейсиков) при описании инфинитивных конструкций в персидском языке отрицают наличие объектных инфинитивов: «Объектного инфинитива (в персидском языке) вообще нет, поэтому отсутствует проблема синтаксического употребления объектного и субъектного инфинитивов в такой плоскости, в какой она стоит в грамматике русского языка» [10: 312; 133]. Цитируемый автор субъектными инфинитивами называет только те, которые сочетаются с глаголами, обозначающими начало действия. Например:

Бана кард бе ларзидан ва фарйад кешидан (= Он начал дрожать и кричать).

Между тем следует отметить, что субъектный инфинитив в персидском языке может употребляться в целевых конструкциях. Например: *У барайе харидан кетаб бе магазехе кетабфоруши рафт* (= Он пошел в магазин купить книгу).

Хочется обратить особое внимание еще и на то, что глагольные конструкции с зависимым инфинитивом, выражающие целевые отношения, в персидском языке широко употребляются в разных сферах речи.

4) Целевое значение в русском языке могут выражать деепричастные конструкции. Приведем примеры: *Имре подпрыгивал, слясь заглянуть в окно, за которым творилась дивная музыка; «Шофер найдет», — сдержанно прервала его Вероника, давая понять, что она относится к другому социальному статусу; Люба поднесла палец к губам, предупреждая Игоря, что надо идти на цыпочках.*

Целевая семантика в приведенных примерах выражается деепричастным оборотом.

Персидский язык отличается от русского отсутствием деепричастных конструкций, выражающих целевые отношения. Это объясняется

тем, что в персидском языке деепричастие образуется только от глаголов, выражающих эмоциональное состояние субъекта: *фарйад кардан / фарйад конан* (= 'кричать'), *герйе кардан / керйе конан* (= 'плакать'), *хандидан / ханде конан* (= 'смеяться'), *нале кардан / нале конан* (= 'стонать') и т. п. Подобное состояние обычно является неуправляемым. Поскольку для целевой ситуации характерно произвольное и сознательно управляемое действие субъекта, указанные глаголы не могут выражать целевых отношений.

5) Средством выражения целевых отношений в русском языке могут служить бессоюзные сложные предложения. Бессоюзные конструкции с целевой семантикой в русском языке характерны для разговорной речи. Например: *поезжай, погляди; Садись, будем чай пить; Приходи, мы будем обсуждать этот вопрос.*

Как показывают наши наблюдения, ситуация-стимул в подобных конструкциях чаще всего выражается глаголом движения или изменения местоположения в форме повелительного наклонения (см. приведенные примеры), целевой же компонент, обозначающий желаемое, характеризуется также наличием форм повелительного наклонения, однако в нем возможны и формы будущего времени со значением ближайшего желаемого будущего.

Бессоюзные сложные предложения в персидском языке также могут выражать целевые отношения. Приведем несколько примеров такого типа: *Бенишин, телевизион негах кон* (= Садись, смотри телевизор); *Амадехам, бе то комак конам* (буквальный перевод: Пришел тебе помогу); *То амадехи бе ман хабар бедахи?* (= Ты пришел мне сообщить об этом? — буквальный перевод: Ты пришел мне сообщишь?). Отметим, что в персидском языке ситуация-стимул может быть обозначена предложением с глаголом в форме прошедшего времени, что не характерно для русского языка.

6) Заслуживают внимания близкие бессоюзным конструкции разговорной речи, в которых для обоснования нежелательности какого-либо действия в прошлом или в будущем используются отрицательные предложения с императивом (они описаны в [19, 1976] и [17, 1993]). Например: *А за что их казнят? — Понятно, не за хорошее. За всякие разноеверья, за начальство, за разбой. Не буянь, не воруи* (Бунин).

Предикативные единицы, между которыми устанавливаются целевые отношения, являются здесь составляющими текста. Текстовыми последовательностями с целевыми отношениями являются и охарактеризованные выше сложные синтаксические цели

с препозитивными предикативными единицами, в состав которых входят союзные частицы *лишь бы, только бы*, а также с союзной частицей *пусть* (однако эта частица может быть и в препозитивном, и постпозитивном компоненте текста). Таким образом, интересующее нас целевое отношение в русском языке может быть выражено в пределах текста.

В персидском языке в сложных синтаксических целых также могут быть выражены целевые отношения. Рассмотрим русский текст и его персидское соответствие.

- (1) — *Он мне не верит.*
— *Пусть сам убедится. Я все ему покажу.*
- (1а) — *У бе ман этемад надарад.*
— *Богзар ходаш мотагаэд бешавад. Ман наме чиз ра бе у нешан мидахам.*
- (2) — *Для операции нужно много денег.*
— *Лишь бы мама выздоровела! Я для ее спасения на все готова.*
- (2а) — *Барайе джарахи пул-е зийади лазем аст.*
— *Эй каш фагат маман хуб бешавад. Ман хар кари (бе хатер-е неджат-е у) назерам беконам.*

Показателями целевых отношений в тексте в персидском языке, как и в русском, могут быть частицы (русским *лишь бы, только бы, пусть* соответствуют персидские *кашки, эй каш, эй каш фагат, богзар*).

Однако императивные отрицательные конструкции с целевой семантикой (типа *Понизим его в должности! Не бездельничай! Не мешай другим работать!* ≈ *Постаи ра мигирим. Велгарди након, мозаһем-е дигаран нашоу та постат ра нагиранд* на персидский язык могут быть переведены только формой сложноподчиненного предложения, в котором должен быть употреблен союз *та* (= ‘*чтобы*’).

Подведем итоги. Разнообразие средств выражения целевых отношений позволяет нам сделать вывод, что целевая семантика не имеет жестко грамматикализованной формы. Конструкции, выражающие целевые отношения, связаны с функционально-семантической категорией.

Сопоставление целевых конструкций в русском и персидском языках показывает, что средства выражения целевых отношений в русском и персидском языках во многом совпадают. Однако есть

и серьезные различия. В персидском языке предложный целевой инфинитив функционирует как именная форма, тогда как в русском инфинитив носит глагольный характер.

Специфично использование грамматических форм в составе целевого придаточного предложения: в русском языке в придаточном возможны формы сослагательного наклонения и инфинитива, в персидском употребляются только формы настоящего-будущего времени. Таким образом, инфинитиву русских целевых придаточных предложений соответствует персидское настоящее-будущее время.

Шире, чем в русском языке, представлены в персидском бессоюзные предложения с целевой семантикой.

Что касается русских текстовых конструкций, выражающих целевые отношения, то их аналоги в персидском языке существуют, однако русская разговорная конструкция, выражающая нежелательность некоторой цели, является национально специфичной.

В персидском языке нет деепричастных целевых конструкций.

Л и т е р а т у р а и с л о в а р и

1. *Апресян В.Ю.* ДЛЯ и РАДИ: сходства и различия // Вопросы языкознания, 1995. № 3.
2. *Арендс А.К.* Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.–Л., 1941.
3. *Арутюнова Н.Д.* Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
4. *Бертельс Е.Э.* Грамматика персидского языка. Л., 1926.
5. *Жолковский А.К.* Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964.
6. *Ивин А.А.* Основания логики оценок. М., 1970.
7. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. М., 1975.
8. *Пейсигов Л.С.* Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
9. *Рахилина Е.В.* К описанию вопросов о причине и цели // *Е.В. Рахилина.* Семантика или синтаксис? München, 1992.
10. *Рахилина Е.В.* Отношения причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания, 1986. № 6.
11. *Рубинчик Ю.А.* Современный персидский язык. М., 1960.
12. Русская грамматика / Под ред. *Н.Ю. Шведовой.* Т. 2. М., 1980.
13. Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.–Л., 1965.
14. Современный русский язык / Под ред. *В.А. Белошапковой.* М., 1989.
15. Трудности русского синтаксиса / Под ред. *В.В. Величко.* М., 1994.
16. *Шаронов И.А.* О нестандартных типах предложений со значением цели // Каузальность и структуры рассуждений. М., 1993.
17. *Шатуновский И.Б.* Пропозициональные установки: воля и желания // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
18. *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.